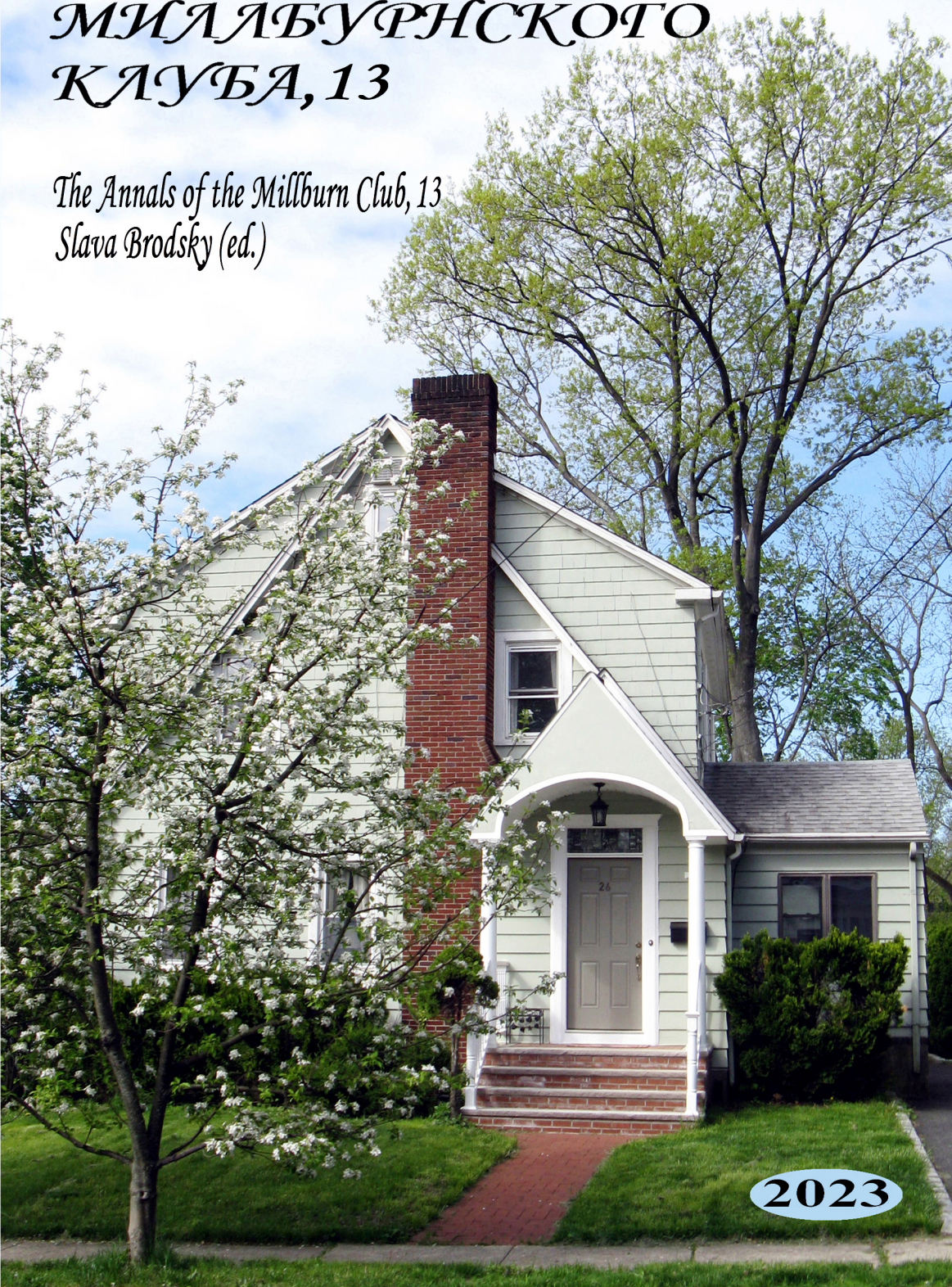

*СПІРАНИЦЬ
МИЛБУРНСЬКОГО
КЛУБА, 13*

*The Annals of the Millburn Club, 13
Slava Brodsky (ed.)*

2023

**Юрий
Благовещенский**

**Александр
Бродский**

**Слава
Бродский**

**Майкл
Голдшварц**

**Дмитрий
Злотский**

**Петр
Ильинский**

**Мир
Каргер**

**Илья
Липкович**

**Игорь
Мандель**

**Лазарь
Мармур**

**Александр
Матлин**

**Зоя
Полевая**

**Юрий
Солодкин**

**Юрий (Гари)
Табак**

**Ольга
Ушакова**

**Эльвира
Фагель**

**Виктор
Фет**

**Яков
Фрейдin**

**Бен-
Эф**

ISBN 9781936581320

9 781936 581320

*СТРАНИЦЫ
МИЛБУРНСКОГО
КЛУБА, 13*

*The Annals of the Millburn Club, 13
Slava Brodsky (ed.)*

*Под общей редакцией
Славы Бродского*

Manhattan Academia

Страницы Миллбурнского клуба, 13
Слава Бродский, ред.
Анастасия Мандель, рисунок на титульном листе

The Annals of the Millburn Club, 13
Slava Brodsky (ed.)
Stacy Mandel, drawing on the title page

Manhattan Academia, 2023
www.manhattanacademia.com
mail@manhattanacademia.com
ISBN: 978-1-936581-32-0
Copyright © 2023 by Manhattan Academia

В сборнике представлены произведения членов Миллбурнского литературного клуба. Его авторы – Юрий Благовещенский, Александр Бродский, Слава Бродский, Майкл Голдшварц, Дмитрий Злотский, Петр Ильинский, Мир Каргер, Илья Липкович, Игорь Мандель, Лазарь Мармур, Александр Матлин, Зоя Полевая, Юрий Солодкин, Юрий Табах, Ольга Ушакова, Эльвира Фагель, Виктор Фет, Яков Фрейдин и Бен-Эф.

This collection features works by members of the Millburn Literary Club: Yuri Blagoveschensky, Aleksander Brodsky, Slava Brodsky, Ben-Eph, Elvira Fagel, Victor Fet, Jacob Fraden, Michael Goldshvartz, Pyotr Ilyinskii, Mir Karger, Ilya Lipkovich, Igor Mandel, Lazar Marmur, Alexander Matlin, Zoya Polevaya, Yuri Solodkin, Gary Tabach, Olga Ushakova, and Dmitry Zlotsky.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.....	5
ЮРИЙ БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ	
СТИХОТВОРЕНИЯ.....	7
АЛЕКСАНДР БРОДСКИЙ	
МОЕ НЕНАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.....	10
СЛАВА БРОДСКИЙ	
Будни и вахты.....	55
МАЙКЛ ГОЛДШВАРЦ	
Немного о справедливости.....	87
ДМИТРИЙ ЗЛОТСКИЙ	
ПИФАГОРОВЫ ШТАНЫ.....	104
ПЕТР ИЛЬИНСКИЙ	
МАСТЕР НЕРАЗРЕШИМЫХ ВОПРОСОВ.....	108
ПЕТР ИЛЬИНСКИЙ, ОЛЬГА УШАКОВА	
АРЕСТ И ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАШЕГО ДЕДА.....	114
МИР КАРТЕР	
АЗКАРА.....	128
ИЛЬЯ ЛИПКОВИЧ	
ПРОГУЛКИ СО СЛAVOЙ.....	158
ИГОРЬ МАНДЕЛЬ	
ИКСЫ И ИГРЕКИ: ГРИМАСЫ ПОНИМАНИЯ ПРИЧИННОСТИ.....	180
ЛАЗАРЬ МАРМУР	
ДЕДУШКА ЛЕНИН.....	224
ВОЗРАСТ. ЦИКЛ СТИХОВ.....	226
АЛЕКСАНДР МАТЛИН	
РАССКАЗЫ.....	232
ЗОЯ ПОЛЕВАЯ	
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	245
ЮРИЙ СОЛОДКИН	
НЕСОЧИНЕННЫЕ СТИХИ.....	251
ЮРИЙ (ГАРИ) ТАБАХ	
КАПИТАНСКИЕ СУББОТЫ.....	259
ЭЛЬВИРА ФАГЕЛЬ	
Ау, МОЕ СЧАСТЬЕ.....	268
ВИКТОР ФЕТ	
КОНТУРНАЯ КАРТА.....	280
ЯКОВ ФРЕЙДИН	
ЧАО, БАБУШКА!.....	290
БЕН-ЭФ	
ВРЕМЯ, НА-ЗАД!.....	298

Предисловие редактора

Пошел двадцатый год с момента образования Миллбурнского литературного клуба – одного из наиболее представительных и авторитетных русскоязычных литературных объединений Америки. Клуб созывается четыре раза в год. Каждое его заседание – это многочасовая сессия, как правило, с несколькими докладчиками. Членство в нашем клубе не формальное. Все члены клуба, включая выступающих, – это люди, имеющие намерение участвовать в его работе (постоянно или эпизодически) и приглашаемые мной по рекомендации актива клуба.

Заседания клуба традиционно проводились в моем Миллбурнском доме (штат Нью-Джерси), за исключением нескольких последних лет, когда после начала вирусной эпидемии мы стали встречаться виртуально. Конечно, живое домашнее общение нельзя сравнить с виртуальным. Но возвращающиеся волны эпидемии не позволяли нам возобновить очные заседания без риска для наших участников. Однако я планирую вернуться к встречам клуба в Миллбурнском доме весной наступающего года.

Мы живем сейчас в очень тревожное время. Кровопролитная война на Украине продолжается. Совсем недавно вспыхнул еще один военный очаг – на Ближнем Востоке. Многие члены Миллбурнского литературного клуба, как я знаю, оказывают всевозможную поддержку Украине и Израилю. Все мы хотим, чтобы было как можно меньше жертв в этих войнах. И надеемся, что оба этих военных конфликта будут закончены таким образом, чтобы ничто подобное не смогло повториться в будущем.

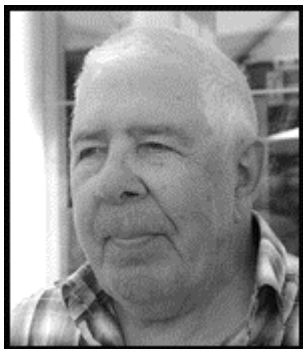
Несколько слов о сборнике этого года. Под его обложкой оказались произведения 19 авторов. В этом году у нас три дебютанта. Один из них – Яков Фрейдин, который публикует рассказ-воспоминание о своей бабушке. Ольга Ушакова выступает на страницах сборника как соавтор Петра Ильинского, знакомого нашим читателям по

предыдущим годам. Они представили в сборник свои воспоминания об их деде. И еще одно новое имя для нашего ежегодника – Юрий Табах. На недавнем заседании клуба он делился с его участниками своими соображениями по поводу того, что происходит у нас стране в связи с военной агрессией России против Украины. А на страницах нынешнего сборника он выступает как автор коротких рассказов – жизненных историй, участником которых он являлся.

Надеюсь, что сборник нынешнего года понравится нашим читателям. Им я хочу напомнить, что ежегодник Миллбурнского клуба – издание не коммерческое. Его выпуски всех лет мы располагаем со свободным доступом на различных сайтах интернета. В частности, их можно читать бесплатно на моем сайте *www.slavabrodsky.com* и на сайте клуба *www.nypedia.com*.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить Рашель Миневич за ту большую редакционную помощь, которую она оказала мне в процессе подготовки сборника к публикации.

Слава Бродский
Миллбурн, Нью-Джерси
19 октября 2023 года

Юрий Благовещенский -

доктор физико-математических наук, профессор. Окончил механико-математический факультет МГУ в 1957 году. Работал в Лаборатории теоретической физики в Дубне, в ВЦ Армянской АН, в Межфакультетской лаборатории статистических методов МГУ, руководимой А.Н. Колмогоровым, и в Межфакультетской лаборатории им. А.Н. Белозерского. Область научных интересов: проблемы анализа статистических данных, представляющих реальные объекты исследования. Автор более 150 научных работ, в том числе соавтор монографий:

«Совершенствование методов прогноза ресурсов изделий, разрушающихся от усталости» (1990) и «Анализ надежности технических систем по цензурированным выборкам» (1998).

Стихотворения

Весна 42-го

Голодные губы
горькие травы жевали.
Умирала сестренка.
А клейстер ржаной
был только для брата:
не было года ему
той проклятой весной...
Вздыблен лед на Двине,
майским солнцем расколот.
Хоронили сестренку...
Той жестокой весной
даже тени умерших детей
продолжали испытывать голод...

* * *

Не от того ль на Севере моем,
и церковь строя, и сбивая дом,
не пробивали дерево гвоздем,
что до сих пор на всех крестах распят,
что гвозди, ржавы и немые, еще торчат,
а капли крови все еще кричат...

* * *

Еще Хаос, еще длинна дорога,
еще рассыпана по миру бездна строк,
еще один, без будущего, Бог -
ни Сатаны, ни свиты нет у Бога, -
все впереди. Лишь Замысел и Дух,
без Слова: озарение в Хаосе...
Бог размышлял, себя не слыша, вслух.

И вдруг замолк, споткнувшись на вопросе:
 «Да есть ли Я?»...
 И, помолчав, изрек:
 «Коль слышу звук в Хаосе – есть основа.
 Итак, начну: вначале было Слово,
 от Слова – Бог, и Слово это – Бог...»

* * *

Мне бы знать, что повторится
 через пару сотен лет
 этой радости зарница,
 этот призрачный рассвет!
 Будет снег шептаться с крышей –
 белый танец белых фей –
 и останки хвои рыжей
 от рождественских елей
 будут искорками гаснуть
 под легчайшей пеленой...

Мне бы знать, что не напрасно
 в этой сказке снеговой
 день рождается; что снова
 через пару сотен лет
 от восторга, от озноба
 остановится поэт
 и, забывшись, цепenea,
 будет слушать, как и я,
 шепот снега, песни фей:
 плоть – его, душа – моя...

Рассвет

Ночь упиралась,
 застревала в соснах,
 цеплялась за овраг.
 Чуть приподнялся ветер сонный,
 расправил вяло два крыла,
 пробормотал в дремоте что-то
 и вновь уснул.

На влажную вспотевшую листву
 прилег туман
 и таял на глазах.
 Проснулись воробьи
 и суетно чирикали –
 как будто спички чиркали:
 чтоб солнце загорелось на ветвях!

* * *

Я стою на поле оголенном.
 Может быть, склевало воронье
 неглубоко брошенные зерна?
 Или поле не родит мое?..

Сонет

20-22 марта 1989 года

Врастаем в Смерть. И с каждой новой смертью
все глубже и прочней связует нас
незримый космос мертвых. И подчас
мы, загнанные насмерть круговертью,

не твердь земную ощущаем твердью,
а мир усопших – золотой запас...
Лишь видя Смерть не в профиль, а анфас,
мы учимся добру и милосердию...

Круты подъемы. Только с каждым днем –
с горы и вниз, и все трудней дорога...
В чем промысел непознанного Бога?
И есть ли Он?.. Что знаем мы о Нем!..

Вникая в смысл, не ведаем итога, –
врастаем в Смерть... И потому – живем...

* * *

Слова из книги старой вспомнил снова:
«Я в жизни смысл искал,
в потемках – свет,
и дух, и плоть пытал, и божье слово.
И прожил в поиске...
Иного смысла – нет!»

* * *

Слепые молятся слепым богам,
жадный молится жадному богу,
злому молится злой...
Хлебу и теплым углам
молится нищий бродяга,
проклявший дорогу...
Я не молось –
беззащитней меня мой Бог,
подвигающий жизнь к творенью...
Он лепит мир
из глины, воды, огня,
подвергая свой труд сомнению.
Радуется: «Удалось!»
Перечеркивает: «Белиберда!»
Мучается, забываясь в тупики мироздания...
...Я не молось.
И смерть – не беда,
если жизнь не требует оправдания!..

Александр Бродский – родился в 1937 году. Окончил Ленинградский театральный институт по специальности «театроведение» в 1961 году. Работал на телевидении в Петрозаводске и Ленинграде, в документальном и научно-популярном кино. Написал более 80 сценариев документальных и учебных короткометражных фильмов. В 25 лет стал членом Союза журналистов. В Америке с 1977 года. Печатался в газетах «Новый американец», «Новое русское слово» и других изданиях. Книга литературных пародий «Извините за внимание» вышла более 40 лет назад. За последние три года вышло еще три книги. На пенсии. Женат, трое детей, пять внуков.

Мое ненастоящее время

Про БДТ, Товстоногова и Володина

Год 1958-й. Нас, студентов третьего курса Ленинградского театрального института, будущих театроведов, распределяют на практику. Почему-то никто не просил БДТ – Большой драматический театр, самый лучший, – и мне он случайно достался. На практику к знаменитой Дине Шварц, заведующей литературной частью! Получаю пропуск в театр на целый год! Могу в любой вечер ходить на спектакли Товстоногова!

И вот я, студент, сижу в репетиционной комнате. БДТ принимает к постановке пьесу Володина «Пять вечеров». Ее читает актерам сам Товстоногов. Читает выразительно, своим густым проникновенным басом, подчеркивая интонации в ключевых сценах. Впечатление, что он знает пьесу наизусть, она ему явно нравится, он посматривает на сидящих и внимательно слушающих актеров – какова их реакция. Рядом будущие исполнители – Ефим Копелян, Зинаида Шарко, Кирилл Лавров. Пока шла застольная читка – а читал сам Маэстро, читал прекрасно, – было интересно. Читать пьесу непросто. Это не проза, не поэзия, не очерк. Это другой жанр. Я с детства коллекционировал пьесы, сам не знаю почему (наверное, у отца заваялись), читать их мне всегда было интересно. Уже читая пьесу, в какой-то степени сам становишься режиссером, видишь своих героев, чувствуешь их настроение, характеры, обстановку, произносишь их реплики.

Поначалу застольные репетиции вела режиссер Роза Сирота. (О ней можно прочитать в блестящей книге Владимира Рецептера «Прощай, БДТ!»). А недавно на фейсбуке были страницы

воспоминаний Сергея Юрского о Розе Абрамовне.) Я впервые видел начальный процесс, я еще не понимал значимости застольной работы. Мне велели коротко стенографировать процесс. Интересно было слышать, как Сирота поправляет актеров, подсказывая, как произносить фразу иначе, усиливать какое-то слово, выстраивать реплику героя в нужном настроении. Этому учат в институте, но интересно было видеть реально, на практике, что такое метод работы актера над собой, по Станиславскому.

Однажды на репетицию заглянул Товстоногов. Что-то ему в одной мизансцене не понравилось. И мы вдруг увидели, что такое режиссерский гений! Он поставил в центре табуретку и сыграл всю сцену один за всех участвующих в ней актеров. Показывая Лаврову, как закончить эпизод, он неожиданно вспрыгнул на табуретку. Все было сыграно настолько неожиданно, что актеры заплодировали! И сцена приобрела совершенно новое звучание! Товстоногов довольно улыбнулся, поклонился актерам и сказал: «Вот так...»

Александр Моисеевич Володин оказался удивительно простым и обаятельным. Мы сидели рядом, в перерыве Володин негромко рассказывал, как его вызвала тогдашний министр культуры Екатерина Фурцева. Вызвала его, Розова и Арбузова, известных советских драматургов, поговорить о театральной драматургии, о том, как и чему учить молодое поколение.

- Говорить пришлось мне, - рассказывал Володин. - Розов пришел после операции, опытный Арбузов отмалчивался, а я по неопытности говорил... Невозможно, когда у тебя в голове сидит твой собственный цензор: разрешат - не разрешат, что можно, чего нельзя, а о чем не упоминать. И тут, - сказал Володин, - я заметил: ты говоришь, а у них вдруг совершенно пустые глаза. У них такая партийная манера (так и сказал - партийная!): они на тебя смотрят, вроде бы понимают, о чем речь, но взгляд идет сквозь тебя. Они уже не слышат и не видят. И ты теряешься, говоришь и в то же время понимаешь, что это все зряшные разговоры...

Мы оказались соседями - я жил в Басковом переулке, а Володин, кажется, в Озерном, - поэтому ездили из театра вместе, на «пятерке». Говорили о драматургии. Как-то раз он провидчески сказал: «Знаете, эта вечная битва с начальством никогда не кончится... Это такая стена, непробиваемая. Да, согласен, сегодня Товстоногову что-то позволяют. Ему пока дают ставить то, что он хочет, но ведь и он однажды воевать со стеной перестанет».

Что и случилось, когда обком партии потребовал снять занавес-пролог перед спектаклем «Горе от ума» с пушкинской цитатой «Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом». Да и весь

спектакль – Грибоедова! – хотели запретить.

В то время в Ленинград приехал студенческий театр МГУ, которым руководил начинающий режиссер и актер Ролан Быков. Москвичи привезли драму чешского драматурга Павла Когоута «Такая любовь». Эта пьеса, достаточно острая, с некоторыми политическими намеками, шла и в БДТ. Спектакль был хорош, но ярким событием в Ленинграде не стал. В нашем театре главную роль играла Людмила Макарова, тогда довольно молодая, по-моему, больше комедийная, чем трагическая актриса. А спектакль МГУ меня потряс. В главной роли – молоденькая студентка Ия Саввина. Сегодня это имя знают все, вы, конечно, помните ее в «Даме с собачкой». Увидев Саввину один раз, невозможно было не понять, какой это талант.

Как раз в это время мне надо было представить отчет о практике. Я написал сравнительный анализ спектаклей – любимого БДТ и студенческого театра МГУ. Я и сам не ожидал – получилось, что моя симпатия была отдана москвичам. Руководителем моей практики была завлит театра Дина Морисовна Шварц, и я принес ей мое творчество на отзыв. Через несколько дней она передала мне просьбу Товстоногова зайти. У меня внутри что-то оборвалось. Правда, испугаться я не успел, Георгий Александрович сразу спросил, как здоровье моего отца, – оказывается, он помнил его с довоенных времен: «Я слышал, он очень болен. Передайте ему от меня привет». А после этого – без перехода: «Я прочитал вашу рецензию. Очень любопытно». И добавил несколько приятных слов: «Вы хорошо видите спектакль... Вы на театроведческом? На каком курсе? Кто ваш руководитель курса? А не хотели бы перейти на режиссерский?»

Я отказался: «Во-первых, огромное спасибо, Георгий Александрович. Во-вторых, мне придется потерять год, если с третьего театроведческого курса перейду на второй режиссерский. Мне надо начинать работать, пожилые родители – пенсионеры. И я понимаю, что работать с актерами так, как это делает настоящий режиссер, я не могу и не умею (я вспомнил, как Товстоногов сыграл сцену из “Пяти вечеров”). У меня нет никакого актерского опыта...»

«Ну что ж, подумайте» – недовольно сказал мэтр. (Больше я с ним никогда не говорил. И даже никогда больше не виделся. Мне почему-то было стыдно, и я боялся столкнуться с ним в длинных коридорах театра.)

Я до сих пор уверен, что сделал правильный выбор... А тогда я ехал на трамвае домой, и меня колотило как в лихорадке. Отец, сам бывший режиссер, узнав о предложении мэтра, накричал на меня в страшном гневе: «Ты хоть понимаешь, от чего ты отказался?» Я молчал. Да, такой шанс. Но мне самому что-то мешало признать ошибку. Все-таки

отказаться от журналистики, в которой начал первые авторские шаги на ТВ... И актерство – это точно не мое, это за семью печатями...

Отец остыл и через пару часов сказал негромко: «Ну, может, и так... С актерами как с волками...» Вот тогда мы с отцом впервые серьезно поговорили о театре. Он признался, что и ему, режиссеру с опытом, бывало трудно с актерами, у которых свои взгляды на творчество, на жизнь... Иногда из-за короткой сцены могут возникать долгие ссоры. А иногда – многолетняя вражда.

Тогда отец сказал: «Актеры люди сложные, со своими представлениями о жизни, о творчестве. И если это не ремесленник, то любому режиссеру-постановщику будет с ним нелегко.! Так что характер надо иметь. – Помедлил и добавил: – Вот и думай...»

Потом я несколько раз встречал Володина – то в булочной на углу нашего Баскова и Восстания, то в гастрономе на Некрасова. Даже не пришло в голову: вот ходит знаменитый драматург, не гнушается простыми житейскими делами. Мы здоровались, Александр Моисеевич всегда был приветлив. А я вспоминаю, как однажды пытался договориться с известным писателем Юрием Нагибиным, хотел пригласить его и тогдашнюю его жену Беллу Ахмадулину на «Голубой огонек» (я был редактором). Рядом стоял шофер-охранник, который к барину не допускал, пришлось объяснить цель разговора. Знаменитости прийти на «Огонек» обещали. Но не пришли.

Я закончил институт и уехал в Петрозаводск, где открыли студию телевидения.

До сих пор иногда думаю – может, я и вправду упустил шанс?.. Нет, жизнь сложилась так, как сложилась, и задним числом ее не перепишешь.

Как я не стал театральным режиссером

Я рассказал, как проходил практику в БДТ, театре самого Товстоногова. Как испуганно отказался от предложения мэтра перейти с третьего театроведческого курса к нему на второй режиссерский. Отказался, честно понимая, что актерского опыта у меня никакого, и я в этой профессии себя не представляю. И никогда об этом не пожалел. Нет ничего хуже, чем занимать чужое место, особенно в искусстве (да и в политике, как известно!). Первым назвал меня дураком мой папа, сам режиссер. Те, кто знал этот эпизод моей биографии, придерживались того же мнения.

Тем не менее, что-то стало покалывать – а почему бы все-таки не попробовать себя в режиссуре? Да и институтский капустник поставил вместе с будущим известным режиссером Евгением Шифферсом (о

котором надо бы рассказать особо).

В школе, где я когда-то учился и которую закончил, я решил поставить «Фабричную девчонку» Александра Володина. Эту яркую пьесу я обожал, к тому же на репетиции «Пяти вечеров» в БДТ познакомился с Володиным. Я нашел в девятом классе девочку, очень способную, чем-то даже напоминавшую Татьяну Доронинову, которая играла главную роль в спектакле в Театре им. Ленинского Комсомола. Но школа отказалась помочь даже с минимальными декорациями, и я оставил эту затею. Однако желание попробовать себя в режиссуре уже наметилось.

Тогда в журнале «Польша» появилась сатирическая пьеса «Великий Бобби» (автор Кшиштоф Груциньский). И я в свою театроведческую голову вбил неожиданный клин – а не поставить ли спектакль с выпускниками института? Сюжет – антиамериканская сатира, начало шестидесятых, польская комедия, может проскочить цензуру.

Пьеса была забавная. Американский сержант Бобби (конечно, явный придурок, типичный тупой янки), проходя мимо неизвестного здания, случайно выбалтывает по пьянке какую-то фразу. А это, оказывается, пароль, автоматически открывающий дверь в главный Арсенал США, где находится пульт управления ракетами, нацеленными на весь мир. Пульт этот – в виде рояля с клавишами. И дверь закрывается. Пьяный Бобби выйти оттуда не может. Или не хочет, понимая, что надо из этой ситуации извлечь какую-то пользу. Например, потребовать... Вот только что ему надо требовать, он никак не может сообразить.

Мир оказывается в опасности. Потому что, если сержант Бобби напьется, то дома он обычно колотит по клавишам пианино. А если в Арсенале решит поупражняться и сыграть что-нибудь типа «Чижики-Пыжики, где ты был», то это три ракеты по Парижу, две напрямик на Рим и четыре шарахнут по Москве.

В общем, – антивоенная пьеса, обличающая американский милитаризм. К тому же написана действительно смешно. Прочитал пьесу ребятам с выпускных актерских курсов, она всем понравилась, и мы дружно решили ее ставить. Позвал на главную роль Жору Штиля и Сашу Боярского. Они были очень разными, но с явными комедийными наклонностями. Жену Бобби должна была играть Нина Свешникова. А майора Тэйлора, который уговаривает Бобби открыть дверь Арсенала и выйти, репетировал Илья Резник.

Мы разучили за столом первый акт, и я, быстро поняв свой профессиональный максимум, попросил главного режиссера ТЮЗа Зиновия Яковлевича Корогодского продолжить работу над

спектаклем. Он нас посмотрел, пьесу прочитал и согласился. Начали репетировать второй акт. А мне надо было по ночам заканчивать дипломную работу о творчестве В. В. Меркурьева в кино.

Но тут неожиданно случился гигантский обвал. Курсы Б. Ф. Зона и Е. И. Тиме, где было столько прекрасных начинающих актеров, ставших в будущем поистине знаменитыми, разобрали (почти поголовно!) ленинградские театры. Наш спектакль не состоялся, так что моя режиссерская карьера закончилась, не начавшись...

И все-таки тогда я чуть-чуть попробовал себя в режиссуре – с помощью моих друзей-актеров. Шестерых выпускников нашего института – Сашу Боярского, Толю Семенова, Олега Зорина, Леню Дьячкова, Лену Маркину (кого-то еще, не помню) – Игорь Владимиров пригласил в свой Театр им. Ленсовета. И ребята обратились ко мне с просьбой помочь им поставить небольшое представление труппе – так просил Владимиров. Тут имел значение не столько мой режиссерский талант, сколько то, что я мог подыграть им на пианино. Я предложил каждому сыграть крохотный монолог из любимых ролей, по 3-4 минуты, а завершить все это институтской песней «Дорогая Моховая, против ТЮЗА серый дом». Мы сделали 20-минутное шоу и показали его труппе театра с большим успехом.

Прошло шестьдесят лет. Никого из моих друзей-актеров в Театре им. Ленсовета уже нет. «Варшавскую мелодию» впоследствии блестяще сыграли Алиса Фрейндлих и Анатолий Семенов. К счастью, остались на российской сцене старые друзья. Георгий Штиль до сих пор – один из старейших актеров Театра им. Товстоногова (БДТ), появляется на сцене в свои 90. Сергей Коковкин стал очень известным драматургом и режиссером-постановщиком в театрах от Турции до США. Александр Прошкин – известный российский кинорежиссер. Борис Улитин жив, ему 84 года, числится в Театре Комедии. Аркадий Волгин – в Пушкинском. И Гелий Сысоев, мой самый близкий друг с первого курса, выходит на сцену в спектакле «Поминальная молитва».

Но все-таки я прикоснулся к режиссуре – в научно-популярном и учебном кино, став режиссером-оператором. Потому что мечта жизни, кинокамера Конвас, в руках – это счастье!

Илья Кан. Учитель

В Ленинград позвонил мой дядя, Владимир Ильич, живший в Петрозаводске. Он встретил на улице известного в Карелии журналиста Илью Кана. И тот рассказал, что его назначили исполняющим обязанности директора недавно открывшейся телестудии, которой нужны редакторы с опытом работы на телевидении. Судя по всему, случайный разговор с Каном напомнил

дяде о том, что его племянник, то есть я, сидит без работы. А я закончил курс театроведения в Ленинградском театральном институте, и меня распределили в Дом народного творчества, от чего я категорически отказался: ну не люблю самодеятельность, не могу заниматься тем, что мне неинтересно. Молодость бескомпромиссна... И работы в родном городе у меня не предвиделось. Словом, Кан сказал: пусть племянник приедет, поговорим. Дядя позвонил в Питер, я обрадовался и побежал за билетом на поезд.

Утром вышел на пустынную вокзальную площадь. Сел в автобус, как велел дядя, приехал на конечную остановку. Вблизи высилась телевизионная вышка. Двухэтажное здание за забором. В кабинете сидел симпатичный седовласый человек. После взаимных приветствий, мягко груссирюя, спросил, есть ли у меня хоть какой-то опыт работы на телевидении. Я положил на стол страниц тридцать моих беспомощных опусов – сценарии, которые мне довелось накропать в детской редакции Ленинградской телестудии, где я пытался подработать в студенческий период. Илья Леопольдович открыл первую страницу, увидел текст, посмотрел на правый ряд страницы – туда, где поясняется изображение, – открыл вторую страницу и закрыл ее. Разговор был короток: когда можете приехать? Дело было в июле, я ответил – когда скажете.

– Тогда ждем первого августа, – сказал Кан и пожал мне руку.

Больше никогда в жизни меня так быстро не принимали на работу! Осталось вернуться домой за вещичками и получить формальное распределение. В институте обрадовались – хоть кто-то из ленинградцев на периферию попросился!

А тогда в кабинет Кана вошла Эра Тарова – моя соученица, наша театроведка, которая закончила институт за два года до меня. Эру я прекрасно знал, мы вообще в институте все друг друга знали, да и с мужем Эры я был знаком. Тойво Хайми, ее муж, актер финского театра, тоже недавно закончил наш институт в финской студии. Это была забавная пара: Эра – очень хорошенькая бурятка, славная, веселая и такая быстрая, что, казалось, ее можно догнать только бегом. Тойво рядом с ней выглядел слишком медленным, неторопливым, типичным финном. Эра числилась старшим редактором литературного вещания, куда меня и определил Илья Кан. Мы с Эрой дружили. Она даже как-то ночевала у нас в Ленинграде в Басковом переулке, когда я вернулся в Питер. Эра Тарова прослужила на телестудии всю жизнь. К сожалению, не так давно она ушла от нас.

Об Илье Леопольдовиче я нашел много рассказов. Абсолютно все, кто работал с ним, вспоминают его деликатность, интеллигентность, выдержку и профессиональные журналистские качества. Он читал

сценарии быстро. Схватывал то, что было главным, точно указывал на недостатки, причем так деликатно, что я не припомню, чтобы кто-то обиделся на его замечания. Как правило, деньги займы давал по первой просьбе.

Илья Кан стал моим крестным отцом в двух случаях. Тогда вышел роман Тевекеляна о чекистах «Гранит не плавится». Начало шестидесятых, в литературу стали проникать первые сведения о беззакониях сталинщины. И Кан предложил мне написать пьесу по этому роману. Я довольно быстро накропал инсценировку в двух актах, и спектакль, впервые в истории карельского ТВ, шел с продолжением – два вечера.

Только впоследствии я задал себе вопрос – а почему Кан доверил это мне? Ведь он и сам мог сделать эту инсценировку и заработать приличный гонорар. Но это же Илья Кан – он понимал, как мне трудно жить на новом месте, в новом городе, на крохотную редакторскую зарплату. И эта инсценировка – приработок, причем значительный.

Спустя какое-то время я пришел к Кану с идеей сделать фильм о Кижях. Студия открылась пару лет назад, кинопроизводство делало первые шаги, и Кижский погост на острове в Онежском озере еще не стал культовым местом общероссийского паломничества. Мою заявку на телефильм «Кижь – сокровище Онеги» наш председатель радиокomiteта отверг с порога: «Вы что, вправду хотите церкви снимать?» – спросил он, понизив голос. 1962 год. Видно, «оттепель» в кабинеты карельского начальства еще не пришла.

Главный редактор подсказал: «Покажите сценарий главному архитектору Карелии и предложите ему стать соавтором». Так и было решено. Глава Карелпроекта и главный архитектор республики Соломонов, человек доброжелательный, мой сценарий подписал, получил 60% сценарного гонорара (60 рублей), и больше я его никогда не видел.

Съемки короткометражного фильма разрешили. А кто будет снимать? Кан опять нашел решение. В нашей редакции вялотекущие новости снимала заочница ВГИКа Евгения Малош. Леспромхозы, школы, уборка снега. Для курсовой работы студия должна по закону дать Жене пленку и профессиональную камеру Конвас. Так у будущего фильма появился оператор – Евгения Малош.

Как я снимал, монтировал и озвучивал фильм, я рассказал в книге «40+40» (Женя была кормящей мамой, снимала Кижский собор день или два и умчалась к заболевшему сыну). Главное, что фильм я закончил, смонтировал, дикторский текст прекрасно прочитал Лев Милиндер, актер Театра Комедии. Потом картину растиражировали,

разослали по телестудиям, и этими девятью минутами затыкали паузы между передачами по всей стране. Так что я законно горжусь – наш коротенький фильм стал началом всесоюзного карельского бума. Молодежь всей страны, особенно туристы, рванули в Карелию! И тут решающий толчок тоже принадлежал Илье Леопольдовичу.

А вскоре появилась всенародно любимая «Карелия», песня моих добрых друзей – поэта Кима Рыжова и композитора Александра Колкера. С какой любовью и выразительностью спела ее потрясающая Лидочка Клемент! Не случайно мелодия песни стала позывными Карельского радио и телевидения! Появились они практически одновременно – наш фильм о Кижях и песня о прекрасной Карелии.

Пока писал, вспомнил: ведь это Кан посоветовал мне подать заявление в только что организованный Союз журналистов и написал мне рекомендацию. И комиссия, в которую входил Илья Леопольдович как один из старейших журналистов Карелии, приняла меня в ССЖ. Мальчишку, в 25 лет, – в творческий Союз! Билет пришел с подписью Алексея Аджубея – тогдашний зять Хрущева был главным редактором «Известий» и председателем Союза журналистов. На моем билете стоял №900. Этот мой номер всегда напоминал мне о страшных девятистах днях блокады Ленинграда.

Я жил в Америке, когда мне рассказали печальную новость. Илья Леопольдович поехал в Ленинград, средь бела дня упал на улице и, видимо, скончался от сердечного приступа. Его вещи и документы украли, тело лежало в морге. Нашли его через неделю.

Как я не стал настоящим полковником

Кажется, сколько мы жили в Союзе, вечно или переживали войну, или готовились к ней. И вот в конце пятидесятых в нашем Театральном институте ввели военную кафедру. Появились офицеры при погонах. Два года из будущих актеров, художников и театроведов готовили офицеров запаса. Уставы, разборка и сборка автомата... Ну, ясное дело, без нас оборона нашей могучей страны с супостатами не справится! Мы изучали военное дело, ездили летом в лагеря на переподготовку.

Однажды во время строевых занятий жарким вечером гонявший нас майор Хохлов услышал мою неосторожно брошенную громкую реплику: «Я бы товарищу майору с удовольствием из Калашникова да в заднюю часть...» Хохлов остановил строй, скомандовал «Смирно!», и вызвав меня из строя, неожиданно закричал: «Да я бы вас первым застрелил!» Обратите внимание – на «вас»! После чего мне было обещано, что госэкзамены я не сдам ни за что на свете, а значит, и диплома мне не видать. Угроза вообще-то была серьезная!

Но я же сказал, что я счастливчик! И опять повезло! Осенью военную кафедру ликвидировали, а звания младших лейтенантов запаса дали без экзаменов. Майор Хохлов и погоны из института исчезли. Остались на память только две фотографии. Одну мне прислала однокурсница Тася Каменир, ныне преподаватель истории театра в Ярославской Театральной Академии. На фото – мы сидим, шестеро театроведов, и изучаем автомат Калашникова. За первым столом – я с Димой Максимовым, будущим министром культуры Якутии. За вторым столом – Борис Довлатов и Анвар Насыров из Башкирии. Тоже, говорят, руководил в Уфе местной культурой. А за третьим – Костя Палечек и Миша Кураев. Оба на «Ленфильме» служили редакторами, потом Кураев стал знаменитым писателем, написал кучу книг и киносценариев.

Второе фото мне недавно прислал по интернету мой старый добрый друг, драматург и режиссер Сергей Коковкин. Мы стоим в строю, длинного Борьку Довлатова я увидел, а себя не разглядел. Я где-то в общей шеренге затерялся.

Советская армия свои кадры никогда не забывала. На сборы я не появлялся, но однажды меня прихватили прямо на работе, на студии «Леннаучфильм». Чуть ли не под конвоем усадили в грузовик, в котором сидело несколько раздосадованных мужиков, их тоже взяли прямо на службе. Уже через три часа вместе с другими запасниками мы оказались в Токсово под Ленинградом. Нам объявили: сбор проводится по приказу ЦК, проверяется готовность офицеров запаса Ленинграда. Учения – десять дней! Ничего себе, вляпался! А у меня в кармане билеты на самолет, отпуск семьи через неделю. И никто слушать не хочет.

Переодели в форму, велели получить оружие. Я не пацифист, но получать пистолет не пошел. Как впоследствии выяснилось, правильно сделал. Приказали принять взвод солдат, таких же запасников, ленинградских работяг, провести политинформацию, рассказать о международном положении. Это было единственное полезное дело, которое я успел совершить в советской армии. Аккуратно, не называя источников, рассказал последние новости «Голоса Америки» и Би-би-си. Слушали, как мне показалось, с большим интересом.

Наконец через четыре дня привели пред светлые очи командира дивизии. Сидит в палатке немолодой генерал со звездой Героя. Позади толпятся полковники и прочие. Задает мне вопрос: «Хочешь в отпуск? А если завтра война?»

И я ему вежливо и по уставу отвечаю:

– Товарищ генерал, разрешите доложить!

– Ну?

– Если завтра война, от моего взвода пыль останется.

– А это почему?! (Грозно так смотрит.)

– А потому что в моем взводе у половины солдат нет сапог, у другой половины нет автоматов, а у кого автоматы есть, к ним нет магазинов. Часть взвода осталась вчера голодной, на них обеда не хватило. И вообще, вот билеты на самолет, у моей семьи отпуск начинается (счастье, что я билеты дома не оставил...).

Генерал громко выматерился и велел отпустить меня. Другие удрать в тот день не смогли – некому было сдать пистолеты. Потому что старшина полка «уехал на базу». А мы улетели в Киев, оттуда – неторопливым пароходиком в славный город Чернобыль. Замечательный был отпуск! Купанье в реках Припять и Уж, рыбалка. Плавали на лодочке по каналам, соединяющим эти речки. А какой там песчаный пляж! Овощи, фрукты, шашлыки... Конец шестидесятых.

Кто мог тогда знать, что вскоре в Чернобыле начнут строить атомную электростанцию, это несчастье конца 20-го века...

Подав документы на выезд, я принес военный билет в военкомат. Тетка посмотрела на меня с сожалением: «Уезжаете? А вам очередное звание – старшего лейтенанта».

Ах, какая жалость! А мог бы я с годами до полковника дорасти? А там, глядишь, генеральские штаны с лампасами.

Якоб Штайнер и его скрипки

Позвонил старому приятелю Мише Кацу в Канаду. Хотел узнать у него, бывшего выпускника училища им. Мухиной, помнит ли он Роберта Карловича Таурита, которого я знал и о котором хотел написать. Роберт Таурит и Вера Исаева были авторами скульптуры «Мать-Родина» на знаменитом мемориальном Пискаревском кладбище в Ленинграде. Миша учился на отделении скульптуры, но, как ни странно, с профессором Тауритом он не пересекался, хотя с Верой Васильевной Исаевой встречался по делам Союза художников. Неожиданно Миша рассказал историю, не имеющую никакого отношения к скульптуре, но ее просто необходимо знать и помнить.

У них в семье долгие годы хранилась старинная скрипка – с личной подписью автора, австрийского мастера Якоба Штайнера, жившего в XVII веке. Мастер незабываемый, делал скрипки в Кремене, где царствовала семья знаменитых скрипичных мастеров Амати, у которых Штайнер, судя по всему, и учился. Делал он не только скрипки, но и виолы, и альты, и виолончели; сохранилось их не так много, были они хорошего качества, а главное – не так дороги, как Страдивари или Амати. Зато разошлись по миру, были в руках

европейских исполнителей, среди которых упоминаются даже Моцарт и Бах.

Считалось, что в России есть только две скрипки работы Якоба Штайнера. Инструмент, который подарила Мишиному отцу тяжело больная, совершенно одинокая приятельница, сразу вызвал вопрос: был ли это один из тех двух российских экземпляров штайнеровской работы, или это был третий, совершенно неучтенный или неизвестный инструмент? Наум Кац, парикмахер в маленьком городке на Орловщине, музыкантом не был, скрипка хранилась в семье долгие годы как память и перешла по наследству Мише. Когда настала пора уезжать из Ленинграда в эмиграцию, скрипку надо было оценить и продать.

В музее музыкальных инструментов скрипку попросили оставить на время: «Раз в месяц к нам приезжает знаменитый скрипач Коган, он оценивает инструмент и дает заверение, подлинная ли это скрипка». Через месяц в музее сказали – скрипка подлинная, сертификат внутри штайнеровский. Причем смычок – от другой штайнеровской работы, виолы, инструмента той поры. Вообще, суперчудо, и по мнению Когана, стоит еще дороже, чем сама скрипка. И как вещь уникальная, вывозу из России не подлежит.

Миша позвонил в Таллинн единственному специалисту, знающему цены на музыкальные редкости, и тот сказал с эстонским акцентом: «Много тышатшей, много тышатшей!» А это начало девяностых, когда денег у народа не было. Не было и нужных связей, чтобы скрипку продать. Пришлось дать объявление. Пришла скромно одетая женщина и купила скрипку за смехотворную цену – несколько сот рублей. Запомнили имя покупательницы – Гета Двойрина.

История была интересная. Я стал искать информацию о самом Штайнере. Оказалось, одна из российских скрипок имеет уголовную историю. Некто Сергей Дьяченко, довольно известный скрипач и педагог, названный в прессе музыкальным контрабандистом, пытался вывезти скрипку за рубеж через знакомого американца, которого на таможне повязали. Инструмент имел фальшивый сертификат, будто скрипка недавно сделана в Европе, а подлинный паспорт авторства (так называемый этикет) был у иностранца в кармане. Дьяченко, который уже был уличен в аферах с музыкальными инструментами, получил семь лет тюрьмы, а его поделник-американец – три года. Об этой истории даже писали иностранные газеты. В приговоре суда было сказано: «Скрипки снабжались поддельными этикетками, наклеенными поверх оригинальных, и вывозились за границу под видом более дешевых инструментов. В Москву же перевозились скрипки с поддельными этикетками более дорогих инструментов». Вот

такая музыкальная контрабанда. Инструмент передали в музей, а как и когда отсидевший Дьяченко оказался в Италии, – непонятно. Середина девяностых, уголовный мир заселил места заключения, и отсидка скрипача-контрабандиста, по всей видимости, была укорочена.

В Риме Дьяченко давал уроки скрипичной игры, продавал скрипки коллекционерам и своим студентам. И опять был уличен в подделке скрипок и их сертификатов. Теперь ему угрожал большой тюремный срок в Италии. В одно совсем не прекрасное утро жена нашла его повесившимся.

Инструмент Штайнера тихо существовал в музее, но в мае 1996 года его опять украли – другие антикварные воры, некто Я. Григорьев и И. Шандуров. Их нашли и повязали. О чем тоже есть в Википедии.

И тут – продолжение... Через много лет Миша прочитал газетные новости Санкт-Петербурга. Среди прочих событий сообщалось, что в городе произошло убийство одинокой женщины. Украдена редкая скрипка работы знаменитого австрийского мастера Якоба Штайнера... И где же она теперь, эта скрипка?

Погодите! А может быть, это была третья, никому не известная российская скрипка Штайнера? Ведь женщина, подарившая инструмент семье Каца, скрипачкой не была, говорила, что случайно захватила скрипку со своим скарбом в 1919 году, спасаясь из захваченной бандитами Одессы. И где теперь эта скрипка, неизвестно.

20 июня 2020 года я увидел в Интернете объявление: «Скрипка Штайнера с сертификатом подлинности продается за 28600 долларов». Не та ли самая? Пытаюсь найти, кто продавец. На следующий день объявление исчезло...

И опять новость: украинская таможня задержала женщину, которая пыталась вывезти за границу две скрипки австрийского мастера. Как это они то появляются, то исчезают, эти скрипки Якоба Штайнера?..

Какой-то бесконечный концерт для скрипки с криминалом.

Вадим Шеповалов, композитор

Странное дело: у каждого творческого человека бывает что-то одно – открытие или произведение, – сделавшее его знаменитым. Почему-то, когда упоминают Шеповалова, в памяти музыковедов оживает мелодия «Дождь на Неве» – песни, спетой Лидией Клемент и сделавшей автора музыки знаменитым. Поначалу его фамилию по незнанию писали более привычно, через «а» – Шаповалов.

Два года мы с Вадимом Михайловичем сидели рядом в эстрадной

редакции ЛенТВ, Вадим отвечал за музыкальную часть, я был литературным редактором. Мы были маленькой частью общей музыкальной редакции, и к нам ежедневно забегали гости, – актеры, композиторы, певцы. По делу и просто так. Вадим знал всех, и все, кажется, знали его. И при том он оставался поразительно скромным и даже застенчивым человеком. При его поддержке я познакомился со многими музыкантами шестидесятых. Вадим уже состоял в Союзе композиторов, он казался мне пожилым, а был всего на 12 лет старше. Я часто спрашивал его мнение по разным музыкальным делам, потому что никогда официально не учился музыке, а Вадим Михайлович окончил питерскую консерваторию.

Если посмотрите список написанных Шеповаловым произведений, то сразу вспомните многие его песни, оставшиеся в нашей памяти отзвуками молодости. Его песни пели лучшие исполнители разных лет. Лидочка Клемент спела «В Летнем саду» – прелестный и немного грустный вальс. Почему его не повторяют с тех пор, с памятных шестидесятых? Хотя – о чем говорить, эстрада теперь не та, не питерская, не интеллигентная, словно намеренно низкого вкуса, для плебса. Помню, Мария Пахоменко пела в концертах «Грусть», а Михаил Боярский – «Будьте добры». Как-то Эдуард Хиль зашел в нашу комнату и попросил Вадима показать, какие новые песни появились. И вскоре мы записывали Хилья с песнями Шеповалова «Еще не кончен бал» и «Голос первой любви». И как не упомянуть замечательную Алису Фрейндлих – она записала добрую и трогательную «Реку любви».

Я помню и оркестровые пьесы, написанные Шеповаловым. Знаменитый в те годы джаз Вайнштейна играл «Вечерний город», духовые звучали тонко, как скрипки, – выразительно, с нежностью. Одно оркестровое произведение Шеповалова исполнял в концертах эстрадный оркестр Ленинградского радио под управлением Анатолия Бадхена. Именно оно привлекло меня особо. Автор назвал его «За город на велосипедах». Пьеса звучала задорно, живо, – как веселые ребята странствуют летом по лесным дорожкам, и партия рояля, всегда на первом плане в мелодиях Вадима, была наполнена солнечным светом. Я настолько проникся этой вещью, что предложил Шеповалову сделать концертный ролик, где на велосипедах ехали бы парень и девушка под эту легкую и игривую мелодию, которая напоминала бы мотивы первой любви. Я сделал раскадровку и показал Вадиму, ему идея понравилась. Но проблема оказалась чисто технической: пьеса длилась 12 минут, а музыкальные киноролики требовалось уложить в 7–8 минут – такова норма для кинономера. Предложить Вадиму переписать оркестровую вещь короче я не решился, идею пришлось похоронить. Но мелодию до сих пор помню.

Не так давно мое внимание привлекла пропущенная мной кинокартина «Шаги императора», снятая на Ленфильме по классическому рассказу Юрия Тынянова «Поручик Киж». В этом фильме многое сошлось. Автором сценария был друг и однокурсник моего старшего брата Лев Мархасев. В роли того потерянного в списках поручика – сын моих друзей актер Аркадий Коваль. А музыку к фильму написал Вадим Шеповалов. Музыкальный фон, воспроизводящий мертвенную, как тогда считали, атмосферу времен императора Павла Первого, сухая барабанная дробь, под которую шествуют российские солдафоны – солдаты и генералы. Видения сумасбродного императора и сопровождающий его пронзительный и трагический ритм времени... Если не видели фильм, найдите его на *YouTube*. Стоит посмотреть!

Наверное, у каждого автора своя судьба. Шеповалов – скромный, сдержанный, высокоинтеллигентный, он мог бы стать знаменитостью. Но как верно сказал Борис Пастернак, – «Быть знаменитым некрасиво». Вадим никогда себя не рекламировал – порядочность была для него как привычка, которая, как известно, не позволяет скромным людям выделяться. К тому же сколько талантливых композиторов тогда работало в Ленинграде – Соловьев-Седой, Андрей Петров, Георгий Портнов, Александр Колкер, Вениамин Баснер... Легко было затеряться в этой компании.

И еще одна удивительная деталь, о которой никто не знает. На ЛенТВ шла серия кукольных передач для малышей, их много лет ставил режиссер детской редакции Николай Куракин. Может, вспомните его «Жаконю и друзей»? Коля Куракин часто заходил в нашу редакцию, мы садились на подоконник в коридоре покурить. Куракин тоже знал Шеповалова. И однажды он заказал куклу для своей передачи. Кукла выглядела теплым и скромным человечком – один к одному Вадик Шеповалов. Круглое лицо, большие роговые очки... Найдите фото – может, вспомните кукольного героя рядом с Жаконей?

И вдруг на фейсбуке подсказала читательница – это был Телевичок, вылитый Вадим Михайлович Шеповалов!

Эти известные Неизвестные

Память детства... Она может быть и добрая, и злая. Моя – добрая. Потому что проведенные во время войны четыре года в Нижнем Тагиле помню, будто это случилось вчера. Урал остался в памяти. Может быть, из-за сказок Бажова. Может быть, из-за могучей реки Чусовой и ее крутых берегов. Или оттого, что мама водила меня в краевой музей, где запомнились муляжи волка, лисы, стенд с

уральскими камнями (любовь к музеям с тех пор осталась на всю жизнь). А может, потому, что приютила нас, эвакуированных, замечательная семья Ельниковых, которые остались друзьями на долгие годы...

Попался опрос: любимая книга детства. Вдруг вспомнил название – «Мальшок». А вы читали эту повесть? Это напоминание об Урале, о годах эвакуации.

Мне было лет десять. Отец читал в газете имена лауреатов Сталинской премии 1947 года и вдруг говорит: «Вот, смотри, Ликстанов! Писатель. Помнишь, он ко мне в прошлом году приходил? Премия третьей степени за повесть "Мальшок"». Иосиф Ликстанов и вправду как-то навесит моего отца сразу после войны. Но я его не запомнил. Только слышал отцовскую фразу: «Он такой бедный. У него единственный сын на фронте погиб, восемнадцати лет».

«Мальшок» Иосифа Ликстанова был моей любимой книжкой. История, как парнишка во время войны пришел из тайги в большой город, как попал в ремесленное училище. Паренек маленького роста, его и прозвали – Мальшок. Он сдружился с ребятами, привезенными в эвакуацию из Украины, и стал настоящим ударником и местной знаменитостью. Подростки работали на заводе, учились вытаскивать снаряды. А снаряды надо укладывать в ящики, специально сколоченные. И оказалось, что наш Мальшок фантастически быстро вколачивает гвозди одним ударом и перевыполняет нормы по этим снарядным ящикам.

Мальшок происходил из семьи старателей, знающих, как намывать песок в ручьях в поисках золота. Еще до войны ему повезло – он нашел золотой самородок. И пришел день, когда этот самородок ему пригодился, чтобы помочь заболевшей девочке. Впрочем, можете сами найти и прочитать эту повесть о ремесленниках Приуралья, самоотверженно помогавших заводу и фронту. Тогда, в послевоенные годы, было не так много книг, написанных специально для детей. А этот «Мальшок» полюбился. Малоизвестный писатель Ликстанов неожиданно получил Сталинскую премию, повесть печатали все издательства страны, вышло полтора миллиона копий!

Жил Ликстанов в тогдашнем Свердловске, работал журналистом в местной газете, стал членом Союза писателей по рекомендации старейшего уральского писателя Павла Петровича Бажова, чьи сказки мы все читали в детстве. Ликстанов написал пару детских повестей, но скончался молодым, в 55 лет. Много лет его терзала память о погибшем на фронте единственном сыне. Роман «Безымянная слава» – последнее произведение Ликстанова. Этот роман о советских журналистах 20-х годов вышел в свет после смерти писателя. Книгу опубликовал

«Детгиз», она прошла незамеченной.

И тут для меня самого начались неожиданности.

Памятник из черного гранита на могиле писателя поставил молодой друг Иосифа Ликстанова, живший в Свердловске, студент-скульптор Эрнст Неизвестный. Тот самый Неизвестный. Прошедший войну, чудом выживший после страшного ранения, потребовавшего полномасштабной операции разорванных легких и перебитого в трех местах позвоночника. Посмертно награжденный орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» (награды скульптору вручили через 25 лет!). Неизвестный выжил, три года ходил на костылях, учился в Академии художеств в Риге, потом поступил в Московский художественный институт им. Сурикова. Одновременно он посещал занятия на философском факультете МГУ. Эрнст Иосифович Неизвестный оказался не только мужественным человеком, но и скульптором-монументалистом (это при его болезнях и ранах!), опередившим свое время и разработавшим философские основы теории мировой скульптуры XX века!

В короткой статье невозможно говорить о работах Неизвестного, о его премиях, членствах в различных академиях, о музеях, где хранятся его произведения, перечислять города, в которых стоят его монументы, – для это потребуется многотомное сочинение, посвященное творчеству Неизвестного. Это с ним однажды схватился в резком оскорбительном диалоге сам Хрущев! История известная. Официозные художники привели малограмотного в искусстве владыку на выставку, которая генсеку страшно не понравилась. На этой выставке художники представили свои произведения явно не в манере соцреализма, за что Никита всея Руси обозвал их работы дегенеративным искусством, а самих художников – малограмотным и хамским словом «пидарасы». Вот тогда в спор с ним и вступил Неизвестный... Мало кто знает, что до этого работу третьекурсника Эрнста купила Третьяковская галерея, а за скульптуру «Строитель Кремля Федор Конь» молодой художник – это была его дипломная работа – был представлен на госпремию. Премии он не получил, но работу купил Русский музей. Тем не менее скульптор был отовсюду исключен. Хотя через несколько лет все равно посыпались заказы, а начальство изо всех сил старалось сделать Неизвестного действительно неизвестным. Советские скульпторы тогда на потоке лепили вождей, а личность Ленина надо было наваять для любого села и для каждого «красного уголка».

В начале семидесятых, видя, что особого понимания его творчество в СССР не находит, Эрнст Иосифович решил податься в эмиграцию. Через три года, посидев в отказе, он все-таки уехал в Америку. О том,

что было дальше, можно прочитать в сотнях статей, книг и диссертаций о творчестве великого Мастера. Парадокс заключается в том, что надгробный памятник Никите Сергеевичу Хрущеву его семья заказала именно Неизвестному. И тот создал его из черного гранита и белого мрамора, что символизирует противоречивый характер, неоднозначность личности Хрущева.

Вот так рукой и талантом скульптора созданы два надгробия – скромному свердловскому писателю Иосифу Исааковичу Ликстанову и первому секретарю КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву.

А дальше начинается третья удивительная судьба. Судьба писательницы и поэтессы все из того же Свердловска, ныне Екатеринбург, Беллы Абрамовны Дижур (1903–2006), матери скульптора Эрнста Неизвестного. Ей полагалось быть второй в этом рассказе, но так получилось, что судьба двух моих героев несколько заслонила ее.

Выпускница герценовского института в Ленинграде, вышедшая замуж и уехавшая с мужем-врачом в Свердловск, она преподавала в школе химию, потом начала писать научно-популярные книги для юношества. Уже в 1940 году Дижур была принята в Союз писателей по рекомендации все того же уральского сказочника Бажова. Начала писать и публиковать стихи. Поскольку о стихах я решил никогда не высказываться, отмечу только один славный факт из биографии Беллы Дижур. Она написала поэму о Януше Корчаке, замечательном польском учителе, разделившем трагическую судьбу своих учеников, погибшем в лагере Трешлинка.

Эрнст Неизвестный к тому времени уже уехал в Америку и начал плодотворно работать. В США он стал публиковать свои работы по теории и философии искусства. Получил приглашение преподавать в десятке крупнейших американских университетов. Его родителей на родине третировали за сына-предателя. Отец вскоре умер, и Белла с дочкой и внуком переехала в Латвию, в Юрмалу. Скорее всего, там сохранились друзья Неизвестного по рижскому периоду жизни. Жили они в скромном домике, воду надо было приносить в ведрах, прочие удобства тоже были в стороне.

В СССР поэма о польском национальном герое Януше Корчаке была никому не нужна, а в Польше Белле Дижур присудили почетную премию, юбилейную медаль к 100-летию со дня рождения Януша Корчака и пригласили приехать.

Естественно, разрешения выехать за границу ей не дали. На что поэтесса написала в Варшаву: «Не могу приехать по не зависящим от меня обстоятельствам».

И тогда комиссия Корчаковского комитета приехала в Юрмалу, чтобы вручить премию Дижур прямо в ее доме. Пока все сидели за праздничным столом, в окна заглядывал агент КГБ.

Семь лет Дижур не давали уехать к сыну, присылавшему матери и родным вызовы. Даже не отвечали на запросы. И тут надо отметить неожиданную помощь Евгения Евтушенко, который выступал в Риге и встретился с матерью Неизвестного по просьбе скульптора. Можно по-разному относиться к Евтушенко, я сам в свое время написал довольно злую пародию на него, когда, выступая в Нью-Йорке, поэт оправдывал тот факт, что люди, обладающие госсекретами, сами виноваты в том, что становятся «отказниками». Но в случае с поэтессой Дижур поэт Евтушенко повел себя в высшей степени благородно: он написал письмо главе КГБ Чебрикову, прося его «Христа ради!» выпустить 82-летнюю мать скульптора к сыну.

Подействовало – правда, через год. Но Советы не могли без хамства! Потребовали привезти в КГБ и предьявить выпущенные в СССР книги писательницы, сборники ее стихов и повестей – и разрешили вывезти только половину из них!

Белла Абрамовна Дижур прожила в Нью-Йорке недалеко от сына двадцать лет и скончалась в 2006 году, в возрасте 103 лет.

Эрнст Неизвестный, удостоенный множества премий и наград в новой России, пережил мать на десять лет, немного не дожив до 92 лет.

Вот такие они известные – эти Неизвестные.

Ельниковы. Нижний Тагил

Много лет назад я написал о том, как мы прожили в эвакуации на Урале четыре года войны. Восстановить события мне подсказала живущая в Нижнем Тагиле читательница, поблагодарившая меня за теплые слова о ее городе. И я понял, что обязан написать о людях, давших нам с матерью кров на годы.

Из Ленинграда мы уехали до полной блокады города в сентябре сорок первого, чуть ли не последним поездом. Точной даты никто в семье не помнил. Мне было всего четыре года, но помню несколько бомбежек, помню, как мама заклеивала окна полосками бумаги, – считалось, что это сохранит стекла при разрывах бомб. А я делал гранаты из бумаги и представлял, как буду бросать их из окна четвертого этажа на бегающих во дворе фашистов.

Мы не видели сгоревших Бадаевских складов с продуктами. Не застали страшной зимы первого года войны, не видели санок с покойниками на Невском. Уехали с Театром Комедии – в последнюю минуту за нами приехал на грузовике администратор театра, друг

отца, которого я долгие годы звал дядя Яша Ковяр. Ехали долго, в первый день наш поезд дважды бомбили. Впоследствии, соединив события, я понял, почему из Свердловска, где остановился театр, мы отправились дальше – в Нижний Тагил. С начала войны мой старший брат Лев после девятого класса пошел работать на завод. И этот ленинградский завод эвакуировали в Нижний Тагил.

Улица с длинным названием «Имени 25-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции» разделялась на две стороны высокой насыпью из песка и щебня. Где-то близко был завод, в течение всей войны выпускавший знаменитые танки Т-34, и я помню, как они шли по ночам по этой насыпи на вокзал. Чтобы перебраться на другую сторону, приходилось карабкаться по камешкам, это было больно, – но что остановит мальчишку, если на той стороне ребята играют в прятки! Вдоль обеих сторон улицы стояли деревянные дома, в которых на ночь запирали ставни. На улице жили уральские старожилы, люди крепкие, трудолюбивые, независимые.

Первые два года эвакуации и жизнь в Нижнем Тагиле помнятся плохо, все-таки детский возраст (мне было четыре) начинает аккумулировать события не сразу. Хотя помню первое жилье. Это был полуподвал. Там жила тетя Шура, жена моего родного дяди Зиновия Ильича. Как она оказалась в Тагиле – не знаю. Вскоре она уехала к мужу в Тбилиси, и там родился мой двоюродный брат Слава. Совершенно не помню, как вскоре забрали в армию старшего брата. В декабре ему исполнилось семнадцать.

Вскоре нас поселили в большом бревенчатом доме Ельниковых. Вот о них-то и о городе во время войны – мой рассказ.

Мама устроила меня в детский сад поблизости, и я ходил туда сам. Помню дом в прекрасном маленьком парке, куда нас выводили погулять, – десять шагов от крыльца и назад. Я возненавидел этот садик в первый же день. Мать привела меня поздно, в документы вписали не сразу, детям выдали по куску хлеба, а мне хлеб не дали. Было очень обидно. Молоденькие воспитательницы почему-то меня не любили. Помню, как одна сказала детям – он чужой, с ним не играйте. Я был единственным в группе, кто умел читать. И она страшно обиделась, даже разозлилась, когда я показал ей на плакат – «Руки мой перед едой». Впрочем, из детсада я сбежал через несколько месяцев. Услышал слова – карантин, скарлатина, понял, что это опасность, домой могут не отпустить. Надел пальтишко и убежал. Не знаю, искали беглеца или нет. Больше меня туда мать не отправляла. А весной сорок второго приехала моя няня Марья Николаевна, эвакуированная из Ленинграда после страшной зимы и голода, который она чудом пережила. И мы с ней проводили день вместе, мама

работала в конторе, выдающей карточки на продукты семьям офицеров. Сама получала все по норме, ничего лишнего или сверх положенного. За всю войну принесла однажды подаренную кем-то банку варенья из черемши.

Я помню всех Ельниковых: Анфису Кирилловну, ее отца Кирилла Ивановича и ее детей Гену и Соню... Помню и главу семьи Дмитрия Ивановича, начавшего войну в штрафном батальоне и вернувшегося живым после Победы.

Хозяйка дома Анфиса Кирилловна была высокая, черноволосая, с кудряшками на висках, с типично уральскими чуть раскосыми глазами, в которых читались суровость и доброта. Я звал ее тетя Фиса. Она подкармливала меня, считая слишком худым. И когда на нашем дворе собирались соседки лепить пельмени, я был тут как тут. Помощи от меня было мало, но лепить тесто я обожал и пельмени полюбил на всю жизнь. Правда, у пельменей детства был особый вкус. В хозяйстве тети Фисы была корова Январка, были куры, держали и огромную свинью. Ее откармливали почти год. Потом свинью закололи, визг слышала вся улица. Увидев в сарае вывешенное мясо, я зарыдал. Но пельмени были такие вкусные.

Хозяином в доме оставался отец тети Фисы, Кирилл Иванович, крепкий старик. Он разрешал мне пилить с ним дрова. Наверное, со стороны это выглядело смешно. Кирилл Иванович учил мальчонку – было мне уже лет шесть-семь – держать двуручную пилу и однажды страшно испугался, когда полуметровое полено упало мне на ногу. Он научил меня колоть топором дрова, что впоследствии пригодилось.

У Анфисы Кирилловны было двое детей – старший, Генка, и младшая, Соня. Генка Ельников, озорной парнишка лет 14, уже покуривал, давал покурить и мне, за что был нещадно бит тетей Фисой. Курево в доме староверов было запрещено, но улица – она рядом. Мальчишки курили, воровали, отцов не было – отцы воевали.

Соня была похожа на мать – такая же уральская раскосинка, очень милая. Перед Соней я преклонялся, она была моим единственным другом долгих четыре года. Она была старше на пару лет, но я учил ее читать, а она частенько защищала меня от шkodных соседских мальчишек, которые ее побаивались. Кулаки она пускала в ход решительно. У Сони была большая проблема: на левой руке у нее с рождения было только три пальца, и, насколько я знаю, это помешало ей построить личную жизнь.

Ее отец, Дмитрий Иванович, был на фронте. Он попал в штрафную роту, потому что отсидивал срок за какое-то финансовое упущение. За всю войну он приезжал домой только однажды, когда получил орден, и, к счастью, прослужив в пехоте, умудрился выжить.

Так что я его видел только раз, но помню какой-то значок, который мне, совершенно чужому мальчишке-жильцу, достался в подарок.

Игрушек в нашем детстве не было. Я помню, как мы с Соней строили игрушечную мебель из пустых спичечных коробков. И еще одна особенность. В доме староверов Ельниковых не было книг. А я читал с раннего детства, у меня с собой была только одна книжка. Еще до войны мы с мамой были в гостях у писателя Валентина Катаева, отец со времен работы в Театре Комедии был дружен с писателем-драматургом. Из московского пребывания в доме писателя запомнил только Женю, дочь Катаева. Она была страшно вредная – проходя мимо меня и своего совсем крохотного братишки Павлика, безжалостно нас щипала. И надо же! Именно книжка «Цветик-семицветик», главной героиней которой была эта противная Женька, – единственная, которую мне подарили у Катаевых и которую мама разрешила мне взять в эвакуацию, была со мной все годы. Книжку эту я зачитал до дыр. По ней и Сонька училась читать, как по букварю.

Однажды маме на работе дали премию – детский журнал, который выходил на Урале во время войны. Названия его я не запомнил, но сказы Бажова прочитал и полюбил на всю жизнь. И еще помню, как мы с мамой ходили в краевой музей, любовались красивыми камнями и муляжами местных зверей – запомнились хищница-рысь, вислоухий заяц и сверкающий стеклянными глазами волк. С тех пор обожаю музеи. В питерских был во всех и неоднократно.

Но сохранились не только добрые воспоминания. Война – время тяжкое. Хорошо помню крик в соседнем доме, когда пришла похоронка. Почтальоншу тетю Степаниду глазами провожала вся улица: куда пойдет, что принесет. И еще помню, как из дома за насыпью выносили целую семью – они отравились насмерть собранными в лесочке грибами.

Я часто ездил на трамвае к маме на работу, в том же здании находилась контора кинопроката. Знакомый киномеханик разрешал мне сидеть в его будке. Он склеивал порванные копии – а рвались они постоянно, – и я уходил с подаренными кадриками из разных картин. Склеенные копии механик крутил снова, и я таким образом раз десять видел фильм военных лет «В шесть часов вечера после войны». Там играли Марина Ладынина, Евгений Самойлов и Иван Любознов. До сих пор помню и сам фильм, и песни из фильма!

А потом в Нижний Тагил пришел День Победы. Восьмилетнему пацану точная дата не запала в память. В тот день с утра на трамвайном кольце в центре Тагила голосом Левитана заговорили репродукторы. Я почему-то помчался домой. В это раннее утро окна домов еще были заперты ставнями. Помню яркое солнце, когда я

бежал по насыпи, по которой еще вчера шли на фронт танки Т-34, по нашей улице с длинным названием, и кричал «Победа! Победа!». Ставни открывались, и на меня смотрели радостные веселые лица! Это был самый яркий, самый незабываемый, самый счастливый день детства!..

Лет через 25 студия, где я служил редактором, отправила меня в Свердловск на кинофестиваль фильмов о рабочем классе. Сам фестиваль был скучнее скучного. Никому не интересная экскурсия на Белоярскую атомную станцию. Главное событие – меня и нескольких друзей отвезли посмотреть дом Игнатьева за высоким забором, где зверски убили царскую семью. Дом впоследствии уничтожили.

Из гостиницы я позвонил в Нижний Тагил: мы не просто подружились с Ельниковыми, мы переписывались с ними все годы после войны. (И чтобы эйфория от телефонного разговора не улетучилась, меня в шесть утра разбудили и попросили заплатить за междугороднее удовольствие. Вежливо попросили. У них пересменка в это время!)

Ельниковы – и тетя Фиса, и Сонька – умоляли меня бросить все, сесть на поезд, всего одна ночь, и приехать к ним! Но я в командировке, мне надо выступить где-то перед нашим фильмом, – и я до сих пор жалею: лучше бы плюнул на этот фестиваль и поехал в Тагил повидаться!

А еще через десять лет мы уезжали в эмиграцию. И приехала попрощаться Сонечка Ельникова. Увиделись через тридцать лет. Это была очаровательная, стройная уральская красавица... Переписываться было нельзя – Соня работала на каком-то номерном заводе. Родители ее были живы, только умер дедушка Кирилл Иванович да спился и исчез Геннадий.

Много лет я пытался найти по интернету хоть кого-нибудь из Ельниковых, в переписке нашлись нижнетагильцы, – но никаких следов.

Тетенька Грановская

Я был мальчишкой, когда после войны к нам приходила Елена Маврикиевна Грановская. Она навещала отца, с которым была знакома много лет, и я даже удивлялся: что это она моего папу звала фамильярно – Мишенька! Вы только представьте: я разговаривал с дамой, которая родилась в 1877 году! Сейчас даже трудно подсчитать годы! Почти полтора столетия назад! В последнем издании БСЭ (Большой Советской Энциклопедии 1969 года) есть статья – «Грановская Е. М.».

Елена Маврикиевна уже тогда была в преклонном возрасте, и я помню смех родителей, когда спрашивал: «А когда придет тетенька Грановская?». Знаменитая и необыкновенно популярная, народная артистка РСФСР, она приносила мне вкусное печенье, которое сама пекла. Думаю, что ее дружба с отцом началась давно, еще со времен Ленинградского Мюзик-холла. А театр начала XX века – это Владимир Давыдов, Горин-Горяинов, Комиссаржевская, с которыми начинала на сцене Елена Маврикиевна. Многие имена – театральные легенды России, с которыми играла Грановская, – сегодня вспомнят только очень старые театроведы! Еще в начале века она выступала в лучших театрах Петербурга. Критик Старк в газете «Последние новости» написал о Грановской с десятком восклицательных знаков после каждой фразы: «Владимир Максимов составил достойнейшую пару с Грановской, у которой простота ее искусства составляет высшее достоинство! Посмотреть только, как она играет Маргариту Готье в “Даме с камелиями”! Грановская играет в таких простых и удивительно мягких, сплошь музыкальных тонах, что весь образ получает совершенно особенное освещение!»

А Ленинградский Мюзик-холл тридцатых! Утесов, Черкасов, Смирнов-Сокольский, Борис Чирков, юный Дунаевский. И Грановская! Каждое имя – история.

У нас дома лежал красивый альбом, который подарили отцу, когда он, директор Театра Комедии, ушел с работы и уехал учиться на режиссерские курсы при МХАТе. Там были фотографии актеров из разных спектаклей, и я почему-то помню портрет Грановской крупным планом в роли красавицы Королевы в спектакле «Стакан воды» французского комедиографа Э. Скриба.

Впоследствии, когда отец организовал и возглавил Выборгский драмтеатр после советско-финской войны, Грановская приезжала в Выборг на гастроли и играла Королеву в спектакле, поставленном отцом. Тогда же, почему-то не сработавшись с Николаем Павловичем Акимовым, Грановская ушла из Театра Комедии и выступала исключительно на эстраде, исполняя комедийные скетчи и играя в сатирических обозрениях. Судя по театральным рецензиям, она была синтетической актрисой и могла играть все!

Разумеется, я никак не мог видеть Елену Маврикиевну в довоенных ролях. А она играла – боже, да кого только она не играла! Отдельная статья о ней есть в огромном томе «Эстрада XX века в России». В 1939 году Грановскую позвали в Большой Драматический Театр, которым руководил Борис Бабочкин (не знаю, каким он был режиссером, а актер Бабочкин – известнейший; вы наверняка видели его в легендарном фильме в роли Чапаева). Тогда Грановская играла в

театре почти все главные роли. Ей было уже за шестьдесят! А в ее послужном списке – Раневская («Вишневый сад»), Анна («На дне»), Полина Бардина («Враги» Горького), почти вся советская классика сороковых-пятидесятых. В 1951-м она получила Сталинскую премию за исполнение роли Берсеновой в «Разломе» Бориса Лавренева. В кино отметилась всего четыре раза – брали только на роли милых старушек.

Когда БДТ возглавил Товстоногов, он начал жесткую чистку актерского состава. Не повезло многим – когда актера выставляют из театра за ненадобностью, это трагедия всей жизни. Один актер в отчаянии покончил с собой. А Грановскую Товстоногов сохранил в театре. И набрал новых актеров, которые стали звездным составом лучшего театра страны. Все имена – на памяти питерских театралов.

Я видел Елену Маврикиевну на сцене только пару раз. В легендарном спектакле «Шестой этаж» она сыграла госпожу Марэ – трогательную старушку, хозяйку дома, в котором происходит действие, по-своему опекающую своих жильцов. И даже помню ее маленькую фигурку, помню такую славную домашнюю старушку, которая поднимается по лестнице за квартирной платой, которая сочувствует пожилым, помогает молодым. Никто даже не замечал, что Грановской было семьдесят девять! И еще через три года она сыграла Богаевскую в товстоноговском спектакле «Варвары».

Я проходил в БДТ театроведческую практику целый год. И даже не знал, что актриса живет в квартире при театре! Только однажды увидел ее сидящей во дворе театра на лавочке. Она меня сначала не узнала. Да и не могла узнать – ведь прошло столько лет. Это была та самая, трогательная тетенька Грановская, которая приходила со своим печеньем. «Не могу прийти, миленький, ноженьки не ходят», – и печально улыбнулась. Конечно, наш четвертый этаж без лифта, 57 ступенек...

Елена Маврикиевна ушла из жизни через два дня после своего 91-го дня рождения.

Эмилия Попова, Эммочка

Справка из Википедии: Попова (Бирман) Эмилия Анатольевна (1928–2001) – актриса Ленинградского Большого Драматического театра (БДТ). Народная артистка РФ, лауреат Государственной премии, полученной за спектакль БДТ «Мещане» вместе с режиссером Г. А. Товстоноговым и народным артистом. СССР Е. Лебедевым.

Наум Бирман и Эмма Попова поступили в Театральный институт на один и тот же курс великого педагога Б. В. Зона в 1947-м. Почти сразу они пришли к нам, потому что Наум был самым близким другом моего

старшего брата. Когда Эммочка и Наум приходили, в нашей тесной квартирке в Басковом пер., д. 12 становилось весело. Шутки, песни, шарады, розыгрыши! Собственный рукописный журнал! Наверное, смех из наших окон слышал весь двор. Все мое детство было связано с ожиданием того, что вот придут Бирманы, и будет весело.

Эмма поступила в Театр имени Комиссаржевской сразу после окончания института. Не заметить ее талант было невозможно. Профессор Зон говорил, что Эмма – одна из самых любимых его учениц. Когда-то он сказал ей: «Это не ты роль играешь. Это в тебе роль играет!» Подобной похвалы мало кто удостоивался от профессора Зона!

Эмилия Попова происходила из кубанских казачек, и еще долгое время в ее речи слышалось характерное южнорусское «гэканье». Странно, но в театре это никогда не было слышно! Ее мама Нина Ивановна, настоящая южанка-красавица, приезжала в Ленинград из Новороссийска, приходила к нам вместе с Эммой и приносила корзину фруктов.

Внешность актеров запоминают по фильмам, но Эмму кино мало интересовало, и на улице ее не узнавали. Хотя дважды она сыграла в кино Крупскую, потому что могла легко загримироваться в эту скучную занудную тетку, ленинскую половину, но при этом была достаточно живой. Эмму запомнили настоящие театралы, ценили ее роли в театре. На телевидении она создала десятки блестящих образов, один из которых – Вера Комиссаржевская, ангел российского дореволюционного театра, на которую Эммочка не только была очень похожа, она даже внешне строила свои роли как Комиссаржевская, – так утверждали театральные критики.

Ее однокурсница Зинаида Шарко, сама великолепная актриса, рассказала однажды, как Эмма сдавала экзамены на актерский факультет. Прошел экзамен по декламации, прошла проверка музыкальности, оставался танец. Что заготовила Попова, не знал никто. Она пошептала с пианисткой и вышла. Раздались звуки зажигательного «Казачка», и в аудиторию приемной комиссии влетела полуодетая Эмма с распущенными волосами, в огромном черном бюстгальтере и в советских лиловых байковых трико, лихо отплясывая и бешено летя по кругу. Сказать, что приемная комиссия смеялась, значит не сказать ничего: педагоги просто попадали со стульев, серьезные и усталые за день экзаменаторы валились от смеха! Рассказывая, Шарко сама не могла сдержаться. Экзамен прервали минут на двадцать. Естественно, Эмилию Попову приняли на актерский факультет.

Перечислять роли Эммы в Театре им. Комиссаржевской не буду.

Скажу об одной. В пьесе Виктора Розова «Вечно живые» Эмма играла Веронику, тот самый персонаж, который в легендарном фильме «Летят журавли», снятом по этой пьесе, сыграла Татьяна Самойлова. И по утверждению критиков, которому легко поверить, Попова играла с таким трагизмом, с такой страстью, ее трактовка этой роли была совсем иной, чем в фильме, и в чем-то она «переиграла» Самойлову.

Разноплановость ролей, самоотдача театру, эмоциональность Эммы Поповой были настолько очевидны театрам, да и специалистам, что когда Товстоногов пришел в БДТ перестраивать и репертуар, и актерский состав уже окаменевшего коллектива, он пригласил Эмму Попову. Как она сыграла Ирину в «Трех сестрах» – почитайте рецензии в журналах и газетах того времени. Еще одна запомнившаяся роль – учительницы Татьяны в «Мещанах». В этом спектакле, в котором играли лучшие актеры театра, ее Татьяна стала центром внимания. Неудачная любовь к Нилу (К.Лавров), не замечавшему ее, трудные отношения с отцом (Е.Лебедев), на грани постоянных скандалов, и финал – когда режиссер нашел потрясающую деталь: разуверившись во всем, Татьяна в тоске и апатии заканчивает последнюю сцену спектакля (у Горького финал в пьесе другой!) – она ловит пролетающую моль. Хлопки. Неудача. Хлопки. Неудача. Хлопки. Занавес.

Сергей Юрский, сыгравший много спектаклей в паре с Эммой, написал в специальной статье об актрисе: ее отдача каждой роли, ее эмоциональный настрой настолько потрясали зрителей и даже самих актеров, что в театре ее звали просто Эмоция Анатольевна!

Когда в 1964 году готовились съемки фильма «Поезд милосердия», режиссер Хамраев дал прочитать сценарий Эмме Поповой и спросил, какую роль она хотела бы сыграть. Попова сказала – Юлию Николаевну. Режиссер признался: он боялся предложить ей эту роль заведомо несчастной, некрасивой, временами занудной медсестры. Но Попова выбрала ее и сыграла блистательно. Этот фильм, в отличие от четырехсерийного по той же повести, стал шедевром благодаря Эмме. Она играет женщину немолодую, действительно необаятельную (до поры до времени!), принципиальную, глубоко одинокую. И вдруг за ней вроде пытается ухаживать старый холостяк доктор Супругов (Е.Лебедев), и Юлии Николаевне начинает казаться, что она, пожизненно обделенная мужским вниманием, влюблена и любима, рада и в то же время не верит такому подарку судьбы. Им обоим в конце войны дают отпуск. Супругов говорит – ехать еще долго и надо бы поспать. И, отворачиваясь к стенке, засыпает. А она-то ждала от него... Чего она ждала? Целую минуту камера держит в центре кадра лицо Эммы Поповой – Юлии. И за эти секунды на ее лице сменяется столько эмоций! Удивление, радость, неясность, что будет, улыбка,

симпатия, настороженность, опаска, надежда. Приносят коробку с пайками, это на двоих, весь персонал санитарного поезда уверен: теперь они вместе. А Супругов начинает делить продукты: это вам, это мне, это вам, это тоже мне. И пока он делит все пополам, честно делит, голова Эммы к нему не поворачивается: она все поняла. Она окаменела, молчит. И только край глаза вздрагивает при словах – это вам, это мне, это вам.

Мне очень повезло в жизни. Многих актеров и музыкантов я знал лично. Но какое счастье было знать удивительную, добрую и сердечную Эмилию Попову, которую в нашей семье обожали все, – для меня она навсегда осталась Эммочкой.

Незадолго до эмиграции я встретил Эмму на улице Белинского. Оказалось, она вела актерский курс в нашем Театральном на Моховой. До этого мы не виделись лет десять. Она обняла меня и вдруг почему-то грустно произнесла: «Аличек (как в детстве), какой вы большой!» «Эммочка, вы же меня ребенком знали!» Она ответила: «Ну конечно, я все помню. Счастья тебе». Будто поняла, что больше мы не увидимся.

Я знал, что ее брак с Наумом Бирманом давно распался, вырос их сын Толик, сыгравший еще школьником в фильме «День солнца и дождя». Ее отношения с драматургом Александром Гладковым были многолетними, трудными. Он жил в Москве, она в Ленинграде, и Гладков, любя Эмму, не всегда выдерживал ее эмоциональные срывы. Воспоминания Гладкова, в которых он часто упоминает Эмму и членов ее семьи, ее маму и сына, были напечатаны в разных российских журналах, в основном в «Новом Мире».

В тот самый день, когда умер ее кумир – великий Товстоногов, Эмилия Попова навсегда ушла из БДТ и из искусства. Она умерла совершенно одинокой в Доме ветеранов сцены. Ей было всего 73 года.

Мой друг Анатолий Соснин

Ленинградский писатель Анатолий Семенович Соскин печатался под псевдонимом А. Соснин. Семейная фамилия для литератора звучала несерьезно, и он изобрел псевдоним, поменяв всего одну букву. Он был членом Союза советских писателей, издал две книги прозы, его пьесу поставили Театр имени Моссовета и Ленинградское телевидение, по его киносценариям сняты две картины – на Ленфильме и на Мосфильме.

Соснин пришел работать редактором в «Леннаучфильм», когда я прослужил там уже года три. В нашу комнатуху втиснули третий стол, и Толя Соснин стал моим коллегой. Хотя он был на 12 лет старше, мы легко подружились. Судя по датам, он закончил ЛГУ в один год с

нашим главным редактором Суловым и на следующий год после моего старшего брата. Редактуру в научно-популярном кино Соснин освоил быстро. Журналиста-профессионала учить было нечему. Формальные законы кинодраматургии начинаешь понимать быстро, если знаешь основы литературы.

Толя был человеком славным, добрым, никогда и ни на кого не поднимал голос. Помню его мягкую улыбку и руки, осторожно протирающие очки. В 1943 году его, едва достигшего призывного возраста, отправили в пехотный полк, в зону боевых действий под Смоленском. Он никогда не рассказывал о войне, как и все солдаты, прошедшие это кровавое месиво. Никогда. Помню только одну историю. Их дивизия вошла на территорию Германии, и Толю отправили осматривать брошенные немцами дома. Его поразили запасы съестного в каждом доме, в каждой квартире. Обычно между двойными дверями и между оконными рамами было огромное количество банок с консервами, маринадами, вареньями, колбасами, и постоянно недоедавшие наши солдаты отъедались. После разоренной и сожженной советской земли эти запасы изобилия еды невозможно было понять и объяснить. Наступление часто прерывалось, и наши бойцы ели и ели, если на несколько часов задерживались в городке.

После университета Толя сам попросил распределение в Смоленскую область, его отправили в районную газету города Вязьма. А в провинциальной газете надо уметь писать все и обо всем. Приходилось строчить очерки, фельетоны, обзоры на любые темы. Потом – центральная областная «Смоленская правда». Толя был первым журналистом, посетившим в Гжатске дом родителей Юрия Гагарина, где вырос наш герой-космонавт. Он рассказывал, как его поразило, что в доме не было ни одной книжки! Чтобы снять портреты Гагариных-старших, пришлось увести их вместе с фотографом в соседний дом, где нашлась полка с книгами для заднего плана.

Так получилось, что Толя был редактором фильма по моему сценарию – об олимпийском чемпионе штангисте Борисе Селицком. Неожиданно начальство потребовало срочно закончить картину, потому что другой фильм не смогли отснять в срок. План на киностудии – как на заводе: к концу полугодия надо отснять столько-то фильмов. А я в отпуске – между прочим, отдыхал с семьей в Чернобыле, в Украине. Тогда Толя написал за меня дикторский текст. И придумал совершенно замечательный эпизод. Селицкий на этом чемпионате Союза, выступавший уже в ранге олимпийского чемпиона, явно проигрывал, не мог взять нужный вес. Это была его последняя попытка. И вот Толя придумал: Селицкий идет к штанге, а за кадром слышен голос диктора с перечислением его заслуг: «олимпийский чемпион, рекордсмен мира в своей весовой категории,

чемпион Союза, чемпион Европы». Селицкий последний вес не взял. Для него это была большая неудача, и я думаю, что зрители это поняли. А диктор продолжал перечислять титулы... и потому весь эпизод получился довольно драматичным. Может быть, впервые в нашем документальном кино, обычно хвалебном, чемпион проиграл. Потому что чемпион – тоже человек.

Когда я показал Борису Селицкому законченную картину, он не обиделся. Он все правильно понял. За что я его еще больше зауважал. И я был благодарен Анатолию, который так улучшил наш фильм дикторской находкой.

А потом уже я был редактором сценария, написанного Толей Сосниным. Фильм должен был рассказать о рейде советских войск в апреле 45-го, когда наши танки через труднопроходимые Судетские горы вышли на Прагу. Толя сам был участником этого рейда, и мы стали искать материалы и кинокадры. Оказалось, что их не существует. Мы с Анатолием позвонили (каким образом нашли номер телефона?) маршалу Коневу, который в то время командовал, кажется, Вторым Украинским фронтом. Просили его быть консультантом, он согласился. А на вопрос, были ли фронтовые операторы в его армии и был ли снят знаменитый рейд на Прагу через горы, Конев раздраженно закричал: «Это у Жукова холуи снимали каждый его шаг! А я воевал, мне некогда было ерундой заниматься!».

Помню, тогда студийные художники от безвыходности соорудили в павильоне макеты гор, через которые шли макеты танков! И это было снято оператором как бы в дыму, получилось правдиво! А то, что это постановка, а не документальные кадры, не заметили даже в Министерстве обороны, когда принимали «Рейд через горы»!

Потом моя работа в кино закончилась, я уехал в Америку. Неожиданно в конце восьмидесятых – звонок на работу. Толя Соснин, он в Нью-Йорке, один из первых приехал посмотреть, что такое Америка. У него проблема – его обокрали на улице, в Манхэттене. А я работал поблизости, мы встретились, я сводил его в полицию, помог как переводчик, чтобы составить рапорт об утере документов. Толя сам смеялся, рассказывая, как его обдурили жулики. Стали показывать что-то на спине и помогли снять пальто. Тут паспорт и исчез. Потом обедали у нас дома. Почему-то я запомнил Толину робкую реплику: «Ребята, а вы суп без хлеба едите?..» А мы уже действительно от хлеба за обедом отвыкли. Сами даже не поняли, что хлеб у нас теперь не главная еда.

Возможно, вы видели фильмы по сценариям Анатолия Соснина – «Грибной дождь» или «От зарплаты до зарплаты». А он сидел у нас дома и ничего не рассказал. Хвастаться успехами было не в его

характере. На мой вопрос, что он пишет, сказал негромко: «Пытаюсь кое-что». Тогда советские фильмы негде было посмотреть. Фильм «Грибной дождь» я все-таки недавно нашел на *YouTube*. История о людях равнодушных, о черствости, невнимательности. Сюжет незатейлив. Коллектив типографии нанял автобус, люди поехали собирать грибы. И забыли в лесу пожилую женщину. Хватились только утром. Тогда-то люди поняли, как плохо они знают друг друга, как невнимательны к ближним. Этот сценарий мог написать только добрый и отзывчивый человек, такой как Толя Соснин.

Я нашел в Википедии статью об Анатолии Семеновиче Соснине. Годы жизни: 1925–2002. Статью написали бывшие коллеги по работе в Смоленске. Написали о нем искренне и с любовью. Оказывается, в Ленинграде времен разрухи, в девяностых, он был одним из организаторов Общества по защите и спасению бездомных животных и стал его председателем. Добрый и отзывчивый, – иначе и быть не могло. Кого же еще выбрать на эту общественно-нужную должность. Без оплаты. На добровольной основе.

В те годы у нас перебывало много родных и друзей, которых неожиданно стали выпускать за пределы России. Из всех гостей, побывавших у нас, откликнулся впоследствии только один. Вернувшись в Ленинград, Толя Соснин прислал письмо, в котором благодарил нас «за помощь и теплый прием».

Единственное письмо с благодарностью. Вот так...

Скульптор Роберт Таурит

Как только в России вспоминают блокаду Ленинграда, непременно показывают Пискаревский мемориал. Для Питера это святое место. Но мало кто помнит авторов этого яркого и выразительного памятника мужеству великого города. А это человек, с которым я был знаком и о котором давно хотел рассказать.

Создатели «Матери-Родины» на Пискаревке – два скульптора, Роберт Таурит и Вера Исаева. Скульпторы работают с трудным материалом – глиной, гипсом, камнем, гранитом, мрамором. А это тяжелейшая работа! Нужны крепкие руки и большая физическая выносливость. Часто работают в паре. В Википедии есть большая и обстоятельная статья о Вере Исаевой. Она автор известного памятника Максиму Горькому в Питере и многих других произведений. О Таурите – практически ничего. Между тем в истории советского искусства скульптуры Роберт Карлович Таурит занимает заметное место. Известный скульптор, мастер, воспитавший достойных учеников, чьи работы украшают многие города России. Например, в Витебске ученики Таурита поставили полтора десятка памятников

героям Великой Отечественной.

Роберт Таурит – из русских латышей, ровесников и заметных солдат той самой революции – попал в знаменитую школу Марка Шагала в Витебске в начале тридцатых годов. Во время Отечественной войны вместе с группой художников маскировал городские здания Ленинграда, скрывая их от бомбардировок. Восстанавливал по крупицам сгоревший Павловский дворец. Преподавал в знаменитой Мухинке – художественном училище им. Мухиной. Его работы (в основном портреты советских вождей – главный заработок тех времен) есть в музеях и частных собраниях. В интернете есть фото – фарфоровая фигурка наркома Ворошилова работы Роберта Таурита, ее пустили в общую продажу. Тогда коллекционировали подобные фигурки – фарфоровых балерин, вождей, лошадей, клоунов, собак.

Есть и веселая история, как же без нее. В начале пятидесятых Таурит и его коллега скульптор Пинчук по приказу начальства от искусства слепили памятник – «Ленин и Сталин в Горках». Ленин сидел на скамье, а Сталин стоял, опираясь на подобие балюстрады. За это авторы в 1950 году получили Сталинскую премию второй степени, спаслись от безденежья. Памятник отлили в энных количествах и рассылали по городам радовать граждан монументальной пропагандой. И однажды питерский скульптор, друг и коллега Таурита, приехал в Киргизию. Проезжая одну площадь, он увидел памятник – сидящий на скамье Ленин. Было впечатление незавершенности, чего-то не хватало. Чего – он понял на другой площади. Там стоял Сталин, опираясь на часть балюстрады. То есть разумные киргизы распилили памятник на две половинки! Один монумент на две площади!

Я дружил с Ригой Таурит, дочерью скульптора, пианисткой. Была у нас веселая компания музыкантов, собиравшихся в доме моей кухни Карины, тоже пианистки. Рита была ее лучшей подружкой. Поэтому нас с Кариной пригласили праздновать день рождения Риты. Семья Таурит жила в небольшой комнате в начале Невского проспекта. В те далекие времена дети (даже студенты) отмечали праздники дома. Так я познакомился с родителями и братом Риты. Семья славная, дружная, приветливая. Комната небольшая, тесно даже за праздничным столом. Я знал, что Роберт Карлович Таурит – скульптор, и это было интересно, до этого я никогда не видел настоящего художника. Высокий, седовласый, красивый. Очень добрый взгляд. С натруженными, очень широкими ладонями – это бросилось в глаза. То, что он был лауреатом Сталинской премии из далеких пятидесятых, в годы «оттепели» не вызывало особого пиетета. Я попросил разрешения прийти к Роберту Карловичу в мастерскую, согласие получил, но разрешением не воспользовался. Почему мы в

молодости не задумываемся, с кем нас сводит судьба. О том, что отец работал над Мемориалом, посвященным жертвам блокады, Рита не знала.

Решение поставить памятник погибшим ленинградцам было принято еще в 1947 году. Объявили конкурс, его выиграли Вера Васильевна Исаева, Роберт Карлович Таурит и группа молодых архитекторов. Но началось кошмарное «ленинградское дело», руководителей города уничтожили, проект на долгие годы отложили. И только в начале пятидесятых скульпторы вернулись к работе.

Однако Вера Исаева была смертельно больна. Она только вылепила голову центральной фигуры, упростила лицо, намеренно сделал его ни на кого не похожим. Таурит доводил главный монумент. Соавторы к тому времени слепили общие линии центральной фигуры, и чтобы завершить детали, требовалась натурщица. Надо было создать некое общее видение памятника. И Таурит нашел женщину, фигура которой поразила его горделивой женской статью. Это была профессиональная натурщица мухинского училища Елена Сидорова, пережившая блокаду, и что поразило скульптора, – поседевшая юной, во время войны. Работа шла около года. Натурщице платили за позирование 70 копеек в час. Таурит платил ей рубль из своего кармана. Вместо лаврового венка Сидорова держала в руках вафельное полотенце, чтобы автор смог схватить правильное положение рук. Елена Ильинична вспоминала – когда работа над фигурой была наконец закончена, скульптор и его модель выпили по бокалу шампанского. Вот и весь гонорар.

Пискаревский мемориал открывали 9 мая 1960 года. Собрались десятки тысяч людей – слишком тяжела была память о военных годах практически в каждой ленинградской семье. Никто не представил Елену Ильиничну, стоявшую в толпе. Хоть пригласить не забыли. На открытии памятника не было одного из соавторов: Вера Васильевна Исаева скончалась за три недели до открытия главного дела своей творческой жизни – блокадного мемориала.

Памятник назвали «Мать-Родина». Впрочем, так называют все мемориалы. А мне казалось более уместным для Пискаревского монумента мелькнувшее в какой-то статье – «Родина Скорбящая». Кажется, это более точно.

Через пару лет я встретил Риту Таурит, она пригласила меня на обед в их новый дом. Представьте: вас приводят на Дворцовую набережную возле Эрмитажа, где высится роскошное палаццо, – в прошлом то ли итальянское, то ли французское посольство. А внутри – дворик, и в нем одноэтажный особнячок – там, видимо, обитала посольская челядь. Меня поразила размер кухни. Здесь готовили еду

для посла. Площадь кухни была раза в три больше бывшей комнаты Тауритов. И еще несколько комнат вокруг. Комфортно жила посольская прислуга, в удобных апартаментах. А теперь в особнячке поселили скульптора, ставшего известным, и его семью. Совсем недавно я пытался найти следы большой семьи Тауритов. Владимир – брат Риты – оказался довольно известным ученым. И все. Правда, возраст, время. Все, что мелькнуло: муж Риты был музыкантом, играл на трубе, будил экзерсисами кооперативный дом, где впоследствии жили Тауригты.

Но вот что обнаружилось: Вера Исаева прожила всего 62 года, Роберт Тауриг – 63. Похоже, жизнь скульпторов-тружеников не бывает очень долгой.

После того как я написал на «Фейсбук» о Роберте Карловиче, в Википедии все-таки появилась его биография. А самое удивительное: питерские музыканты прочитали эту статью, и пианистка Алена Чугунова нашла мою любимую кузину Карину Астановскую-Розенблюм!

И целый год мы с Кариной каждую неделю разговаривали, вспоминали родных. Это было такое счастье – найти ближайшего друга молодости, очень любимого нами. Но сказался преклонный возраст, старые болезни, и, к сожалению, Карина ушла от нас.

Кое-что об алмазах

Совершенно случайно прочитал статью о якутских алмазах. Потом посмотрел фильм «Неотправленное письмо», который произвел на меня большое впечатление, хотя советские критики уничтожали его как могли – за то, что почти все герои фильма погибли в глухой тайге. А для меня этот фильм навсегда ассоциируется с геологами, ищущими алмазы.

Самое интересное, что я знал человека, который был одним из первооткрывателей якутских алмазных месторождений. Его звали Виктор Людвигович Масайтис, в детстве я дружил с его младшим братом Юрой. Виктор в далекие пятидесятые годы был молод, носил обязательную форму студента Горного института, в котором учился. Об их отце-литовце дома никогда не говорили. Он, кажется, исчез в 1937 году. И Виктор, и Юра были белобрысыми, самыми настоящими блондинами, типичными представителями литовской породы.

А их еврейская мама Фрида Абрамовна и моя мама много лет дружили.

Вот что я нашел в Википедии о Викторе Масайтисе:

«В. Л. Масайтис – первооткрыватель месторождения алмазов. Заслуженный деятель науки (1996 г.). Отмечен дипломом “Первооткрывателю месторождения” (1988 г.), медалью Баррингера (1991 г.). В 2008 г. ему присуждена премия им. А. П. Карпинского за совокупность пионерских работ по выявлению и исследованию импактных структур (астроблем), за создание петрогенетической модели импактитов, что привело к открытию месторождений технических алмазов. В. Л. Масайтис – автор и соавтор более двух десятков научных монографий и более 350 статей, часть из них опубликована на английском, немецком, китайском и корейском языках. Ряд его работ посвящен истории открытия месторождений алмазов в нашей стране».

В общем, сотни неизвестных терминов, которые ничего не говорят неспециалистам. Но геологам скажут. Я знал, что Виктор несколько лет работал в Северной Корее, во главе северокорейских геологов, помогая КНДР искать и находить полезные ископаемые в их стране (зря, конечно: так начались в Северной Корее атомные разработки – урановую руду помогли найти советские геологи; знали бы они раньше). Ни Виктор Масайтис, который провел в поисках алмазов лет тридцать, ни Лариса Попугаева, которую официально назначили первооткрывателем якутских алмазов, не были даже в списке претендентов на Ленинскую премию. Ее получили начальники геологических проектов и институтов. Виктор был удостоен многих наград, но никогда не жаловался, что его обошли с важнейшей государственной премией.

Виктор был мягким человеком, талантливым художником. Однажды на дне рождения младшего брата Юры (было нам тогда лет 13–14) он организовал нам, мальчишкам, такой праздник, что я помню это лет семьдесят спустя. Все получили подарки, а Виктор нарисовал дружеские шаржи. Я тогда был без ума от спорта, и Виктор изобразил меня на велосипеде, подкидывающим головой мяч, одновременно играющим теннисной ракеткой, на одной ноге лыжа, на другой – конек. Смотрелось смешно! Много лет я хранил этот шарж, а потом потерял.

Виктор Людвигович прожил долгую жизнь. Его 90-летие в 2017 году праздновали геологи всего мира. Он скончался совсем недавно, в 2019-м. Ему было 92. А я нашел своего друга детства Юрия Масайтиса, удалось даже найти его домашний адрес. Но я опоздал. Юра умер через год после брата.

Книгу свою я выслал Юриной вдове, пару раз написал ей и получил ответ (писала не она сама, а ее невестка, сухо, сдержанно, явно неохотно). Неожиданно книга вернулась в Нью-Йорк – никто не забрал ее из почтового отделения: начался ковид, почту не разносили. Контакт с семейством Масайтисов оборвался.

Если хотите жить долго

Смотрю передачу о знаменитом балетном педагоге Агриппине Яковлевне Вагановой – интересные подробности жизни великой Вагановой, которая учила классическому танцу Уланову, Дудинскую, Шелест, Колпакову, давала уроки самой Плисецкой... Это лишь несколько имен среди многих звезд советского балета! И тут вспомнил – ведь я даже знал и встречал некоторых из них.

Я уже рассказывал, что жена моего брата Маргарита закончила хореографическое училище по классу Вагановой в 1943 году, во время войны, в Перми. Родив сына, расплнела – да и была она маленького, не балетного роста, – немного потанцевала в самодеятельности. Продолжала встречаться со своими успешными одноклассниками. А однажды повела нас гулять вместе с моим племянником, и мы пришли навестить ее школьную подругу Нинель Петрову.

В первые послевоенные годы Нинель Петрова была солисткой Кировского театра. Она жила на Невском, над кинотеатром «Художественный». Знаменитая балерина поила нас чаем и угощала шоколадными конфетами... Больше в памяти ничего не осталось.

Посмотрю-ка, думаю, Википедию – есть ли там биография Петровой. Батюшки святы, – жива Нинель Александровна! Отметила 99-й день рождения! (Она родилась 15 марта 1924 года.) И народная артистка СССР была, и список партий, что станцевала, гигантский. Много-много лет жизни пожелаем замечательной балерине!

О Елене Михайловне Люком я рассказывал. Тетка нашей Маргариты, многолетняя примадонна Кировского балета, станцевала свой прощальный бенефис 23 июня 1941 года. Своих детей у нее не было, Маргоша была ее единственной племянницей. И хотя особых эмоций не выказывала, но приходила к нам довольно часто. Когда Маргоша слевой уехали в Биробиджан, куда брата распределили после окончания ЛГУ, Елена Михайловна больше не приходила.

А с Натальей Дудинской я случайно встретился на студии телевидения. Одно время наша главная редакторша стала много времени уделять балету – опера в Мариинке была не очень сильна. И звезды ленинградского балета стали появляться у нас в разных передачах. Однажды выступали знаменитые Дудинская и Сергеев. Константин Михайлович Сергеев был главным балетмейстером Кировского театра, а Наталья Александровна, его жена, уже не танцевала, была репетитором-педагогом труппы.

Закончилась передача, и мы вышли вместе. Было темно. Неожиданно Дудинская предложила мне: «Хотите, мы вас подвезем? Вам куда? Если хотите, подвезем до Невского, мы торопимся в театр на

репетицию». Одна, но важная деталь: у Сергеева и Дудинской был уникальный автомобиль, единственный в Ленинграде автомобиль марки ЗИМ, и свой постоянный шофер. На такой роскоши только членов правительства возили. Это был подарок государства замечательным артистам за балетные заслуги! Меня подвезли до угла Невского и Садовой, мы попрощались, я сел в трамвай и через десять минут был дома. А вы бы это не запомнили?! ЗИМ! Единственный в Ленинграде!

Тогда же в нашей музыкальной редакции часто бывала знаменитая Ирина Колпакова. Однажды она пригласила меня на генеральную репетицию балета на музыку «Ленинградской симфонии» Шостаковича. Это была какая-то новая редакция, потому что балет шел давно. Мы сидели недалеко от сцены, рядом в пятом. Никогда не видел так близко пот балетных артистов. После спектакля подошла радостно возбужденная Колпакова и спросила мое мнение, будучи абсолютно уверена, что я в полном восторге.

- Ирина Александровна, - говорю, - Седьмая симфония Шостаковича. Классика! Но что тут от классического балета? Кордебалетные мальчики в новеньких гимнастерках с фальшивыми винтовками ползут (не танцуют, а ползут) по макету, изображающему горку. Я не в восторге, честно говоря.

С каким оскорбленным и гневным видом отошла Колпакова! В нашей редакции она потом бывала, но со мной не здоровалась. Знал бы я, что она так страдает, не стал бы обижать, - все-таки народная артистка. Орденами и прочими наградами Колпакову не обделили. Она стала Героем Социалистического труда и депутатом Верховного Совета. В 1971-м Колпакову наградили вторым орденом Трудового Красного знамени. Формулировка чудесная: «За большие успехи, достигнутые в выполнении заданий пятилетнего плана». Не знаю, какой балет стоял тогда в пятилетнем плане. Кстати, героиня Соцтруда И. А. Колпакова двадцать лет работала педагогом в Американском Театре Балета в Нью-Йорке! Там только знаменитости трудятся у станка! У балетного станка.

Дудинская дожила до 91 года. Майе Плисецкой было 89. Улановой - 87. Нинели Петровой исполнилось 99, Колпаковой сейчас 90. Выходит, звездные балерины - долгожители?! Звезды российского балета отметились и за рубежом. Великая Матильда Кшесинская прожила 99 лет. Александра Данилова и Тамара Карсавина - 93. Ольга Спесивцева - 96.

И только Анна Павлова подвела статистику - скончалась молодой, не дожив до 50. Но исключение, как известно, только подтверждает общее правило.

Девушки! Занимайтесь балетом! Будете жить долго!

Мой босс – акула капитализма

Когда-то, лет сорок пять назад, я написал статью о своем боссе. Тогда я работал в фотолаборатории, учился печатать на машинах цветные фотографии. Статья моя в газете «Новое русское слово» называлась «Мой босс – акула капитализма». Это было в январе 1981 года. В том же номере на первой полосе были фотографии Рейгана и Буша-старшего – по чистой случайности, статья вышла в день инаугурации президента Рейгана. Приведу ее здесь не полностью.

– Уолтер, – говорю я боссу, – знаешь ли ты, что в России тебя называли бы акулой капитализма?

– Почему? – недоумевает он.

– Потому что акула пожирает все, что ей попадает на зуб. Свиное жестокое существо. Вот и капитализм должен быть таким.

– Ага, я понимаю. Это советская пропаганда.

Однако чем-то уязвленный Уолтер через несколько минут спрашивает:

– А что ты вообще думаешь о капитализме?

– А я не думаю, я знаю: «При капитализме рабочий навеки прикован цепями к колеснице капитала» – это все, что я помню из советского учебника политэкономии.

Мы смеемся, попивая кофе. Поболтать с моим боссом – сплошное удовольствие. Я уже привык к его беглому нью-йоркскому сленгу. Даже начал понимать, когда он подшучивает над моим непонимающим взглядом. Он, в свою очередь, научился внимательно слушать меня и понимать мои неуклюжие пересказы советских анекдотов. Уолтер Гилл – владелец крупной фотолаборатории. Ему тридцать семь, рослый, с брюшком, уже поседевший за те три года, что я у него работаю. Партнер Уолтера – итальянец Джо, они дружат давно, кажется, еще со школы. И потом оба служили во Вьетнаме, говорить о той войне отказываются. Видимо, воспоминания им не в радость. Я не настаиваю.

– А что, в вашей России есть цветная фотография?

– Конечно, есть. Но любителям она недоступна. И качество ужасное. Нет пленки, фотобумаги, специальных фильтров, ламп, химикатов.

Я имею право так говорить. Как вспомнишь полоскание пленки в бачках, руки по локоть в гипосульфите. Здесь я уже успел поработать на машинах «Кодак» для цветной печати. Оборудование у Уолтера старенькое, машинам лет по двадцать. Недавно фирма «Кодак» установила на своих машинах компьютерные приставки, качество печати улучшилось, расход бумаги уменьшился вдвое. И мы стали работать вдвое быстрее. Казалось, по логике бизнеса надо уволить

лишних работников, но Уолтер постоянно следит за новинками, покупает что-то новое. Берет печатников. Моя задача – учить новеньких.

Это было еще в те времена, когда фотобизнес был на большом подъеме: люди отдавали в проявку и печать свои пленки; огромные заказы сдавали в печать студии, специализирующиеся на свадебных фотографиях; тогда в нашей фирме работало в две смены человек пятьдесят.

– И вообще, – говорю я, – такого оборудования, как у нас, даже в Кремле нет.

– Ты шутишь, – этого Уолтер не может понять. – Как же владелец фотостудии выживет? Он же ничего не заработает. (Ох, нелегкая, надо начинать сначала, объяснять основы социалистического хозяйства.) – Ну хорошо, если все принадлежит государству, почему они не покупают оборудование в других странах?

Пытаюсь объяснить, что в Союзе не только с фотографией проблемы. Про дефицит. Проблемы с жильем, коммунальные квартиры; о покупке еды, одежды, простейших вещей для повседневности. Что такое дефицит, Уолтер знает. Но когда я пытаюсь объяснить, что советские люди собирают старые газеты и получают за них талоны на покупку дефицитных книг, он чуть не падает от смеха. Может, сказать ему о проблеме туалетной бумаги?

– Этого я от тебя не ожидал. У них же ракеты, спутники, такая армия, зачем же собирать мусорную бумагу?!

Он так и не поверил. Ладно, попробуем поговорить на другую тему. Спрашиваю, нужен ли ему новый печатник? Уолтер смеется: «Рашен, конечно? Как у него с языком? Лучше твоего?»

Кажется, по его шкале мой английский перестал его раздражать, я перевалил за ту черту, когда он дурел от моего непонимающего взгляда. Я начинал учиться цветной фотографии с нуля. Из-за каждого термина приходилось рыться в словарях и просить пояснений. Уолтер был терпелив, даже когда я поначалу засветил рулон фотобумаги длиной девяносто метров или не сумел напечатать срочный снимок в нужном цвете. Через две недели услышал похвалу. Говорю, рад быть тебе полезным. Он меня поправил – не мне, а НАМ.

Через год у меня нагло, от самой двери, стащили старенький «Форд», купленный на первые заработанные деньги. Уолтер видел, как я был убит. И успокаивал: «Да брось, не расстраивайся! В конце концов, семья с тобой, дети здоровы, работа у тебя есть, новую машину купишь. Деньги дать?» То же предлагал мне и Джо, партнер Уолтера, жизнерадостный потомок итальянских эмигрантов. Когда моя теща готовила фаршированную рыбу, я приносил пару кусочков Джо –

почему-то для него это был лучший деликатес в мире и праздник жизни.

Отец Уолтера, мистер Гилл-старший, превосходный печатник. Особо сложные заказы больших размеров он делает на простом фотоувеличителе. Страстный болельщик европейского футбола. – «Алекс! Почему Советы плохо играют в футбол?! Такая страна, столько стадионов!»

Приехал папа Гилл из Германии мальчишкой почти полсотни лет назад. До сих пор говорит по-английски с немецким акцентом. Как и все, работает по восемь часов, никогда не подчеркивает родство с владельцем студии. Как-то вижу: тащит к дверям мешки с мусором. Бросился ему помогать. – «Ну что ты, не надо, я сам». А ведь ему за семьдесят.

Иногда мне надо напечатать большую фотографию для себя. Я знаю, что папа Гилл сделает озабоченное лицо, будет говорить, как он сегодня занят, а вечером принесет снимок в лучшем виде и будет спрашивать, годится ли по цвету, не надо ли перепечатать.

Уолтера я все-таки добил. Уговорил взять мою родственницу на обучение. Через месяц задумчиво говорит:

– Знаешь, скажу тебе честно (долгая пауза, смотрит на меня): я очень Наташей доволен. Как ты думаешь, могу я ей добавить зарплату? – И сам смеется.

Потом я ушел, меня сманили в кар-сервис, работал опять в нескольких фотостудиях. В одной большой лаборатории босс был редкостным занудой, скрепки собирал на полу. И хотя зарплаты были приличные, и на Рождество мы получили хорошие бонусы, и цветной телевизор разыгрывался в новогодней лотерее, но работники уходили через две – три недели. И я вернулся к Уолтеру. Верно, значит, было сказано в советской политэкономии, что «при капитализме рабочий навеки прикован...» (см. цитату выше).

В декабре 1977 года, когда я только начал работать у Уолтера, случился великий Нью-Йоркский снег. У меня есть фото – снег лежал выше крыш автомобилей. Автобусы не ходили, город встал. Я пешком за час добрался до работы, утопая в сугробах. Открываю дверь. Тишина. Никого. Только Уолтер и его отец, папа Гилл. Обрадовались мне, как родному. Заметьте, это был день получки.

– Уолтер, – говорю, – теперь я знаю разницу между Россией и Штатами. В России коллеги еще вчера занимали бы трешку до получки. А сегодня примчались бы даже больные, все до единого. Невозможно представить, что из-за паршивого снега кто-то не придет за деньгами!

Тогда же, пока из-за снега не ходили автобусы, он отвозил меня домой и по дороге объяснял непонятные вещи – смысл конкуренции, разные цены на бензин и сигареты, отношения с заказчиками. Это был ценнейший урок экономики, взгляд на систему изнутри.

Узнав, что у меня вышла книжка, удивился, спросил о цене, закончил категорично:

– Первый экземпляр – мне, с автографом по-английски. Конечно, читать по-русски я никогда не буду, но зато, когда стану старым, я смогу сказать своим детям, что я работал с Алексом, когда тот приехал в Америку. Он так и сказал – я работал. Хотя мог сказать – он у меня работал. Потом выложил на стол деньги, и чтобы я не смог отвертеться, добавил:

– Если не возьмешь, припишу к чеку. Или отправлю тебя назад, в Россию. В Сайбирию! – Как вам нравится эта хватка?! Вот уж правда – акула капитализма!

Вы скажете, что мне повезло, и будете правы. Конечно! Такой босс попадает не всегда. Но это рядовая Америка, где Уолтер не был исключением! Много раз я встречал прекрасных людей, американцев, готовых протянуть руку помощи!

Кто-то мне позвонил – умер Гилл-старший. Я приехал в лабораторию, Уолтер посмотрел на меня, обнял: «Спасибо, что пришел», я увидел его слезы.

Через десяток лет я заехал к Уолтеру, просто повидаться. Меня поразила тишина. За разборкой фотографий работало человек пять, проявочные машины почти не шумели. Начиналась компьютерная революция, фотоаппараты уходили в небытие за ненадобностью. Теперь дома на компьютере можно было напечатать что хотите, и начинался гигантский упадок фотографического бизнеса.

– Да, – сказал Уолтер. – Перевезу домой пару машин, бизнес умирает. Или уже умер. Джо очень болен, мы редко видимся. Привет ему передам.

Когда прощались, Уолтер неожиданно сказал: «Да, у меня много эмигрантов работало, ты сам знаешь. И русские, и мексиканцы, и ирландцы. Но второго Алекса у меня больше никогда не было».

Это признание буду с благодарностью помнить всю жизнь.

Морис – мой босс № 2

История эта родилась случайно. Прочитал о том, как британский музыкант по фамилии Краутхамер (или Краутхаммер, через два «эм»?) завещал собственный череп Шекспировскому мемориальному

театру – чтобы актер, играя Гамлета и читая монолог «Быть или не быть?», держал в руках его череп. Вот такое странное приобщение к Шекспиру. Говорят, актеры театра от такой доброты завещателя не сильно радовались. А я вспомнил Чарльза Краутхаммера, известного журналиста и обозревателя ведущих американских изданий. И моего босса №2 – Мориса Краутхамера, который как-то упомянул, что Чарльз – сын его дальних родственников, а тот, что жил в Англии, тоже из дальних кузенов. Хотя кто их, этих Краутхаммеров, разберет.

Я работал в фотобизнесе *LPS*, печатал фотографии на кодаковой машине цветной печати, когда однажды мой босс Уолтер позвал меня: «Познакомься, этот человек говорит по-русски». Это был Морис Краутхамер, владелец мастерской по производству свадебных фотоальбомов. Морис приезжал в *LPS* по своим делам, мы подолгу болтали, и Морису явно нравилось говорить по-русски.

Как-то я попросил его взять на работу мою тещу. Через полгода Морис позвонил мне домой: он уволил менеджера и позвал на эту должность меня. И я перешел к нему на работу. Временами у него работала почти вся наша семья. Служили у Мориса и российские эмигранты, и случайные испанцы, и приехавшие на заработок поляки, а дольше всех – итальянка Арманда, жена его умершего друга. Морис помог ей поднять двух детей-сирот.

Рассказать о Морисе надо хотя бы потому, что он, родившись в довоенной Польше, во многом связал свою жизнь с Россией. Точнее, с Советским Союзом. После того, как Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая, миллионы поляков бросились в разные страны. Кто мог, уехал в Англию и Францию, где была большая польская диаспора. Поделив с Гитлером Западные Украину и Белоруссию, Сталин оттяпал значительный кусок Польши. Одна Львовщина чего стоила! Поляки через границу шли туда, что было ближе, в СССР. Часть польской армии сдалась Советам. Разумеется, вы знаете, что сделали Сталин и его подручные с тысячами польских офицеров в Катыни. Морис Краутхаммер мог бы быть в их числе. Но ему повезло. В польской армии он был рядовым, его часть после гитлеровского вторжения тоже ушла через границу в СССР. Всех надолго отправили в лагеря.

В Кракове у Мориса осталась жена Регина, они поженились за два месяца до войны. О том, где он был долгие четыре года, Морис рассказывал неохотно. Знаю только, что больше двух лет работал на руднике. Советский Союз ему не очень понравился, Морис – польский еврей, русского не знал. Хотя довольно успешно выучил русский язык, особенно ненормативную лексику. Потом, узнав, что поляков собирают на юге для отправки в Польшу, рванул в Узбекистан. В

Ташкенте его повязали как спекулянта: Морис пытался обменять шинель на буханку хлеба. Он сам мне говорил – есть хотелось постоянно. Продержали в тюрьме два месяца. Потом освободили – езжай на все четыре стороны. О судьбе жены он ничего не знал.

Наконец война закончилась, часть поляков вернули на родину. В Кракове Морис узнал, что жену угнали в концлагерь, что часть еврейского гетто, где она жила, немцы сожгли. И тогда Морис отправился в Германию, на попутных машинах и пешком – он надеялся найти жену. Самое удивительное, что в Германии ему удалось попасть в группу освобожденных из лагерей польских евреев, которые смогли уехать в Америку. Так Морис попал в Нью-Йорк. Тяжело работал, случайно попал в фирму по производству свадебных альбомов. Многому научился, вкалывал, не считаясь со временем, и надеялся стать миллионером. А когда хозяева продали бизнес, он сумел его в рассрочку купить.

А теперь – приготовьтесь! Самое поразительное – в Америке нашлась его Регина! Ее тоже вывезли из Германии в числе освобожденных узников концлагеря, знакомый поляк ее узнал! Морис нашел ее и привез в Нью-Йорк. На руке Регины сохранилась татуировка – лагерный номер; я этот номер видел, хотя она всегда носила платье с длинными рукавами. Кажется, у Мориса была другая семья, он как-то намекнул о другой женщине с ребенком; но нашлась Регина, теперь это имя произносили по-американски – Реджина, – это был его мир, его любовь, и он восстановил свою семью. В 1947-м родился их сын Сэм, Сэмюэл.

Мы дружили с Морисом и Реджиной семьями. А моя теща работала у Мориса много лет, уживались мы мирно, и она доработала в компании до пенсии.

Когда Морис позвал меня в его компанию, он практически уже был на пенсии. Поэтому назначил меня официально вице-президентом компании, чтобы я имел право подписывать чеки и документы, научил работать с банками, разбираться с оплатой поставщикам и получать деньги с клиентов. Вот так я был дважды вице-президентом – на работе и в Клубе русских писателей Нью-Йорка.

Сам Морис говорил на пяти языках – польском, английском, русском, идиш, немецком, – что позволяло ему общаться с теми, кто у него работал. На всех языках говорил плохо, но зато бегло. Это помогало ему вести дела с бизнесами, снабжавшими нас материалами для альбомов и даже шрифтами, – на альбомах мы печатали золотом имена новобрачных и дату свадьбы.

В помощь мне Морис взял секретаря, испаноговорящую девушку Росси, перуанку, выросшую в Америке. Росси обзванивала

фотостудии, ведь по-испански до сих пор говорит половина Нью-Йорка. Морис посылал меня в другие города в поисках новых клиентов. Так я сумел привлечь в наш лагерь самый большой бизнес из Бостона, где старая хозяйка держала три фотостудии. На нее работало больше ста фотографов, снимавших свадьбы, торжества, похороны, митинги, парады! Фотографии были нужны всем, видео делало тогда первые шаги.

Альбомный бизнес стабильно приносил Морису небольшой доход. К своему удивлению, за первые три года я поднял бюджет крохотной компании с трехсот тысяч до двух миллионов. Морис был при деньгах, но миллионером не стал. Мне доверял. Знал, что в кассу не залезу, хотя фотографы обычно платили наличными.

Потом, когда мы купили и обустроили дачку в окрестностях Монтиселло, в ста милях от Нью-Йорка, Морис тоже купил домик поблизости, и выходные мы проводили вместе. У меня в одной книжке есть фото – Морис и Реджина стоят на ступеньках крыльца нашего дома. Даже в старости было видно, какой Реджина была красавицей.

Я ездил на работу на машине из Квинса, со мной ездили всегда три-четыре члена семьи, работавшие у Мориса. Компания располагалась на Манхэттене, на 20-й улице, – это центр Нью-Йорка, ну самый-самый, и машину парковать на улице было негде. А мне приходилось часто ездить по городу, навещать клиентов. И тогда Морис купил место в здании, где сам парковался и где на пяти этажах парковалась нью-йоркская бизнес-элита. Машины возили вверх и вниз на лифте.

Но однажды моя старенькая машина скончалась, заездили ее в бизнесе. Что сделал Морис? Он заехал к ближайшему автодилеру и купил новый пикап. Потом приехал к нам на дачу и сказал между прочим: там твоя машина стоит в Монтиселло, поезжай и забери. Как он смеялся, увидев мою физиономию!

Но не думайте, что Морис всегда был такой добрый. Как-то он увидел, что Галин дядя, который работал у нас и клеил альбомные страницы, сидит и читает газету. И мгновенно уволил его. Заступить мне не дал. Не всегда был справедлив. Однажды дал чек клиента, попросил положить на мой счет и вернуть ему наличными. Чек на 600 долларов оказался пустышкой. Клиент-жулик прятался. Мне пришлось подать в суд, но иск судья не принял и мне прямо сказал – нечего суду такой мелочью заниматься. А потерянные деньги Морис мне так и не вернул.

Тем не менее проработал я в этой компании почти 18 лет, до пенсии. Это дало возможность жить в достатке. Пересекли Калифорнию и Канаду, съездили с женой в Лондон и Париж, плавали

с детьми на пароходе на Карибские острова; сбылась мечта – побывал в Мексике на чемпионате мира по футболу.

А однажды Морис приехал на работу, вышел из лифта и рухнул без сознания. Вызвали «Скорую». Примчался Сэм. Носилки с трудом затолкали в наш лифт, куда вмещались два человека. Через час из госпиталя вернулся в слезах Сэм и сказал, что отец умер. Морису было чуть за семьдесят.

Сэм возглавил отцовский бизнес, перевез компанию в Бруклин. Возможно, потому, что дом родителей был в соседнем квартале. Реджина пережила мужа на много лет. Часто приходила и пыталась давать указания, что раздражало Харриет, жену Сэма. Я старался их мирить. А потом я ушел на пенсию.

Сегодня фотобизнесы, как и фотостудии, практически исчезли. Разные камеры и куча объективов спят у меня в шкафу много лет. Снимать телефоном не люблю – нет того кайфа.

Слава Бродский - выпускник

Московского университета (математического отделения мехмата). Автор многочисленных работ в области прикладной математической статистики. С 1991 года живет в Соединенных Штатах. Свою трудовую деятельность в Америке начал в небольшой компьютерной фирме штата Нью-Джерси, выполняющей заказы компаний Уолл-стрита. Через два года перешел в *Chase Manhattan Bank*. С тех пор работал в крупнейших финансовых компаниях Манхэттена. В 2004 году была опубликована его первая повесть «Бредовый суп». Затем вышли и другие его книги. Он работает также в различных стилиевых направлениях изобразительного искусства. Значительная часть таких

работ относится к керамике, над которой он трудится в керамической мастерской своего дома в Миллбурне (Нью-Джерси). Его вебсайт - www.slavabrodsky.com.

Будни и вахты

Предисловие

Когда я жил в России, я собирал вырезки из советских газет. Я полагал, что такие вырезки, если делать их день за днем по поводу каких-то отдельных событий, будут достаточно познавательны. Для кого я их собирал? Сейчас мне уже трудно ответить на этот вопрос. Вероятно, я считал тогда, что не все мои друзья и близкие смогут охватить цельную картину в круговороте повседневных событий, и мои вырезки помогут им в этом. Но, возможно, я делал это для самого себя, полагая, что собрание таких вырезок сможет обострить мое восприятие происходящего.

В процессе этих занятий я сталкивался со многими поразительными для меня моментами. Так, я с удивлением наблюдал, как советские газетчики приходили к заранее сформулированному целевому утверждению с использованием целого арсенала советских штампов. К тому же делали они это крайне непоследовательно: то, что сообщалось в газете сегодня, могло сильно отличаться от того, что было напечатано какое-то время назад. Причем это время не обязательно измерялось годами. Это мог быть месяц, неделя и даже один день. Все это казалось мне удивительным, конечно, по молодости. Сейчас мне это удивительным не кажется. Но тогда, давно, я был так настроен, и это, наверное, укрепляло мое желание собирать газетные вырезки.

Сейчас я не очень уверен, что тогда вполне осознавал, что Советы будут держать в секрете все старые газеты. Но такое подозрение у меня все-таки возникало. И это тоже приводило меня к мысли, что собирать и сохранять вырезки из советских газет будет полезно.

Начал я собирать газетные вырезки во время процесса 1966 года над Синявским и Даниэлем. И даже незадолго до начала процесса. Мы все гадали тогда, не будет ли возврата к старым временам. Уж слишком сурово обрушилась вся советская система на двух писателей, которые, как мне казалось, не заслуживали такого пристального к себе внимания. Пресса набросилась на них еще до суда. А атака на них в течение всего процесса стала напоминать времена не столь далекого прошлого. И газетные заголовки типа «Здесь царит закон» в дни процесса не предвещали ничего хорошего.

Синявского и Даниэля приговорили к длительным срокам заключения фактически за то, что они решились опубликовать свои произведения в иностранных изданиях. Но даже после того, как судебные заседания закончились, советская пресса не оставляла их без внимания. В это время отличился Шолохов. Решение суда показалось ему слишком мягким. И, выступая на большевицком съезде, он сказал: «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи уголовного кодекса, а руководствуясь революционным правосознанием... Ох, не ту бы меру наказания получили бы эти оборотни!»

Выступления Шолохова всегда отличались большой резкостью, порой превосходящей даже резкость высказываний советских вождей. И понятно, почему. Ведь ему надо было отработать привилегию, которой его удостоили большевики, утвердив автором «Тихого Дона». В результате Шолохов добился еще одной привилегии: его слова о Синявском и Даниэле на съезде попали в мою коллекцию вырезок.

Я наклеивал газетные вырезки в самодельные альбомы из больших листов, формат которых был в два раза больше обычных машинописных листов.

Откуда у меня были такие большие листы бумаги? Ведь в магазинах бумага для машинописи не продавалась. По крайней мере, я за всю свою жизнь в советской России ни разу такую бумагу в магазинах не видел. Лишь однажды, в канцелярском магазине на Садовом кольце, недалеко от Зубовской площади, я наткнулся на бумагу двойного формата.

Бумага эта была ужасного качества. Она была не белой, а серовато-желтоватой, при этом не гладкой, а довольно шероховатой, с какими-то посторонними вкраплениями. Но для создания альбомов с вырезками из газет она подходила идеально.

Купил я ее, правда, не для этой цели, а для того, чтобы печатать на машинке всякие научные статьи. Я тогда был сильно этим увлечен. И даже купил машинку «Эрика», прославленную (помните?) Галичем. Я купил ее, чтобы можно было печатать статьи не только на работе, но и дома, по вечерам и в выходные дни. При покупке «Эрики» отпечатки моих пальцев

гэбэшники не сделали, но копии моего паспорта, соединенные со шрифтовыми отпечатками, они, конечно, у себя в моем досье сохранили и даже не скрывали этого от меня. А возможно даже, что не скрывали этого намеренно.

В качестве материала для альбомов с вырезками бумага пошла в дело сразу же. А вот для того, чтобы пустить ее в ход для печатания статей, мне пришлось изрядно помучиться. Поначалу я думал, что найду кого-то, кто сможет разрезать пополам эту здоровую кипу бумаги на каком-нибудь подходящем для этой цели станке. Но это оказалось не таким простым делом. Гораздо проще было бы утащить бумагу с работы. На работе, как правило, бумага для машинописи была у всех. И если кому-то она была нужна дома, то ее приносили с работы. Никто никогда не считал это воровством. К этому все привыкли. Причем привыкли до такой степени, что стали приносить домой с работы даже то, что в магазинах продавалось. И это тоже не считалось воровством. Но я все-таки добил этот свой проект с разрезанием бумаги – и обеспечил себя запасом на все время пребывания в Союзе.

Следующий мой альбом был с вырезками из газет периода Шестидневной войны 1967 года. Конечно, все, что писали тогда советские газеты об этих событиях, ни с какого бока не отвечало действительности. Но что меня тогда поражало – это как быстро одна советская выдумка сменялась другой, полностью противоположной предыдущей. Или, по крайней мере, существенно от нее отличающейся. Поражало, как резко менялся газетный тон Советов ото дня ко дню. Менялся он, конечно, не по доброй воле газетчиков или тех, кто руководил их действиями. Он менялся под давлением фактов, быстро просачивающихся даже в такую закрытую страну, как Советский Союз.

До начала Шестидневной войны советские газеты пестрели заголовками типа «Каир спокоен, но бдителен». И потом, в самые первые дни войны, говорилось о колоссальных потерях Израиля. Советские газеты писали, что израильской авиации больше не существует и что армия Израиля полностью разбита. Через несколько дней, когда всем и каждому было известно, что это неправда, советские газеты вроде бы уже признавали тот факт, что Египет и его союзники потерпели сокрушительное поражение. Однако объясняли они это тем, что нападение Израиля было неожиданным. Правда, почти в то же самое время они писали, что Египет ожидал израильского удара, но поскольку этот удар был нанесен не с самого раннего утра, то египетские летчики расслабились и пошли завтракать. Поэтому, мол, не успели даже взлететь.

Мои близкие поругивали меня за изготовление альбомов с вырезками из газет. Они говорили, что зря я это делаю. И если кто-то увидит мои альбомы, ему сразу будет понятно, как я настроен и какое у меня отношение к

Советам. На это я отвечал – мне кажется, резонно, – что показываю альбомы только своим близким и поэтому не вижу никакой опасности в их изготовлении и хранении. В ответ я слышал возражение – а вдруг, ко мне придут с обыском, и тогда эти альбомы, конечно, найдут, и уж тогда меня точно посадят за антисоветскую агитацию и пропаганду. На что я отвечал – тоже, мне кажется, резонно, – что если ко мне придут с обыском, то тогда уже совершенно не будет иметь никакого значения, найдут у меня эти альбомы или нет.

И еще мои близкие говорили, что не видят особого смысла в собирании вырезок, поскольку всегда можно (и даже гораздо лучше) прочитать все это непосредственно в советских газетах. В этом, как я потом уже понял со всей определенностью, они тоже были неправы. Я имел возможность убедиться, что все советские газеты, даже сравнительно недавние, держались Советами под крепким замком. И ни в какой библиотеке получить их было невозможно.

Помню, как я пытался получить в библиотеке газету «Правда» за 1945 год. Мне было интересно узнать, как реагировали Советы на первую атомную бомбу, сброшенную на Хиросиму. И еще я хотел почитать февральские и мартовские номера «Правды» за 1953 год. Я попытался заказать «Правду» в самой большой библиотеке страны. Она располагалась в центре Москвы и, конечно, называлась именем первого большевицкого лидера. Заказ у меня приняли. Но велели прийти за ним через несколько дней.

Через несколько дней мне сказали, что старые газеты выдаются только ученым, которым они нужны для исследований. На что я заявил, что я и есть ученый и что газеты мне нужны для моих исследований. И дальше пошла какая-то совершенно иррациональная мутотень. Сначала у меня затребовали все мои дипломы. Потом затребовали справку с места работы. Эту справку добыть было, конечно, гораздо труднее, чем собрать мои дипломы. Но мне все-таки удалось усыпить бдительность моих кадровиков-гэбэшников, и справка о том, что мне для работы нужны книги, журналы и газеты, была мне выдана. Я понимал, конечно, что эта справка была в большой степени липовой. Но все-таки решил продолжать осаду. Я вел ее в течение долгих месяцев. Однако гэбэшники победили. И ни одна из затребованных мною газет никогда не была мне выдана.

Примерно через полвека после этого я пытался найти копии «Правды» в Америке. Начал, естественно, с одной из самых больших (и одновременно близкой ко мне географически) библиотек – *New York Public Library*. Но результатов не было никаких. Наверное, эта старая советская газета не представлялась никому в достаточной степени важной для того, чтобы

хранить ее экземпляры или даже копии. А может быть, гэбэшники наложили свою лапу на это дело и тут.

«Правду» за 1945 год я нашел в свободном доступе на интернете. И, наконец, прояснил для себя то, что очень давно хотел прояснить. Оказалось, однако, что 45-й был единственным годом в таком роде: подшивки «Правды» за другие годы найти было гораздо труднее.

Уже совсем недавно я попросил сотрудников библиотеки в *Boynton Beach (Florida)* провести поиск по библиотекам Америки, чтобы найти нужные мне номера газет. Они приняли мой заказ. Но через неделю сообщили, что их усилия ни к чему не привели. Тогда мне пришлось такой поиск сделать самому. И я нашел одно место, где газета «Правда» была, пожалуй, чуть ли не за любое число. Это была библиотека университета Северной Каролины – *Davis Library (University of North Carolina at Chapel Hill)*. Хотя, чтобы посмотреть какой-то выпуск газеты, надо было поехать в Северную Каролину. Но один очень любезный сотрудник библиотеки прислал мне копии некоторых выбранных мной страниц за интересующие меня годы.

В России я собирал вырезки довольно продолжительное время. За альбомом Шестидневной войны последовали и другие альбомы. Один из них был посвящен штампам в заголовках советских газет. Одним из таких штампов было использование слова «будни» практически по любому поводу. Ну, скажем, какой-то свекловод вырастил сколько-то тонн свеклы. С одной стороны, это считалось почти геройством. А с другой стороны, считалось, что на такое геройство способны и другие свекловоды. И не только способны, но и действительно выращивают огромное количество свеклы. Поэтому к такому геройству надо относиться как к делу будничному. И, значит, если свекловод геройски вырастил громадную кучу свеклы, это будет называться буднями свекловода. А если какой-нибудь ученый придумал что-то такое хорошее, то это, естественно, будет называться буднями науки. И если пограничники, используя все свои военные навыки и необычайную смекалку, поймали на границе двух шпионов, то это будет называться буднями пограничников.

И вот эти будни хлеборобов, геологов, милиционеров, гимнастов, гаишников – и вообще все такие будни – я решил собирать. Я, правда, не стал изготавливать для этой цели альбомы с двойными страницами. Я ведь не думал, что мне потребуется много места для моих будней. Поэтому взял для этой цели обычную школьную тетрадку в клеточку и стал наклеивать туда заголовки со словом «будни».

Вскоре, однако, я решил присоединить к «будням» еще один советский штамп – слово «вахты». Таких заголовков в советских газетах тоже было довольно много. Все обязательно не просто работали, а вставали на вахту.

Конечно, моряки, пограничники – они обязательно должны были встать на вахту. Но на вахту в советских газетах вставали все подряд: и ученые, и хлеборобы, и космонавты, и металлурги, и железнодорожники, и даже шоферы.

И вот я стал наклеивать в свою тетрадочку с одной стороны «будни», а с другой стороны – «вахты». Я полагал, что вот так они будут идти навстречу друг другу. А когда они встретятся, тогда моя работа будет считаться законченной.

И еще я подумывал – а может ли случиться, что мне попадется заголовок, в котором какой-то из этих двух штампов встретится дважды. Я не очень на это рассчитывал. Но однажды это случилось. Просматривая какую-то газету, я увидел заголовок «С ВАХТЫ НА ВАХТУ». И я был очень этим доволен. Я бы даже сказал, что был более чем доволен. Потому что сканирование газет с целью найти какие-нибудь «будни» или «вахты» хотя и не занимало у меня много времени, но все-таки постепенно превратилось в какую-то почти обязательную рутину. И я, можно сказать, по-детски радовался каждой новой удаче. А когда мне попался заголовок «С ВАХТЫ НА ВАХТУ», я обрадовался не на шутку и делился со всеми своими близкими этой несомненной жизненной удачей.

И я уже размечтался о том, чтобы мне попался заголовок, в котором встретилось бы два раза слово «будни». Я даже начал представлять себе, что это может быть за заголовок. Ну что-нибудь, думал я, типа «Будни учебы и будни труда» или «Будни разбрасывания камней и будни их собирания». Но заголовок с двумя «буднями» мне так никогда и не попался.

Однако удача пришла с той стороны, с какой я ее и не ждал. Однажды я открыл какую-то газету, и прямо в глаза мне выстрелил заголовок «БУДНИ КОСМИЧЕСКОЙ ВАХТЫ». «Будни» и «вахты» встретились в одном заголовке! Ценность этого заголовка представлялась мне тогда даже на порядок выше, чем заголовка «С ВАХТЫ НА ВАХТУ». Эти два заголовка, несомненно, стали украшением моей коллекции (если, конечно, можно так назвать мою школьную тетрадку в клетку).

В 1991 году я улетал в Америку. Полагая, что билет на обратный рейс повышает мои шансы на то, что меня выпустят из России, я купил такой билет, хотя возвращаться в Россию не собирался. Поэтому мне надо было бы все важное взять с собой. Однако у меня было не очень много времени на сборы, поэтому я не очень вдумчиво отнесся к тому, что брать в Америку. И, естественно, мои альбомы с вырезками из советских газет в мой отъездной чемодан не попали. Вспомнил я про них только через несколько лет, когда в Америку полетела моя дочь Аня. Просить ее привезти мне все эти здоровенные альбомы с двойными листами я не стал. Ну а школьную

тетрадку в клетку она мне все-таки привезла. И вот теперь это дает мне возможность ознакомить с ней моих читателей.

Я размещаю здесь все вырезки так, как они расположены в моей тетрадке: на левой, четной странице я размещаю левую страницу тетрадки, на правой, нечетной – правую страницу тетрадки. В моей тетрадке заголовки, если они не помещаются на левой стороне, переходят на правую сторону. А поскольку никакого пробела в тетрадке между левой и правой страницами нет, заголовки там читаются легко. Здесь же, по причинам сугубо типографским, нельзя было обойтись без пробелов между четными и нечетными страницами. Поэтому некоторые газетные заголовки этими пробелами разрываются, что немного осложняет их прочтение. Но я думаю, что читатели – народ сообразительный и эту трудность легко преодолеют, а мне это неудобство, конечно же, простят. За что я их заранее благодарю.

Слава Бродский
Gouldsboro, PA
29 августа 2023 года

Б У Д Н И

Клуб: будни и праздники

ФЛОТСКИЕ БУДНИ

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ ОЛЬСТЕРА.

БУДНИ СТАЛЬНОЙ
ЭСТАФЕТЫ

ОЛЬСТЕР:

БУДНИ

ТЕРРОРА

ТВОРЧЕСКИЕ БУДНИ

-ТРУДОВЫЕ БУДНИ СВЕКЛОВОДОВ-

БУДНИ «СВОБОДНОГО МИРА»

БУДНИ ОСТРОВА
С В О Б О Д Ы

- БУДНИ ГРАНИЦЫ -

**ПАРТИЙНЫЕ
БУДНИ**

**БУДНИ
ПОГРАНИЧНИКОВ**

БОЕВЫЕ БУДНИ

**БУДНИ ОДНОЙ
ЗАСТАВЫ**

**РАБОЧИЕ
БУДНИ**

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ ВЬЕТНАМА

спортивные будни Хибин

**МИРНЫЕ БУДНИ
ПНОМПЕНЯ**

будни милиции

БУДНИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

БОЕВЫЕ БУДНИ ДРВ

БУДНИ АРМЕЙСКИЕ

БУДНИ ПЯТИЛЕТКИ

**ТРУДОВЫЕ
БУДНИ**

**«САЛЮТ-4»:
БУДНИ ПОЛЕТА**

Зимние будни

**БУДНИ
ФЕСТИВАЛЯ**

будни гимнастики

будни милиции

БУДНИ РАЙОННОГО

КАНАДСКИЕ

**БУДНИ
ПО ПРАЗДНИКАМ**

БУДНИ

**РАБОЧИЕ
БУДНИ
В КОСМОСЕ**

Будни инспектора ГАИ

Будни космической вахты

Трудовые будни

АСУАНСКИЕ

БУДНИ

Героика

СОВЕТА

Романтика будничных дел

БУДНИ

**ГОРЯЧИЕ
БУДНИ**

У ПОЛЮСОВ

**НА ОРБИТЕ—
РАБОЧИЕ БУДНИ**

Сомали

БУДНИ

ДАКАРА

будней

Романтика
будничных дел

«ЗОЛОТЫЕ» БУДНИ

Горячие будни страды

**ТРУДНЫЕ
БУДНИ ГАЗЛИ**

ГОРЯЧИЕ БУДНИ

«Салют-6» — «Союз-27» — «Про

КОСМИЧЕСКО

**БУДНИ
БАМА**

БУДНИ

«СВОБОД-

НОГО

МИРА»

Тревожные будни Пакистана

РОМАНТИКА БУДНИЧНЫХ ДЕЛ

**Будни БАМа,
праздники БАМа**

**БУДНИ И ПРАЗДНИКИ
БРАТЬЕВ СЕМЕНОВЫХ**

БУДНИ СЕВЕРА

**пресс-1»: БУДНИ
ОГО ПОЛЕТА**

**ЗАКОНЫ
ТВОРЧЕСТВА
И БУДНИ НАУКИ**

БУДНИ ГЕОЛОГОВ

**БРИГАДНЫЙ
ПОДРЯД
В БУДНИЧНОМ
НАРЯДЕ**

● БУДНИ МИЛИЦИИ

Героика

БУДНИ ШКОЛЬНОГО КЛУБА

«САЛЮТ-6»: БУДНИ ПОЛЕТА

БУДНИ ДРЕВНЕГО

РАЙОННЫЕ БУД

ТРУДНЫЕ БУДНИ ВЬЕТНАМ

ТРУДОВЫЕ

ТРЕВОЖНЫЕ

БУ

будней

«Салют-5»: **РАБОЧИЕ БУДНИ**

«СВОБОДНЫЙ МИР».
ТРАГЕДИЯ БУДНЕЙ

ГОРОДА

**ЗАКОНЫ ТВОРЧЕСТВА
И БУДНИ НАУКИ**

НИ

БУДНИ НАУКИ

МА

А КАКОВЫ БУДНИ?

Е

БУДНИ БАМА

БУДНИ

ДНИ ИНДОНЕЗИИ

Звездные часы и будни науки

Стремление как можно полнее удовлетворить самые разнообразные духовные запросы личности определяет деятельность Дворца культуры имени С. П. Горбунова

и в будни, и в праздники

ЭКРАН

СЕГОДНЯ:

Б У

И П Р А З Д

ЮГОСЛАВСКИЕ БУДНИ

ы
и

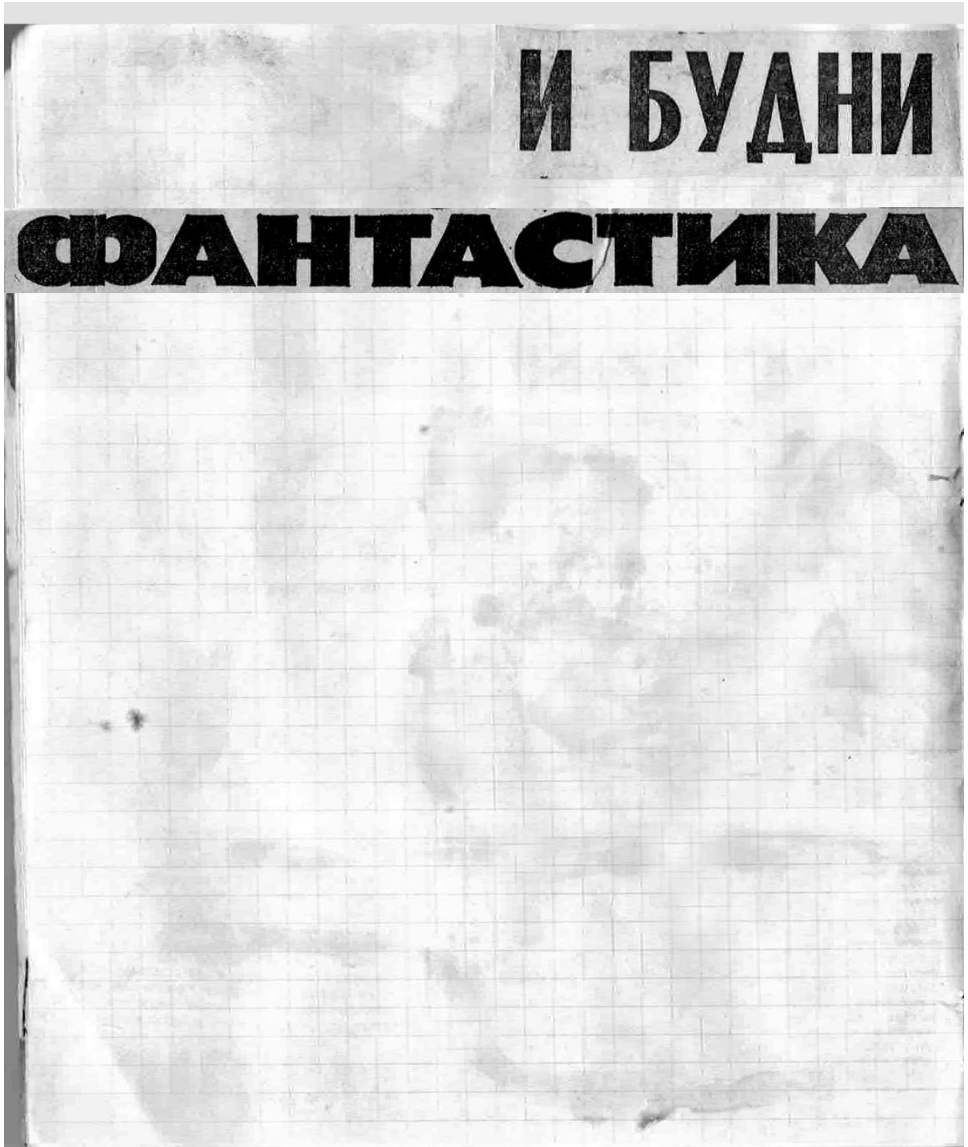
И В БУДНИ,
И В ПРАЗДНИКИ

Д Н И
Н И К И

ВОСКРЕСНЫЕ ПРОПОВЕДИ

И БУДНИ

БУДНИ РЕФОРМЫ

ВОСПИТЫВАЮТ

БУДНЕЙ

ВАХТЫ

КАЖДАЯ ВАХТА—
УДАРНАЯ

НАША ПЕРВОМАЙСКА
ТРУДОВАЯ ВАХТА

ВАХТА
ИЖОРЦЕВ

ВАХТА

ВАХТА
СУББОТНИКА

УДАРНАЯ ВАХТА
ХИМИКОВ
ВОСКРЕСЕНСКА

*НА ВАХТЕ
УДАРНОЙ*

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ВАХТА МЕТАЛЛУРГОВ

**ЮБИЛЕЙНАЯ ВАХТА
МИЛЛИОНОВ**

**НА ВАХТЕ
УДАРНОЙ**

Я ВАХТА

**Вахта
ударная**

ВЕСНЫ

Вахта урожая

ПЯТИЛЕТКИ

**ДЕВИЗ УДАРНОЙ ВАХТЫ:
БОЛЬШЕ, ЛУЧШЕ, ДЕШЕВЛЕ!**

ТРУДОВАЯ ВАХТА

**На вахте
пятилетки**

**ОКтябрьская
ВАХТА**

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ НА ТРУДОВОЙ ВАХТЕ

ОКтябрьская вахта

на трудовой вахте-комсомольцы

КАЖДЫЙ ДЕНЬ
ПРЕДСЪЕЗДОВСКОЙ
ВАХТЫ—УДАРНЫЙ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ТРУДО
ВАХТЫ МОСКВИЧЕЙ—УДАР

С ВАХТЫ НА

ПОЧЕТНАЯ ВАХТА ИЛЬИЧЕВЦЕВ

Республики на вахте пятилетки

Трудовая вахта комсомольцев Нурика

СТРАНА НЕСЕТ ТРУДОВУЮ ВАХТУ

НА ТРУДОВОЙ ВАХТЕ

Почетная вахта
Ильичевцев

Вахта
ветерана

ТРУДОВАЯ ВАХТА
МЕТАЛЛУРГОВ

МОСКВИЧИ
НА УДАРНОЙ
ВАХТЕ В ЧЕСТЬ
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ЮНОСТЬ НА ВАХТЕ УРОЖАЯ

ВОЙ
СНАЙПЕРСКИЙ!

НА ВАХТЕ
УДАРНОЙ

ВАХТУ

УДАРНАЯ ВАХТА ГЕРОЯ

ПИЛОТИРУЕМАЯ ОРБИТАЛЬНАЯ
СТАНЦИЯ «САЛЮТ-4» ПРОДОЛЖАЕТ
СВОЮ НАУЧНУЮ ВАХТУ!

ВАХТА НАД ОБЛАКАМИ

НА ВАХТЕ
ТРУДОВОЙ

• Москвичи на ударной вахте в честь 59-й годовщины Великого Октября

ХЛЕБОРОБЫ
ЦЕЛИНЫ
НА ВАХТЕ

НА ТРУДОВОЙ
ВАХТЕ

17 АПРЕЛЯ—
КРАСНАЯ
СУББОТА

ВАХТА УДАРНАЯ

НА ВАХ

О ТЕХ, КТО НЕС ПРАЗДНИЧНУЮ ТРУДОВУЮ ВАХТУ

На вахте Октября

РИТМЫ
УДАРНОЙ
ВАХТЫ

НА

Вахта братьев

ОКтябрьская
ВАХТА
КОМСОМОЛА

На вахте ударной

РЕСПУБЛИКИ НА ВАХТЕ ПЯТИЛЕТКИ

Ударная вахта
москвичей в честь
Великого Октября
приносит новые
победы в труде

НА ВАХТЕ УДАРНОЙ

ВАХТА В ЗВЁЗДНОМ ДОМЕ НАЧАЛАСЬ!

ВАХТА НАЗЫВАЕТ ИМЕНА

МИЛЛИОНЫ ВЫХОДЯТ
ТУ УДАРНОГО ТРУДА

ВАХТЕ ПРАЗДНИЧНОЙ

УДАРНАЯ ВАХТА ШОФЕРОВ

МОСКВИЧИ
НА ВАХТЕ
В ЧЕСТЬ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ

ЗИМНЯЯ ВАХТА НА ФЕРМАХ

На вахте

**БЕССМЕННАЯ
ВАХТА**

**ЗАВЕРШАЯ
ВАХТУ ЯНВАРСКУЮ**

Советская научная станция «Муссон» заступила на вахту в р

УДАРНО ЗАВЕРШИТЬ ЮБИЛЕЙН

**ТРУДОВАЯ ВАХТА
В ЧЕСТЬ ПЕРВОМАЯ**

РИТМ ЮБИЛЕЙНОЙ ВА

**ЮБИЛЕЙНОЙ ВАХТЕ—
УДАРНЫЙ ФИНИШ!**

**ТРУДОВАЯ ВАХТА
В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ**

УДАРНАЯ ВАХТА

районе Северной Атлантики

УЮ ВАХТУ!

**УДАРНАЯ ВАХТА
МОСКВИЧЕЙ**

ВАХТА НА ОРБИТЕ

Хроника
юбилейной
вахты

ВАХТЫ

**ЗИМНЯЯ ВАХТА
ЖИВОТНОВОДОВ**

**ВАХТА КАНДИДАТА
В ДЕПУТАТЫ**

УДАРНАЯ

**ЮБИЛЕЙНОЙ ВАХТЕ—
УДАРНЫЙ ФИНИШ!**

**КАЖДЕ
ВАХ**

НА ПОЧЕТНОЙ ВАХТЕ

УДАР

**Г е р о и
ударной вахты**

ЮБИ

Вахта в Атлантике

**ВАХТА—ЛЕНИНСКАЯ,
РИТМ—УДАРНЫЙ**

1917-
1977
НА

**КОСМИЧЕСКАЯ
ВАХТА
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**МИЛЛИО
НА ЛЕНИ**

*На вахту,
капитаны!*

Вахта мужества

ВАХТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ЭТОТ ДЕНЬ ЮБИЛЕЙНОЙ

УДАРНОЙ

ВАХТОЙ ЗАВЕРШИТЬ

СВОЮ ЮБИЛЕЙНУЮ ВАХТУ!

УЗБЕКИСТАН

НА ЮБИЛЕЙНОЙ ВАХТЕ

КУЛИНАРЫ ВЫХОДЯТ

НА УДАРНУЮ ВАХТУ

Ударная вахта кулинаров

ГОРЯЧАЯ ВАХТА

ВЕЧНАЯ ВАХТА ПАМЯТИ

Вахта девятого шлюза

РУБЕЖ ВЗЯТ— ВАХТА ИДЕТ

**НАЧАЛАСЬ 39-я НЕДЕЛЯ ТРУДА
В ЧЕСТЬ 60-летия ОБРАЗОВАНИЯ**

ВАХТА В ЛУГА

...НА ВАХТЕ ТРУДОВОЙ

НА УДАРНОЙ ВАХТЕ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ КУЙБЫШ

НА УДАРНОЙ ВАХТЕ

**УДАРНАЯ ВАХТА
МИЛЛИОНОВ**

«ВИТЯЗЬ» СДАЕТ ВАХТУ

УДАРНАЯ ВАХТА ДЕКАБРЯ

**ОВОЙ ВАХТЫ
АНИЯ СССР**

**ВЕСЕННЯЯ ВАХТА
ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ**

АХ

ОЙ

**ГЕ-
ШЕВ**

Космическая вахта филателии

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ВАХТЫ

Чернобыль:
вахту несут ученые

*Корчагинская
вахта на АЭС*

ВАХТА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ

Майкл Голдшварц – родился в Минске. Окончил энергетический факультет Белорусского политехнического института. В 1989 году эмигрировал в США. Живет в Нью-Джерси, работает инженером-электриком. В Советском Союзе увлекался организацией джазовых концертов и водным туризмом. В начале 80-х опубликовал несколько статей о джазе в белорусской прессе. Его первое произведение «Не говори, что ты идешь в последний путь» было издано отдельной книгой в Киеве (издательство «Каяла») и в Нью-Йорке (издательство “Liberty”).

Немного о справедливости

*Капитализм – это всегда примат свобод,
Социализм – это всегда примат справедливости.*

Джеффри Сакс

И собирает

Средь недогадливых Рогатый жатву.

Генрик Ибсен. Пер Гюнт

Мечты сбываются, если очень захотеть, но не все и не всегда.

В юности я мечтал быть математиком, а в зрелости стал инженером-сметчиком. Узнав об этом, судьба приняла вид моей племянницы, которая однажды вечером привела ко мне свою подругу – юное создание решительного вида. Оно испило и выкурило все, что предлагала человеку буйная американская весна, потом поступило в региональный колледж, успешно пройдя собеседование, и перед началом занятий нуждалось в легком освежении математических знаний. Несколько вопросов, а вернее, ответов показали, что ожидаемому освежению должно предшествовать ознакомление с некоторыми основами предмета и что помочь может либо возвращение в седьмой класс местной школы, либо интенсивная работа на дому.

Таким образом, прямо передо мной открылась вакансия платного репетитора.

Я не люблю учиться, никогда не любил. Я люблю узнавать. Учить я тоже не люблю (оказалось, что не люблю). Я люблю объяснять. Серьезно, если у вас есть проблема, то это сразу ко мне. У меня талант: я растолкую, приведу примеры и вложу в сознание, а когда нужна математика для седьмого класса, то успех гарантирован. К тому же

человек я чрезвычайно общительный и добросовестный, трудности меня не пугают. Мозг есть? Желание? Поехали.

Но реальная жизнь оказалась чужда такому благодущию. Как быть, когда не понимают, что если с двух сторон равенства что-то одинаковое отнять, то все изменится на одну и ту же величину?! Когда таблица умножения выучена в детстве наизусть, взята за основу и не может быть проверена сложением никак. А почему разные дроби могут символизировать одно и то же число? Да и с какой стати дробь вдруг становится числом?

Я не пал духом. Нужно отступить на шаг от проблемы и взглянуть со стороны. Это же математика: минимум аксиом и максимум выводов, а значит, где-то в ретроспективе должна быть зарыта непонятка, сбившая человека с верного пути.

И я нашел ее. Не стану никого утомлять деталями, не сообщу даже, сколько времени занял поиск. В непонятке оказался знак «равно». Он лежал на бумаге – бесполезный, как точка с запятой, не способный связать собой другие знаки ни в равенство, ни в тождество, ни в уравнение. Ну ничего, ситуация, конечно, серьезная, но исправимая. Диагноз поставлен, будем исправлять.

– Давай еще раз: вот – знак равенства, вот – выражения вокруг него. Скажи, что этот знак с ними делает?

– Ну он показывает, что теперь они вместе.

– И...

– Соединяются.

Спокойно. Зайдем иначе.

– Вот этот знак, как он называется?

– Кто же этого не знает? И вы же сами его только что назвали. Не хотите объяснять – не надо, но зачем издеваться?

– Никто не издевается! Быстро говори, что за знак!

– Не кричите так. Это знак равенства.

– Молодец. Равенства в каком смысле?

– В смысле – когда все одинаково.

– Как одинаково? Приведи какой-нибудь пример.

– Ну вот как мои две руки. Они одинаковые.

– Понятно.

Ну и что делать? И тут я догадался, что делать.

– А сейчас мы возьмем два числа, или даже просто два набора чего-нибудь, поставим рядом и проверим, можно ли один заменить на другой так, чтобы это было СПРАВЕДЛИВО. И если окажется, что можно, то тогда и поставим наш знак РАВЕНСТВА. Можно одну руку заменить на другую? Будет это справедливо?

– Нет.

- А три плюс два на два плюс три?

- Да.

Все. Залипло, будем закреплять успех.

Вот что значит найти правильную аналогию. А что может быть правильнее справедливости?

Через три недели, усталые, но довольные, мы пожимали друг другу руки, прощаясь. Линда сказала, что благодарна мне навек, после чего в одностороннем порядке снизила почасовую оплату, нарушив договор. Однако в проигрыше я не остался, так как при расчете она серьезно ошиблась в мою пользу.

«И при чем здесь судьба? – Спросят меня. – Где ты углядел ее промысел?»

Сейчас расскажу. Вышло так, что краткосрочная педагогика и размер гонорара привели меня к решению оставить в покое линию жизни и не терять ее попытками сменить род занятий. А если не нравится теперешняя работа, ну так она не ассистентка у иллюзиониста и привлекательной быть не обязана. Она обязана быть несложной и давать хорошие деньги. И то и другое имелось в наличии.

«А как же любовь? Свою профессию нужно любить, – скажут мне снова. – Вспомни подругу твоей жены из прежней жизни. Она как-то сказала, что если женщина (или мужчина) ненавидит мыть посуду, то ее (или его) жизнь превращается в ад».

Не надо, зачем нам в ад? И кто говорит про ненависть? Отнеситесь к работе как к законной супруге, и будет одно из двух: вы или найдете увлечение на стороне, или научитесь любить, утратив достоинства. Да, не красавица, да, скучновата, зато из крепкой зажиточной семьи, неглупая и в интимные моменты всегда рядом. В общем, я поступил, как и большинство в таком случае: выбрал второй вариант, не упуская из вида первый, а также овладел простым искусством ни о чем из прошлого не жалеть и по достоинству ценить удобства, предлагаемые передовым общественным строем своему среднему классу.

* * *

С годами память все реже возвращала меня в те времена, когда я дарил застольным слушателям устную повесть о своем репетиторстве, предлагая ненавязчиво, под видом курьеза, отметить таланты рассказчика, и поэтому телефонное предложение поговорить за мой счет с какой-то Линдой не вызвало всплеска чувств. Внезапное согласие на разговор ощущалось не полностью моим, а как будто бы данным помимо воли. Позднее на ум пришла некая взаимосвязь: на вызов из прошлого откликнулось мое прошлое «я».

Голос – у большинства он меняется только в старости:

– Здравствуй.

– Здравствуй, Линда, – непостижимо, двадцать лет назад, как будто позавчера, – случилось что-нибудь?

– Все в порядке.

Благословенный *English*: что бы ни произошло в жизни – но для начала разговора у нас всегда все в порядке.

– Как ты живешь? – Глупость какая-то, она же сказала, что все «*okay*», быстренько исправился:

– Где ты живешь?

– Я сейчас в тюрьме.

– Те... тебе нужна помощь? – Это вырвалось от неожиданности. И как буду помогать? Побег организую? А с другой стороны, человек в тюрьме, в беде, значит, можно чем-то помочь, наверное.

– Да, хочу поговорить с тобой.

– Говори, я слушаю.

– По телефону не получится. Ты бы не смог приехать?

– А где это? Далеко?

– От тебя полтора часа на машине.

– А когда к вам пускают? И как это оформлять?

Линда объяснила про систему посещений и сказала, что с моего согласия сбросит мне в электронную почту полную информацию. Я дал согласие, мы попрощались, и вскоре мой компьютер приветливо звякнул, рапортуя о принятии депеши. Инструкции в интернетном окошке были ясные и не допускали разночтений, все нужные бланки анкет и запросов дружелюбно приглашали к заполнению.

Откровенно говоря, моя готовность помогать была вызвана не одним только состраданием к заблудшим. Случилось так, что пару месяцев назад я долгожданно прекратил трудовую деятельность, и для визитов из прошлого открылось окно возможностей. По утрам супруга, поскольку была сильно моложе, по-прежнему выпархивала на работу, даря на память запах духов и подгоревшего кофе. «Сильно моложе» – это, конечно, сильно сказано, хотя разница в возрасте с годами снова норовит вернуться в авторитет. А я после китайской гимнастики и обильного завтрака к делам приступать не спешил, но до полудня скитался по дому, ласкаемый чувством свободы, как ребенок, оставленный в середине буднего дня на попечение пустой квартиры. В такое вот время и раздался звонок от моей бывшей студентки.

Могут спросить, почему я до сих пор не описал ее внешность. На это как раз ответить легко: не описал потому, что почти не помнил. Роста она была среднего, невысокая, лицо симпатичное, овальное такое, волосы бледно-зеленые. Насчет женских форм я, честно, не в курсе, они все тогда балахонисто одевались. Голос – да, голос я сразу

по телефону узнал, но и тут ничего слишком заметного, разве что с придыханием в конце фраз, и оттого временами слышался как бы испуганным.

Любопытно, что когда она оказалась передо мной за пустым столом, портрет пополнился лишь немногим. Тюремная роба по-прежнему скрывала формы, краска сошла с тонких светлых волос, под глазами на приятном лице с мелкими чертами и гладкой кожей появились огромные черные полукружья.

- Привет, спасибо, что приехал.

- Привет. О чем будем говорить?

- Ты как всегда – сразу к делу. Хорошо. Ты знаешь за что я сижу здесь?

- Ну я прочел, в смысле, открыл информацию по ссылке, но, честно говоря, так и не понял, за что тебе столько дали. Ты даже не умела то, что они...

- Теперь это все уже не важно.

- И твой адвокат пишет, что не согласен.

- Тушит пожар, когда дом сгорел. Осудили – все. Мне просто нужно знать, что ты не отвернешься, узнав, какая я преступница.

Я пожал плечами.

- Я тебя вспоминала время от времени, а недавно подумала: может быть, ты мне опять поможешь. Попросила адвоката найти твой номер телефона. Понимаешь, у меня проблема, – Линда помолчала, медленно теребя воротник своей робы уже не юными пальцами с короткими, ухоженными ногтями. – Видишь ли, когда я здесь оказалась, у меня началась депрессия, сильная, совсем было плохо. И приходил один психолог, он бесплатно помощь оказывал и посоветовал мне изучать что-нибудь, все равно что, лишь бы новое, постороннее. Ну я и вспомнила про тебя, как ты мне математику объяснял, попросила разрешения заходить в Интернет, нашла несколько задач, там было написано, что просто на сообразительность и ничего знать не надо. Короткие, многие с юмором, потом были посложнее, типа как истории, и, главное, если не знаешь, как решить, не приходит никаких мыслей, то всегда можно ответ посмотреть. И ты знаешь, постепенно все как-то изменилось, люди начали мне улыбаться, не все, конечно. Стали задачки подбрасывать, дурацкие в основном.

- Вот и хорошо!

- Да, конечно, – она улыбнулась, и на глазах ее выступили слезы, – я даже несколько формул выучила, не специально, а когда решения узнавала. И так несколько месяцев продолжалось, я книги стала читать, письмо написала маме, а потом нашла задачу про двери.

Она заплакала, приложив руки к голове, как делают непривычные

к этому люди, неумело всхлипывая и пряча лицо. Я оглянулся, униформа уже возвысилась, интересуюсь, все ли в порядке. Устав строго запрещал нам все виды взаимного осязания, включая тактильное снятие стресса, и посему моя длань, уже простертая, была остановлена грозным восклицанием и возвращена с полпути назад. Линда после окрика опустила руки и застыла в неподвижности, гася эмоции.

– Так что там у тебя за задача? – Спросил я, не будучи уверен, что отвлекаю от депрессивных дум, а не гашу пожар бензином.

– Есть три закрытые двери, за одной – деньги, за двумя другими – ни х*ра, – она заговорила размеренно и спокойно. – Ты хочешь денег и можешь открыть одну дверь – одну из трех. Ты ее выбрал – одну дверь, а тебе говорят: «Подожди, не открывай» и из двух оставшихся выбирают одну, открывают ее, а там пусто. Это значит, что деньги или за твоей дверью, или за третьей, неоткрытой. И вот теперь тебе предлагают поменять свою дверь на эту третью и говорят, что с ней у тебя больше шансов получить деньги. Тебе надо соглашаться или нет?

Я задумался. Что-то знакомое из теории вероятностей. Навскидку вроде все равно, какая дверь, но интуиция может обмануть. Легко может. Стоп, не позвала же она меня сюда сказать ей ответ. Наверняка он ей известен, и разъяснениями Интернет не оскудел.

– И в чем твоя проблема? – спросил я с легким вызовом.

– Сначала ты, – твердо сказала она, возвращая мне мой вызов, – если не знаешь, как решить, просто скажи свое мнение. А вот «на слабо» не надо меня брать, даже в деликатной форме.

– Подожди, дай подумать.

Так, первоначально вероятность обогатиться – одна треть, убрали одну дверь, стало по одной второй у каждой. Минуточку! Он же выбрал себе дверь и топчется перед ней, держась за ручку, как в очереди на горшок. Когда открывали дверь, за которой пусто было, то имели дело только с двумя, а не с тремя, и вероятность успеха повысилась только для одной оставшейся двери, а не для двух.

– Меняю дверь.

– Нет! – Ее лицо состарилось, на лбу выступил пот. – Неправда! Вы все договорились! Я не буду с вами...

Интересно здесь все устроено: только что вы беседовали вдвоем почти приватно, а через мгновение вашу *vis-à-vis* уже куда-то уведут, фамильярно держа за плечо.

Домой я возвратился в меланхолии. Что за порядки?! Я, чтобы туда попасть, сообщил им о себе все, они только размером обуви забыли поинтересоваться. А предупредить меня, что у их клиентки шарики уехали за ролики, им не позволила врожденная деликатность! Это же

надо! Чокнулась на задачках из учебника! Хотя она ведь честно сказала, что страдает головой и вместо медикаментов пользуется самодельной терапией. Конечно, жалко ее, но все равно нечего было втравлять других.

Немало упреков прозвучало и в свой адрес. Еще бы, неплохо начал свободную нетрудовую жизнь! Однако с самокритикой я решил не разгоняться, ничего нового все равно не услышу. Нужно двигаться дальше, найти достойное применение жизненным силам, оказавшимся по недосмотру супруги в моем распоряжении.

* * *

Но прошлое не хотело отпускать, и если кода-то для таких случаев оно готовило письма и случайные встречи, то в наш век это почти всегда телефон.

- Здравствуйте, меня зовут Уолтер Шмит. Я знаю, что вы встречались с Линдой несколько дней назад.

- Это очень мило, а кто вы такой?

- Я журналист, но я звоню не для того, чтобы писать про вас или про нее, - добавил он торопливо, - я ее друг и хочу знать, можно ли ей как-то помочь.

- Можно, х-ем по лбу.

Я был все еще зол на себя и на внешний мир, да и с абонентом не желал церемониться, вот и выразился по-русски, тупо и не смешно.

- Неужели совсем без надежды? - Прозвучала в ответ родная, хоть и с акцентом речь, и тут же - привычный, веселый треск грабельного черенка, входящего в пространство между моих ушей.

Сколько раз повторял себе, друзьям, приезжим, всем, кто хотел слушать: «Граждане, не выражайтесь по-русски при посторонних в расчете, что не поймут».

Эфиоп из Ленинграда, корейка из Иркутска, братья-поляки, аспиранты-слависты, русскоязычные иммигранты со стажем, от аборигенов неотличимые, имя им - легион, орда! Но нет, нужно было еще для коллекции.

- Родители из России? - Спросил я беспечно.

- Из Казахстана. Мне очень нужно с вами встретиться.

Вот оно, скромное обаяние обценной лексики, недаром ее иногда называют материнством. Если бы не она, послал бы я Уолтера в вежливой форме без колебаний.

Через два часа мы уже топтались на берегу пруда в маленьком безлюдном парке, любуясь стрижами, деловито секущими теплый воздух в метре от воды. Рядом со мной находился высокого роста сорокалетний мужчина в джинсовом костюме и серьезных

индустриальных ботинках. Вообразить его полевым репортером с припрятанной в кустах базуккой фотокамеры не давали большие прямоугольные очки с толстенными линзами.

Он явно не спланировал начало беседы, хвалил здешнюю природу, приорацал потепление климата, потом решил:

– Я занимаюсь компьютерными преступлениями, как журналист, конечно. Средний уровень, все скромно, ключевые темы давно опекают маститые гуру и их помощники, какую-то часть наши спецслужбы горячо не советуют ворошить. Но иногда и мне удается получить в руки важный материал, даже на премию выставляли. Могу переслать несколько статей – возможно, будет интересно.

Пришлось сбросить мой электронный адрес ему на телефон и сказать, что наверняка будет очень интересно.

Линда нашла его сама. Она много лет провела за границей, участвовала в проектах по водоснабжению в слаборазвитых странах, ходила замуж несколько раз, но семьи не создала, последние годы провела в Эквадоре. Там она познакомилась с несколькими яппи отсюда, из Штатов, вместе с ней их было две женщины и четверо мужчин, все, кроме нее, компьютерщики с работой на удалении, и у всех сходные взгляды на общество и государство. Это было как раз то, что ей надо: от работы она устала, да и опасно там было иногда по-серьезному, от социума тошнило, и еще – не будем скрывать – материальный уровень сыграл роль. Давно известно, что беднота не в состоянии правильно оппонировать имущему классу, а ее коммуна была обеспечена финансово на все сто. Правда, представления об интиме у коммунаров были несколько размыты, но ведь хуже нет, когда толерантность блюдетсЯ только на словах. Ребята были симпатичные, коммуникабельные и почти все сильно моложе, чем она.

Было приятно сознавать, что никто из них не жуировал, имея для этого все возможности, жили скромно, без аскетизма, а излишек денег аккуратно отправлялся в благотворительные организации. Все транзакции по общему желанию должны были оставаться конфиденциальными. Линда все больше проникалась уважением к своим партнерам, ни днем, ни ночью не отводившим глаз от компьютерных экранов. Но однажды она случайно ознакомилась с некоторыми суммами, готовыми для пересылки, и не поверила глазам: десятки тысяч возникали из ничего, как виртуальные частицы, чтобы тут же раствориться в неизвестности. Сначала ей показалось, что речь идет о деньгах какой-то страны, ставшей жертвой гиперинфляции, но нет, в криптовалюту превращались доллары, евро, юани и рубли.

– Так совпало, что она где-то увидала мою статью, и мы списались. Она переслала мне все, что удалось скопировать, и это было серьезно,

очень серьезно. О том, что нужно молчать и не выдавать себя ничем, я повторял ей, как заведенный, по телефону и при встречах. Она понимала это прекрасно, но я удержаться не мог. Я слышал ее голос и чувствовал, как растет страх.

- А эти ее партнеры, кто они такие, и что там происходило на самом деле? - Грубо, очень грубо! Ведь обещал себе никого никогда не перебивать.

- Там все оказалось еще серьезней, - Уолтер, похоже, был не в обиде, - деньги они не только отмывали, но и крали. И не они одни, оказалось, таких ребят по всему миру разбросано уйма. Кто-то весьма могучий давал им коды для проникновения в системы, не все и не полностью, но хватало, чтобы вытаскивать по мелочи и часто. Но и это еще не все, позже выяснилось, что деньги эти шли не только в карманы, но и на терроризм.

- Неплохо!

- Не все они были в курсе дела, но от этого не легче. В общем, ими занялись, операция шла два года. Началось все прекрасно, кого-то заагентурили, кого-то успешно отследили. Потом запахло наградами, и тут же прибежали непричастные, подключили своих покровителей из политических сфер. Круг посвященных расширился, и информация оказалась у преступников, те прекратили противоправную деятельность и сдали полтора десятка человек из мелочи на суд и расправу. И волки сыты, и овцы целки.

Последнюю фразу Уолтер сказал по-русски. Интересно, он сейчас пошутил или просто оговорился?

- Вас кто учил русскому языку?

- Баба.

- Остроумная она у вас.

- Да, я, когда был маленький, много времени проводил у нее и у деда.

Нет, не шутил он.

Уолтер снова перешел на государственный язык:

- Операция тем не менее продолжалась, стали их арестовывать.

Все, кто был пойман в США, уже сидят, остальные скучают за рубежом и ждут депортации. Россиян их родина сразу затребовала домой. Там система была давно отработана: их одноглазая Фемида мгновенно заводила уголовные дела и через Интерпол требовала выдать преступников на праведный суд, хотя теперь это все реже прокатывает, и тогда если присела персона со связями, то в России по приказу сверху хватают кого-либо с американским паспортом и простодушно предлагают махнутья.

Линду и троих коммунаров удалось выманить сюда и арестовать, то есть она знала, что происходит, но продолжала играть роль до конца. Потом был закрытый суд, на котором она из свидетельницы неожиданно превратилась в обвиняемую. Судья, человек высоких принципов и такого же ума, решил, что мало участников понесли наказание, придрался к чему-то и назначил ей восемнадцать месяцев тюрьмы. Но не это было самым страшным. Оказалось, что тех, кто ушел от ответственности, удалось тем не менее наказать финансово настолько больно, что на них, по слухам, обрушилась пандемия несчастий: кто-то попал под машину при переходе улицы в неположенном месте, кто-то покончил с собой, подавившись макаронами, *et cetera*. Было бы это как раз и не плохо (прошу прощения за цинизм), но возникло подозрение насчет Линды, а пандемия не признает ни границ, ни тюремных стен, и единственное спасение – это Федеральная программа защиты свидетелей. Решение проблемы было очевидным, однако на его пути бревном лежало препятствие в виде судебной бюрократии.

Но тут я им напомнил, что подлость должна иметь предел и что время собирать камни прошло, а то, куда они сейчас полетят, полностью зависит от того, как обойдутся с человеком, который поверил чьим-то обещаниям. – Уолтер снял запотевшие очки и принялся протирать их краем куртки, сверля меня пронизательным близоруким взглядом. – И еще сказал, что пишу очень грамотно и давно.

Законники засуетились, стали объяснять, что женщину посадили для ее же безопасности (так полицейские говорят всем, на кого надевают наручники). Сказали, что она какие-то бумаги неправильно подписала.

– У меня не так хорошо получается матом, как у вас, но когда я им ответил, то через неделю ей принесли все документы и авторучку.

Не поймите меня неправильно, мне было интересно все это слушать, я даже вовлекся, сопереживал, хотел знать, чем закончится, однако по ходу повествования созрел вопрос: при чем здесь я и мой странный визит с математическим уклоном?

– Ну хорошо, – сказал я терпеливо, – подписала она это все, и где здесь связь...

– Она не подписала.

Я молчал.

– Она сказала, что это несправедливо по отношению к остальным. Что она виновата и будет сидеть, как все.

- Но ее же убьют!

- Ей все равно, она желает разделить общий жребий. А жребий этот, между прочим, уже дышит ей в затылок. Ее поделщики в Эквадоре недавно были ограблены со смертельным исходом, а один из тех, что здесь сидят, умер от наркотиков. Это же надо, чтобы так не повезло: впервые в жизни попробовал, и сразу передозировка, да еще в тюрьме.

- Подождите, у нее же явно проблемы с психикой, она мне сама говорила.

Уолтер повернулся спиной к пруду и, не прибегая к очкам, воззрился на огромную тую, башней возносившуюся неподалеку.

- Ее проверяли, нашли депрессию, потом она увлеклась головоломками, все вроде бы пришло в норму, и вдруг, когда потребовалось ее согласие на защиту, обнаружилось, что она снова в депрессии, потеряла сон и не хотела никого видеть, кроме вас. Спасибо вам, вы согласились встретиться, но и у вас что-то пошло не так. Понимаете, она не должна, она не заслужила...

Его речь, такая продуманно-размеренная в начале, стала убыстряться, потом сбилась на скороговорку и прервалась.

- Вы женаты? - Спросил я безразличным голосом.

- Уже нет, - ответил он быстро и слегка поежился. Так делают скрытные люди, сожалея о внезапной откровенности.

- Уолтер, - мой голос звучал чрезвычайно миролюбиво, - я, честно, не знаю, что тут можно сделать. Хотите, я приеду к ней еще раз?

Он повернулся ко мне лицом:

- А для чего?

- Поговорю с ней. Смотрите, при встрече со мной она очень переживала из-за того, что не может чего-то там понять в теории вероятностей. Наверное, это не причина, а симптом, но можно попробовать ей хоть здесь помочь. Я, конечно, не специалист, но могу попытаться.

Мой собеседник закивал головой.

- Да. Имеет смысл, - он неожиданно улыбнулся, - мы можем попытаться.

Его улыбка и множественное число, употребленное в последней фразе... Похоже, что он пришел сюда именно за этим, а тут я сам предложил.

- Думаю, послезавтра у меня получится приехать. А можно задать вам вопрос?

Уолтер приблизил кисть руки к глазам и посмотрел на часы.

– Конечно, – ответил он, изобразив повышенное внимание. Все говорило о том, что наше время истекло.

– Я понимаю, что вы тоже внесли свой вклад в раскрытие, а это значит, что вас тоже могут... найти.

– Меня? – Он в задумчивости повертел очки в руке и наконец надел их. – Все может быть, но не думаю. Если надо, я умею быть незаметным. – Мне вдруг показалось, что стекла его очков стали простыми, без диоптрий. – Иногда, наоборот, публичность дает защиту, но это только для таких, как я. А вот для вас лучше всего – самая строгая конфиденциальность.

– Хороша конфиденциальность! – Я не заметил, как разозлился. – Открыто тягаюсь к ней в тюрьму, информацию получил от вас, то, что лишнюю, это мягко сказано!

Уолтер согласно покивал головой, как бы хваля меня за правильный ответ.

– Теперь вы понимаете, как нам важно, чтобы Линда согласилась исчезнуть.

Это не был вопрос. Это было утверждение – и опять во множественном числе.

* * *

– Привет, вот захотел тебя снова увидеть. – Говорим как ни в чем не бывало. Прекрасная стратегия.

– Привет, ты извини, что я тогда... не сдержалась.

– Это ты меня извини, я ведь не знал, что это тебя так расстраивает.

– Я тоже не знала, думала, наоборот, расскажу, и что-нибудь поменяется.

– Ну так давай говорить о том, что тебе интересно или приятно.

Линда слегка задумалась.

– Кстати, тебе Уолтер звонил? Я ему твой номер телефона дала, он попросил.

– Да, мы поговорили, он о тебе беспокоился.

Ее лицо вдруг помрачнело.

– Он обо мне много рассказал?

Мог бы поменьше, я бы не возражал.

– Нет, мы недолго говорили, – ответил я находчиво.

– Понятно. Расскажи, кем ты работаешь, что делаешь.

– То, что приходилось делать в последние годы, было очень скучно, а вот когда-то я строил линии электропередач, большие, похожие на те, что ты видишь, когда едешь по шоссе: опоры, а между ними провода.

- Правда?

Не слышно в голосе восторга. Ничего, немножко поскучаешь, все лучше, чем рыдать над задачей.

- Кстати, там существует одна проблема, тебе может быть интересно. Эти линии, у них большое расстояние между опорами, как ты могла видеть, так вот при постройке обязательно нужно учитывать тепловое удлинение проводов, и если посмотреть на цифры, то оно совсем незначительное, а на самом деле в жару они провисают очень сильно, становятся прямо как спагетти. Если неверно рассчитать.

- Неужели до земли достают?

- Нет, конечно, но из-за ветра могут оказаться слишком близко друг к другу.

- И тогда - короткое замыкание, правильно?

- Да, но когда смотришь на коэффициент расширения, то не думаешь, что это так повлияет, там какие-то доли процента. А еще геометрия мешает правильно почувствовать.

- А это почему?

- Людей подводит интуиция, подсказывает неверный вывод. Есть даже задача на похожую тему.

Линда молчала, глядя куда-то вниз.

- Неужели неинтересно?

- Нет, неинтересно. - Ее лицо опять постарело. Она медленно подняла глаза и, заметив испуг на моей физиономии, грустно улыбнулась. - Расслабься, на сегодня истерика не запланирована.

- Это вдохновляет.

- Понимаешь, эти три двери все время стоят перед глазами. Я читала все объяснения по многу раз, и всегда такое чувство, что это пишут не мне, не для меня, на языке, который я никогда не пойму.

- Стоп, тормозни. Скажи, ты пыталась решать похожие задачи, в которых ищется вероятность?

- Да, и со многими та же история. Но они потом забывались, уходили, а это как кошмар.

- Погоди, значит, ты сможешь сделать над собой усилие и заняться еще одной задачей?

- Смогу, наверное, - она явно теряла интерес к разговору.

- Тогда сделай мне одолжение. Это даже не задача, а шутка. Мне важно, чтобы ты с ней познакомилась. Хорошо?

- Ну хорошо.

- Смотри, ты обмотала веревку вокруг мяча по наибольшему сечению и получила окружность какой-то длины, потом увеличила эту ее длину на три метра и концентрически расположила над этим же мячом. На сколько примерно увеличится радиус окружности? Другими словами, каково будет расстояние от мяча до веревки над

ним? Не надо ничего вычислять, просто скажи свое мнение.

Линда прикрыла глаза, ее руки, еще минуту назад судорожно сжимавшие края рукавов, обрели ненадолго покой на поверхности стола, потом вознеслись на ширину плеч, предъявляя пространство между ладонями как результат размышлений.

- Прекрасно! А если теперь вместо мяча – земной шар?

Испытуемая понимающе улыбнулась. Все, что ей потребовалось на этот раз, это одна рука, чтобы поднять ее к лицу на уровне глаз и показать крошечный зазор между большим и указательным пальцами.

Теперь ее главная задача – не психовать, а моя – доказать, что я педагог, а не погулять вышел.

- Нет, дорогая, здесь засада. Расстояние всегда будет такое, как ты показала в первый раз. Там простая формула, из которой видно, что оно не зависит от величины шара.

Она задумалась, а после медленно закивала головой, одобряя. Мой вздох облегчения был, наверное, слышен даже охране.

- Отсюда хорошо видно, как нас может обмануть интуиция, но переживать не надо, многие люди сперва отвечали так же, как ты, и, кстати, я тоже. И еще, мне кажется, я знаю, как тебе помочь. Вижу, что ты устала, так что давай на сегодня закончим, а я вернусь, как только меня пустят к тебе. Не возражаешь?

Линда не возражала.

* * *

- Привет.

- Привет. Быстро тебе дали свидание.

- Разве? Не знаю, я попросил, и мне дали. Ну что, я, как всегда, сразу к делу. Хорошо?

- Давай к делу. Спасибо, что пришел.

- Я же обещал. Расскажи мне про теорию вероятностей. Что ты о ней знаешь?

- Не очень много: про игральные кости читала, про карты.

- Про двери.

- Не испытывай судьбу!

- Все, не будет никаких дверей. К тебе вопрос: ты подбросила монету, какая вероятность, что выпадет орел, а не решка?

- Одна вторая.

- Так, выпал орел, ты бросаешь еще раз. Какова вероятность, что снова будет орел?

- Ну я не знаю, как посчитать, надо подумать.

- Ты скажи только, по-прежнему будет одна вторая или будет

меньше?

- Я думаю, будет меньше, ведь один раз уже было.

- Ладно, а случится так, что четыре раза подряд будет орел, какой шанс, что снова будет орел?

- Очень маленький.

Вот так! Теперь понятно, где ей туфля жмет.

- Теперь сосредоточься, положи руки на колени, не скрещивай ноги, слушай и запоминай: монета падает на каждую сторону с вероятностью одна вторая, независимо от того, сколько раз ее подбросили и что ты об этом знаешь.

- Подожди! Это же все равно как два цвета в рулетке.

- Это правда, там иногда еще может выпасть zero, но если этим пренебречь, то похоже.

- Ага! А для чего тогда в казино показывают всем, сколько раз подряд выпал один и тот же цвет?!

- А это они хотят, чтобы мы побольше выиграли! Им нравится самим себе в ногу стрелять. - Я прежде не знал, что способен на такой сарказм.

Линда приложила пальцы к виску.

- Эту концепцию мне трудно усвоить, - сказала она медленно, потерла висок и добавила: - трудно, но возможно, я это чувствую.

- Усвоишь непременно. - Я вдруг понял, что волнуюсь.

- А как же карты? Вытащишь одну, а во второй раз шансы уже другие.

- А ты после первого раза верни на место карту, которую вытащила, перетасуй, и во второй раз будут те же шансы. Или возьми две колоды и тащи из каждой по одному разу.

- Вот дура, не сообразила! - Она хихикнула, потом стала серьезной. - Теперь все понятно.

- А сейчас будет самое главное. Запоминай. Вероятность одинакова только если существуют равные возможности и свободный выбор, и тогда не важно, что у тебя там: карты, монеты или двери.

Линда пристально на меня посмотрела.

- Расскажи мне про двери. Ты задачу помнишь?

- Помню. Раньше у всех трех дверей были равные шансы быть с деньгами, ты выбрала одну, и ее шанс - одна треть, а у двух оставшихся вместе - две трети. Когда открыли дверь, где не было денег, то выбирали не из трех, а из оставшихся двух. Это значит, что их общий шанс (те самые две трети) теперь весь у оставшейся двери. Так что если тебе предложат поменять на нее, то меняй, не сомневайся.

- Но ведь и за моей может оказаться.

- Конечно может, это же свободный выбор. У всех есть шанс, но с

разной вероятностью.

– А как же равные возможности?

– Все как в жизни: были равные, пока не вмешались обстоятельства.

Линда встала.

– Спасибо тебе огромное, ты мне очень помог. – Сказала она почти шепотом, глядя мне прямо в глаза, и тут же, предупреждая ответные изъяснения, спросила:

– А ты с Уолтером не разговаривал больше?

– Не пришлось.

Одного раза хватило по ноздри.

– Как ты думаешь, он женат?

– Уже нет.

Она покраснела, но не смущенно, как я ожидал, а весело, возбужденно и, уже пройдя несколько шагов к выходу, обернулась и громко произнесла:

– Свободный выбор и равные возможности – отныне так и будет. Еще увидимся!

* * *

Мы больше не увиделись. Сначала я ждал ее звонка, потом попросил о свидании. Тюремщики ответили, что ее данные у них отсутствуют, и предложили поискать в системе. Ее друг тоже исчез, не прислав обещанные статьи.

Первым чувством была тихая радость. Понятно, что Линда согласилась и ушла под защиту Федеральной программы и, может быть, не одна – Уолтер (если моя фантазия мне не врет) вполне мог попроситься к ней.

Потом пришла тревога. А что, если она не успела? А что, если они оба не успели и случилось совсем другое?

Потом пришел страх. А что, если они успели скрыться, а те, кто ее искал, теперь ищут меня, чтобы поинтересоваться, где она? Засветился я там у них капитально, и выходит, что моя конспирация не стоит и цента, даже если я буду нем как рыба.

Так и получилось, что в одну из бессонных ночей я решил пойти действительно рекомендованной конфиденциальности перейти к непоказанной мне публичности. Замысел был классически прост: заменяются имена, искажаются подробности, текст переводится на английский, и под видом литературного опыта посылается сообщение «*urbi et orbi*», или «кому надо, тот поймет».

Итак, Линде – удачи при каждом выборе, Уолтеру – писательский привет (написано по-русски), всем заинтересованным – ничего не

знаю, кроме того, что написал.

Теперь всем остальным – перечитал я сей рассказ и понял, что был неправ насчет промысла моей судьбы тогда, много лет назад. Не распознал, не догадался. Придется начинать все сначала при свете вечернего дня.

Нью-Джерси, 2023

Дмитрий Злотский - в 1989 году. Пишет по-русски и по-английски, прозу и стихи. В печати вышли роман "*Monster. Oil on Canvas*", сказка «Приключения Марковки» и другие книги. Увлекается и занимается изобретением головоломок. В 54 года пробежал свой первый марафон.

Пифагоровы штаны

Все путем в подлунном мире:
лабух бряцает на лире,
старший курит, средний пьет,
младший просто идиот.

Муха мается в сиропе,
призрак бродит по Европе,
зенки лезут из орбит -
одним словом, жизнь кипит:

кто-то тужится в сортире,
что-то жарится в гарнире,
пахарь пашет, жатель жнет,
Пушкин пишет, Гоголь жжет.

* * *

Так получилось на исходе дней -
нет уважения среди других коней.
Лишь мысли о свободе вбил в башку,
остановила баба на скаку.

Остановился, - говорит, - теперь женись.
И с той поры - оглобля, а не жизнь.
Просторы снятся по ночам, а днем -
плут да изба, гори она огнем.

Копыта чешутся... но сбруя борозду
послать не позволяет за версту.
И, закусив до судорог вожжу,
лежу у стенки и в подушку ржу.

* * *

Ни статью не славен, ни острым умом,
сплавляюсь по жизни со всяким оном,
и чудо моральных законов во мне
слегка конфликтует с бурленьем вовне.

Гребем, как умеем, фактурой грубы,
по сточным просторам из отчей трубы,
следя осторожно, чтоб взмахами рук
не слишком мутить микроклимат вокруг.

Мы вольные твари; пора, брат, пора,
туда, куда катится куча добра,
где Петр мне руку подаст у ворот
и после тайком о штаны оботрет.

* * *

Бывает с лобым на старуху проруха –
меня укусила какая-то муха,
и вскоре, как Ной при постройке ковчега,
я стал совершенно другим человеком.

Все шло поначалу так гладко, и нате –
то чешется утром валяться в кровати,
то в голову, всех их пойдя перечисли,
татарами лезут свербящие мысли.

Под мухой я сам себе стал неприятен
отсутствием сна и наличием пятен,
и тем, что часами скребу одичало
сначала где ноет, потом где попало.

Супруги слова, как удар мухобойки:
«Пошел бы помылся. Позор, да и только!»
И, трубку прикрыв, чтобы я не услышал:
«Пришлите карету, поехала крыша».

И тут остается, в надежде на чудо,
чесать, как могу, но не где, а откуда,
чтоб, место пустое найдя, участковый
поставил диагноз: «Слизнула корова».

* * *

Я встаю, ибо утром пристало плебею вставать;
ибо кофе с омлетом никто не приносит в кровать;
ибо возглас спросонок «Куда подевался, Трофим?»
без ответа в каморке дворецкого тает как дым.

Я иду на работу, поскольку таков уж удел,
чтобы в вечных трудах и заботах мой век пролетел.
И потом, возвращаясь под вечер со службы домой,
доедаю на ужин заветренный хлеб с колбасой.

И в ночном колшаке, прикрывая ладонью свечу,
прохожу коридором в сортир и «Глафира!» кричу.
Эхо бьется о кафель, но только бессилие слов
очевидно, поскольку никто не приходит на зов.

Заворчит подо мной с темнотою пружинный матрас,
в так которому сон наступает. И этот рассказ
будет искрами жизнь под луной рисовать до утра.
И Глафира с Трофимом придут посидеть у костра.

Друзьям

Мои дряхлеющие други
с неувядающей душой,
слегка потерты, близоруки,
тем себя тешат, что еще

на безрассудные способны
поступки. Бедные мои!
Наперекор своим хворобам,
порою сходятся они,

чтоб перебором струн гитарных,
как медиумы прошлых дней,
подзарядить себя нектаром
прокисшей юности своей.

Среди мещанского изыска
и утонченного бухла
в немодном платье бродит призрак
времен, чья ноша тяжела.

Когда б не этот крест, исчезли,
как будто выпиты до дна,
все эти книги, эти песни
и, чьи не помню, имена.

* * *

В далекой стороне, а не у нас,
издали недвусмысленный указ:
что можно – можно, фразами разя,
там говорилось, что нельзя – нельзя.

И той страны ведущие не мы,
но одухотворенные умы,
сошлись, титанам прошлого под стать,
по трое, эту новость обсуждать.

И средь уюта подворотной тьмы
спросил один из них: «А если мы –
душевым озаряемый огнем –
сперва не можем, а потом сможем?»

Зеленый змий тек по усам рекой,
когда прервал товарища другой:
«А если мы, – восторгом одержим,
он грохотал, – можем, но не хотим?»

А третий, любомудр, вкусив язя,
поправил бабочку: «Коллеги, так нельзя
глаголить, ибо смертным не видна
ай-петри, куда впетрилась страна».

Смотря на них сквозь мутное стекло
иных времен, я думал: «Как могло
такое в круговерти наших дней
случиться с бедной родиной моей,

где, словно Пифагоровы штаны,
нельзя и можно сделались равны?»
Но лево с правом, как ни говори,
совсем не те извне, что изнутри.

Там по законам внутренней среды –
глаза в затылок – строятся ряды,
а нам следить за креном домино
одновременно страшно и смешно.

* * *

Сквозь дней недавних амнезию,
мир посетившую недаром,
я вижу кинотеатр «Россия»
в осенней слякоти бульвара,

фигуры в бронзовых бушлатах
на «Революции», заказы
с волшебной палкой сервелата
и голубей на глыбе Маркса,

и под землей нехитрый ребус,
повидло с коржиком в буфете,
и мой двенадцатый троллейбус
с моим трамваем двадцать третьим,

и около «Аэропорта»
вода с сиропом – три копейки,
штаны, что между ног протерты,
и у подъезда на скамейке

в платках старухи, корвалола
таблетки, куртка нараспашку,
и по пути домой из школы
сардельки с соусом в стекляшке,

для малышей «Спокойной ночи»,
в Колонном зале гул оваций,
пломбир за девять, а захочешь –
то с розочкой за девятнадцать.

И кажется, что вечность можно,
таща к себе обносков бредень,
лежать щекою на ладошке
и видеть старый в новом свете.

Петр Ильинский - прозаик,

поэт, эссеист, член Союза писателей Санкт-Петербурга. Родился в 1965 году в Ленинграде, выпускник биофака МГУ. В 1991–1998 и 2001–2003 годах - научный сотрудник Гарвардского университета. Книги: «Перемены цвета» (Эдинбург, 2001), «Резьба по камню» (СПб., 2002), «Долгий миг рождения. Опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.» (М., 2004, 1-е изд.; СПб., 2017, 2-е изд.; М., 2023, 3-е изд.), «Легенда о Вавилоне» (СПб., 2007), «На самом краю леса» (М., 2019, 1-е изд.; М., 2023, 2-е изд.), «Век просвещения» (М., 2020, 1-е изд.; М., 2023, 2-е изд.), «Искушение и погоня. "Смерть в Венеции"

Т. Манна - Л. Висконти и "Лесной царь" И. В. Гёте - Ф. Шуберта» (М., 2022) и «Наша родина, как она есть (М., 2023). Статьи и рассказы публиковались в российской и зарубежной периодике («Отечественные записки», «Время и место», «Русский журнал», «Зарубежные записки», «Северная Аврора», «Семь искусств»). Живет в Кембридже (США). В течение ряда лет преподавал в Бостонском университете. Работает по специальности в частном секторе.

Мастер неразрешимых вопросов

О загадках и значении Евгения Шварца

Никому в голову не придет глупейший вопрос: может ли великий поэт повлиять на потомка-прозаика? Тут все понятно: мало найдется в отечестве достойных сочинителей повестей и романов, которые будут биться головой об лед, убеждая нас, что Тютчев, Блок или Ахматова не имели никакого отношения к их литературному развитию или даже становлению. Но может ли сходное действие произвести драматург? Уточним: в первую очередь, драматург, каким был Евгений Шварц. Ответ уже понятен: может, еще как может. Кто как не он, в конце концов? Но каким именно образом? Вот здесь у нас появляются некоторые проблемы, ибо ответ «Напрямую!» никуда не годится, совсем не подходит и даже не приходит в голову. И сразу по многим соображениям.

Пьес в шварцевском стиле мы не сочиняем (и не смогли бы). И слава богу: уже попробовал человек, необыкновенно талантливый (Григорий Горин), получилось очень даже неплохо, да что там, не будем скупиться, - хорошо получилось; но нет, не Шварц, все тонко и остроумно, да и по делу, но все-таки нет. Увы. И если вы не согласны, то скажите: останется ли из его симпатичных пьес хотя бы одно выражение, которое будут повторять лет этак через семьдесят-восемьдесят (о более серьезных материях пока умолчим)? «Какое

сказочное свинство!» «Детей надо баловать – тогда из них вырастают настоящие разбойники». «Не ори. Не знаешь, что ли, что отец подслушивает под дверью». «Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая!» «Три дня я гналась за вами, чтобы сказать, как вы мне безразличны». Нет, с этим соревноваться невозможно и подражать тоже не стоит (можно здорово опозориться), надо просто снять шляпу, а еще лучше – сходить на Богословское кладбище и постоять у белого надгробия. И не будем мы на всякий случай сочинять никаких пьес, и уж точно не станем писать драматических сказок а-ля великий маэстро. Но от вопросов, тем паче поставленных нами самими и совершенно по доброй воле, уходить не будем.

Так чему же учит нас этот удивительный человек и удивительный писатель?

Шварц – гений, одновременно неизвестный и сказочно популярный, зачитанный до дыр, но только недавно полностью (или все-таки не полностью?) напечатанный. Понятный и таинственный, многожды игранный и переигранный самыми большими мастерами и никоим образом до конца не раскрытый. Не расшифрованный, не разгаданный, при том, что, казалось бы, какой там ребус, все ведь совсем просто, на поверхности. И удастся ли это кому-нибудь, возможна ли вообще некая *идеальная*, безоговорочная интерпретация, точная и глубокая одновременно? Так, чтобы зрители сказали: «Вот он, тот самый спектакль, тот самый фильм! Тема раскрыта, больше ничего не скажешь». Вряд ли – ведь пьесы великих драматургов идут вечно, на то они и великие. И часто с годами становятся все лучше и лучше, ибо мы потихоньку (хотя очень медленно) умнеем и начинаем чуть полнее понимать гениев прошлого, а еще – запрещаем, точнее – презираем преднамеренное их искажение или, по крайней мере, очень неохотно позволяем своим современникам вторгаться в классические тексты.

Здесь ничего не изменилось: мы стоим на страже драматургов минувших эпох, но чрезвычайно снисходительны к тому, что любое сочинение для сцены, написанное вчера или позавчера, является для театра всего лишь «материалом». И забываем, что когда-то подобное могло случиться (и не раз случалось) с кем угодно, да хоть с тем же классиком, и без всякой цензуры: по воспоминаниям Шварца, один известный мастер (правда, наш герой очень сомневался в уровне того мастерства) искорежил шварцевский текст так, что поставленная им пьеса «оказалась рассказанной грязно, с зияющими дырками». Может быть, слово «грязно» здесь знаковое; грязь – это именно то, что Шварц ненавидел всю жизнь, и не только в творчестве. И ненавидел искренне, действительно. Оттого она к нему и не прилипла – впрочем, это даже слабо сказано: она была органически несовместима с ним.

Загадка Шварца начинается с его биографии, довольно простой и понятной при жизни автора и ставшей совершенно невообразимой в течение нескольких десятилетий. Сын и внук крещеных евреев, но русский по матери (и по своему собственному разумению), православный верующий, которого одна власть все равно не считала достаточно верноподданным, чтобы зачислить в офицерское училище, а от второй ему приходилось скрывать и саму веру, и свое участие (несмотря ни на какие обиды) в Гражданской войне на стороне той самой, неблагодарной первой власти. Откуда взялся этот человек, что пережил он в наиважнейшие формирующие годы своей юности, о которых он нам, быть может, рассказал только один раз, в утраченном во время блокады первом изводе своих дневников?

Что сказал ему и его театральным товарищам Гумилев, увидев в Ростове 1921-го их провинциальную постановку «Гондль»? Что почувствовали и пережили они, артисты полусамодельного театрала, добравшись до Петербурга и узнав, что оказавший им, судя по всему, немалую моральную поддержку, поэт только что убит? Как прожил Шварц 1920-е, в которых у него были и служба в «Детгизе» в нынешнем здании «Дома Книги», по коридорам которого они с Николаем Олейниковым бегали на четвереньках, якобы для разрядки, «изображали верблюдов», и Бахмут-Артемовск, где они же почти год проработали вместе (и где теперь, наверное, нет ни одного целого дома, что уж говорить о мемориальных досках!). Напомним, что отец писателя работал врачом на шахте в Соledаре и что чистая случайность привела Шварца, который просто приехал навестить родителей, в бахмутскую газету «Всероссийская кочегарка», откуда он вышел уже литератором, одним из организаторов журнала «Забой». Так получилось, что подававший большие надежды Михаил Слонимский не стал крупным писателем (зато стал отцом выдающегося композитора), но, что для нас важнее, привел Шварца в литературу (и к тому же познакомил его с Олейниковым – книга об этой дружбе и об очень сложном комплексе отношений двух классиков еще не написана).

Укажем здесь, что все мемуаристы единодушны: Шварц-писатель долго и даже в каком-то смысле мучительно искал свою стезю, свой жанр, свой метод. Впрочем, время на глазах становилось все более жестким. Поэтому нельзя исключить, что ярлык «детского писателя» Шварц навесил на себя вполне осознанно, а вовсе не благодаря своему недавнему прошлому в журналах «Чиж» и «Еж». Хотя его детские драматические сказки не становятся от этого менее значительными. Возможно, разгадка его успеха у самой маленькой и самой требовательной аудитории именно в том, что он относился к детям с не меньшей (а даже с большей) серьезностью, чем к взрослым:

вспомним его блистательные дневниковые портреты детей Николая Заболоцкого, к которым он относился как к своим собственным и о которых неустанно заботился в долгие годы заключения поэта.

Кстати, случайно ли, что Шварц был близок сразу двум наиболее значительным литературным группам тогдашнего Ленинграда: «Серапионовым братьям» и обэриутам (из которых первые были гораздо известнее, а вторые – гораздо талантливее)? Хотя формально не входил ни в одну из них – похоже, на инстинктивном уровне оберегая свое творческое одиночество. И все-таки – что ему в какой-то счастливый момент помогло, раскрепостило его перо? Как он, уже вовсе не юношей, наконец-то пробивает творческий потолок и становится хорошим писателем под сорок лет («Голый король»), замечательным – уже за сорок («Снежная королева») и почти сразу же – великим («Тень»)? Как пишет искрометные тексты руками, всю жизнь заметно дрожавшими после «Ледяного похода» и корниловского штурма Екатеринодара? Что думает он о политической системе, в которой живет, с которой в молодости боролся почти до смерти и которой будет всю жизнь опасаться, отмечая во всех анкетах, что служил в продотряде? О системе, которую запечатлел чуть ли не лучше и, главное, пронизательнее всех. И при этом дежурит на крышах блокадного Ленинграда, тушит «зажигалки», а в самые тяжелые дни осени 1941-го шутит о том, что немцам еще надо будет форсировать Фонтанку.

Как он сумел во времена всеобщей вражды не посориться ни с кем, включая семью своей бывшей жены и ту семью, откуда увел жену новую, ту, что его похоронила, привела в порядок дела и покончила с собой, чтобы быть погребенной рядом с ним. Как дружил с писателями официальными и неофициальными, классиками и обычными членами писательского профсоюза? Как нашел почти для всех них одни только добрые слова в своем дневнике, где запретил себе делать даже наималейшие исправления? Как, будучи сам совсем небогатым и часто гонимым, умудрялся помогать тем, кому повезло еще меньше, чем ему? Как никого не предал в эпоху, когда почти за каждой стеной люди повседневно и буднично давили, резали и душили друг друга? Эпоху, которую он, кстати, сумел передать одной-единственной ремаркой – ведь вся тогдашняя жизнь была как бесконечный королевский дворец в несчастливом королевстве. И как ему, чуждому какого-либо шовинизма, удавалось деликатно обсуждать в дневниках типически национальные черты своих знакомых – а мы прекрасно знаем, что такие черты действительно есть, и в них часто нет ничего обидного, скорее наоборот. Но не запретили бы Шварца сегодня? И не запретят ли? В самых разных странах ныне очень отдаленных континентов и по самым разным поводам. Потому

что в волшебных текстах Шварца, пусть это и покажется оксюмороном, нет никаких чудес, есть только человек, нагой и неприкрытый в своей мерзости и своем благородстве.

Такими же *простыми людьми* предстают в воспоминаниях Шварца его друзья-гении (не будем употреблять канцелярское «крупные представители русской литературы»). Тем паче, что они сами называли себя именно так, по словам Шварца, – «Шутя. И не очень шутя». Узкий и исторический круг тех, кого он назвал «злейшими друзьями». Отношения их вряд ли были просты, и дневниковых намеков на это более чем достаточно, но Шварц решил детально ничего не рассказывать: ведь мертвые не могут ответить живым. К тому же он всегда чувствовал за собой долг перед невинно убиенными товарищами – теми, которые «не могли писать иначе, чем пишут»; теми, кто не искал «новой формы», но при этом в совершенстве владел ею и всегда «видел, когда она жива» – и это сказано не только про Хармса и Олейникова. Как и то, что «гениальность – не степень одаренности, или не только степень одаренности, а особый склад всего существа».

Эстафета оказалась передана – Шварц тоже стал гением, только вряд ли этому можно научиться, даже у таких умопомрачительных учителей (к тому же полновесно и не без иронии описанных им людей, иногда высказывавших в частных разговорах нечто совершенно несуразное). Может быть, Талия и Мельпомена иногда просто награждают тех, кто очень много работал и никогда не подличал в текстах? Случайно ли, что в первой относительно зрелой пьесе Шварца «Клад», написанной вскоре после многочисленных процессов над разнообразными «вредителями», все возможные вредители оказываются мнимыми? И некоторые герои даже просят прощения за свои необоснованные подозрения. И только ли творческой беспощадностью автора к самому себе можно объяснить то, что после каждой запрещенной пьесы он пишет еще лучшую, еще более тонкую?

Вместе с тем будущий классик прекрасно знал себе цену и тяжело переживал свою относительно малую общественную и литературную востребованность. Не оттого ли его слишком рано нагнала смертельная болезнь: ведь «очень вредно не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь». Да, классики тоже были живыми людьми, совсем как мы, хотя и все-таки немного не так, как мы. Ведь, признаемся, им было чуточку труднее, чем нам. Но жалеть чудотворцев и великих трубадуров – а Шварц, вне сомнения, один из них – наверное, не стоит. Сочувствовать – да, можно. Поскольку «безумцам, которые живут так, как будто они бессмертны», всегда тяжело. Очень тяжело. Тем паче, что их тексты тоже были беззащитны, если вспомнить изобретательность современников и завистников. Не говоря уже о кострах.

О чем еще надо сказать? Несомненно, нельзя не вспомнить знаменитые шварцевские *бонмо* – они что, были с ним всегда, и только постепенно начали прорываться в тексты? Кажется, мемуаристы это подтверждают, впрочем, немного сдержанно и не без обиды – похоже, что всем им тоже случалось оказываться мишенями «дорогого Евгения Львовича». И не раз, хотя при этом они по-прежнему оставались его друзьями – или, точнее, очень хотели ими быть. И в жизни, и в нашей памяти – ведь если бы не связь со Шварцем, то имена многих из них уже должны быть плотно покрыты пылью времени. Но мы решимся им поверить даже там, где они не договаривают (а в пору сочинения их воспоминаний рассказать можно было отнюдь не все). Ведь не может человек неожиданно стать остроумным в сорок лет, да до такой степени, что его фразы прочно и, пожалуй, уже навечно входят в повседневный язык. Как могло случиться, что в стране, павшей жертвой чудовищного языческого культа, миллионы вдруг слышат обращенные к ним слова: «Когда-нибудь спросят: а что вы, собственно говоря, можете предъявить? И никакие связи не помогут сделать ножку маленькой, душу – большой, а сердце – справедливым». И миллионы взрослых понимают, что им напомнили про Страшный Суд. А миллионы детей впервые о нем узнают.

Конечно, финал жизни печален всегда, особенно когда преждевременен, когда человек еще полон замыслов, когда он не успел увидеть на сцене или на экране свои лучшие вещи. Но ведь жизнь гения продолжается после смерти, и к нам до сих пор приходят (и в каждом поколении будут приходить заново) его тексты, а также история его жизни, как отдельное и необычайно поучительное – трагическое и возвышающее – произведение.

Как известно, «и в трагических концах есть свое величие. Они заставляют задуматься оставшихся в живых». Так постараемся остаться достойными нашего автора и героя, будем просто работать у письменного стола и попробуем иногда шутить над миром и тем пупом земли, которым мы иногда себя видим. И самое главное – постараемся чувствовать и думать, не забывая, впрочем, что никакой награды нам за это не полагается. И не должно. Тем более, что награды ли нам на самом деле хочется или чего-то иного? Совсем иного – если не лукавить (что нам всем свойственно), даже перед самими собой, такими любимыми, а ответить честно, не увильвая, без экивоков. «Мне очень стыдно, принц, но вы угадали».

Волшебник – это тот, кто всегда учится.

Ольга Ушакова – родилась в Ленинграде в семье биологов и врачей. Окончила биолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета. Всю жизнь проработала в крупных медицинских центрах, занимаясь диагностикой и разработкой новых молекулярных методов тестирования онкологических заболеваний. С раннего детства проявляла интерес к старым семейным фотографиям и рассказам взрослых о предках. Более тридцати лет собирала в архивах документы и сведения о членах своей семьи. В последние годы опубликовала несколько

сборников воспоминаний своих родственников. В настоящее время живет в Торонто.

Петр Ильинский, Ольга Ушакова

Арест и тюремное заключение нашего деда

(семейное предание и реальность)

Краткое вступление, или *Sitz im Leben*

В семьях Ильинских и Ушаковых от детей не скрывались сложные отношения с властью, как и многие весьма неприглядные черты этой власти, особенно те, которые при желании можно было отнести к прошлому, а не к настоящему. Конечно, информацию старались дозировать с учетом возраста, что получалось не всегда. Например, некая очень памятная передозировка привела к тому, что одному мальчику школьный учебник истории девятого класса был куплен и буквально впихнут в руки в семилетнем возрасте, дабы доказать, что там черным по белому и вполне открыто написано о репрессиях, которые устроили «карьерист Ежов и политический авантюрист Берия». Незадолго до этого в одном знаменитом музее внимание любопытного школьника привлекло немалое количество портретов революционных героев, даты смерти которых почти совпадали, что, в свою очередь, привело к расспросам старших, а затем – к чересчур, как, судя по всему, было решено на семейном совете, откровенным ответам застигнутых врасплох взрослых на эти относительно невинные «почему?» и «отчего?».

Таким образом, о том, что наш дед Борис Вячеславович Ильинский

был арестован, мы узнали относительно рано – сейчас кажется, что в подростковом возрасте, – но без каких-либо подробностей. Знали мы также, что это случилось с ним в ранней молодости, что в заключении он пробыл недолго и что в дальнейшем серьезных проблем с советской властью не имел. Да, по нашему детскому разумению, и не должен был – дедушка являл собою само воплощение порядка и «правильности» в совершенно прямом смысле слова, а так как человеком на склоне лет он стал весьма известным (см. биографическую справку в конце нашей публикации), то все вписывалось в картину, которую, пусть и с некоторой неохотой, рисовала тогдашняя официальная историография, в том числе и с помощью произведений искусства: в далекие революционные и послереволюционные случались отдельные перегибы, но их по возможности исправляли честные борцы за социалистическую законность. И конечно же, исправили.

Дальнейшее вспомнить в точности уже не удастся. Скорее всего, подробности этой истории скрывались от нас вплоть до поступления в вуз: выйдя на свободу, информация могла разойтись слишком далеко и помешать приобретению высшего образования внуками героя нашей истории, что – например, в случае мальчиков, подлежавших призыву в армию, – могло привести к неприятным последствиям (не говоря уж о прочем – как раз тогда запыхала Афганская война). Но вот ослабления советской власти дед точно не дожидался, и как только те же самые внуки вошли в возраст, когда уже вполне могли держать язык за зубами, подробности той давней истории посыпались на них разноцветным горохом и ворохом (а дети деда – наши родители – еще норовили кое-что добавить от себя и, в случае одного из нас, точно стали катализаторами этих рассказов). Тут-то публикаторы узнали очень много нового о своей семье и об обществе, в котором им было суждено родиться и вырасти.

В частности, выяснилось, что политическая судимость (при том, что никакого *суда* и в помине не было) еще долго висела над дедом и что в конце 1940-х – начале 1950-х годов у него дома лежали сложенные в чемоданчик вещи на случай ареста. Более того, в январе 1953-го поздно ночью в квартиру Бориса Вячеславовича явился милиционер и потребовал его паспорт для проверки. Возможно, это было связано с разворачивавшимся тогда «делом врачей» (дед прекрасно знал многих из его фигурантов – в частности, один из основных обвиняемых, М. С. Вовси, в 1944-м рекомендовал его на должность главного терапевта 3-го Белорусского фронта). Также ходили слухи о намечавшейся высылке из Ленинграда всех, у кого в личном деле значилась печально известная 58-я статья.

При этом сам Борис Вячеславович долго был уверен, что перед режимом полностью чист, но где-то поздней осенью 1952-го выяснилось, что это не так (непогашенная, по мнению инстанций, судимость стала одной из причин значительного понижения его жены в должности). Тогда он напрямую осведомился в МВД о своем статусе и приложил к запросу свой послужной список, включая перечень государственных наград. Очень даже вероятно, что он сделал это, зная об арестах по будущему «делу врачей», которые уже вовсю шли в октябре 1952-го и о которых медицинская общественность была достаточно хорошо осведомлена (несмотря на совершенно антисемитский характер, который это дело в дальнейшем приобрело, среди основных обвиняемых были и абсолютно русские люди, не хуже и не лучше самого Бориса Вячеславовича). В ответ ему пришла неожиданно благожелательная рекомендация подать запрос о снятии судимости (это было еще до официального объявления о «деле врачей» 13 января 1953 г.), и дед действительно его подал, уже в МГБ, приложив поручительства нескольких крупнейших медиков того времени. Судя по всему, документы ушли по назначению в том же злом январе 1953-го, и никаких действий по ним система не предпринимала, скорее всего, вплоть до окончания «дела врачей», о котором было объявлено 4 апреля. Затем судимость была снята (точные даты неясны, май или июнь 1953-го представляются наиболее вероятными), но почему-то со ссылкой на знаменитую амнистию 27 марта 1953-го, причем дедушке было сказано, что в случае вызова на Дворцовую площадь, где тогда находилось Управление милиции г. Ленинграда, он должен сообщить туда о своей новообретенной политической незапятнанности.

Вызов этот не замедлил последовать, что произошло, по-видимому, уже летом того же судьбоносного 1953-го. Согласно семейной легенде – возможно, не совсем точной, – дисциплинированный дедушка явился туда со всеми необходимыми документами и без тревожного чемоданчика, но, к своему удивлению, поначалу не обнаружил просто-таки никого: ни высокого начальства, ни возможных товарищей по счастью или несчастью. Будучи, однако, человеком совершенно законопослушным, а также дотошным, Борис Вячеславович не отступился, а распахнул врата оплота социалистического правопорядка и в целях получения дальнейших указаний долго искал по пустым коридорам каких-либо ответственных лиц в погонах, которые обнаружили только за самой последней дверью. Один из них поднял на деда заплаканное лицо и жалобно сказал прерывающимся от рыданий голосом: «Товарищ Берия – враг народа». Тут Борис Вячеславович догадался, что

выяснение его юридического статуса благополучно окончено, и отправился домой. Гораздо более прозаическое выражение это событие получило в его воспоминаниях, написанных многие годы спустя: «Я был вызван в ленинградское управление МВД, и мне было сообщено, что в связи с амнистией от 27 марта 1953 года судимость с меня снята, и я полностью свободен от каких-либо ограничений».

Ограничения действительно исчезли, хотя и не все. Благодаря этому, помимо прочего, несколько укрепилось семейное положение супругов Ильинских, которые в конце 1930-х – начале 1940-х значились в разводе, дабы обезопасить семью в случае повторного ареста Бориса Вячеславовича. Поженились они снова, вероятно, году в 1942-м или 1943-м, в разгар войны, – судя по всему, чтобы семья в случае гибели кормильца могла получить пенсию (не исключено, что был важен и офицерский продовольственный аттестат), но этот факт особенно не афишировали. Подробности нам неизвестны, так что этот эпизод, скорее всего, останется не полностью выясненным. Страшного здесь ничего нет – сразу же вспоминается некий остроумец, считавший, что пусть лучше в истории будут белые пятна, а не черные страницы. Но, увы, там достаточно и того, и другого.

Сведений и семейных новостей такого рода было много, и благодаря им история XX века заиграла для нас еще более свежими красками. Некоторая часть этой информации сейчас предлагается вниманию читателей.

Центральный сегмент данной публикации взят из воспоминаний Б. В. Ильинского, написанных им примерно с конца 1970-х по начало 1990-х. Их более ранняя часть (по 1921 г.) опубликована в книге: Б. В. Ильинский, В. А. Ильинский. Вологодские семинаристы на перекрестке эпох. Сост.: П. О. Ильинский, О. Б. Ушакова, М., 2022. Подготовка текста: П. О. Ильинский, О. Б. Ушакова. Слова, стоящие в квадратных скобках, добавлены составителями для прояснения смысла. Разделы «Предыстория» и «Эпилог» написаны нами. Фотографии и документы взяты из семейного архива О. Б. Ушаковой.

Предыстория

Б. В. Ильинский родился 17 ноября 1897 года в семье священника Вячеслава Александровича Ильинского и его жены Анны Ивановны в селе Васильевском Удимской волости Велико-Устюжского уезда Вологодской губернии. Вдвоем со старшим братом Александром, которого в семье называли Лелей (разница в возрасте у них была всего 10 месяцев), они обучались в одном классе Устюжского духовного училища, а затем были приняты в Вологодскую духовную семинарию.

В 1915 году Леля вышел из семинарии и поступил в Юрьевский (Дерптский) университет на физико-математический факультет, почти сразу был призван в армию и направлен в школу прапорщиков, после окончания которой воевал с немцами на Северо-Западном фронте. Весной 1918 года, после распада российской армии, Александр в чине подпоручика вернулся домой в Великий Устюг, где его отец о. Вячеслав служил священником в Георгиевской градской церкви (позже закрытой, но ныне восстановленной и действующей). В это время в Устюге уже установилась советская власть.

Осенью 1918 года демобилизованные офицеры и солдаты во главе с офицером Петром Юрьевичем Двужильным планировали провести контрреволюционный переворот в Великом Устюге. Заговор был раскрыт ЧК (предшественником ГПУ/ОГПУ, советской политической полиции 1920-х гг.), Двужильный был убит при задержании. У него нашли письмо с планом организации мятежа. Начались аресты участников заговора, среди которых был и успевший скрыться Александр Ильинский. Он был объявлен в розыск и заочно приговорен к расстрелу. Какое-то время Александр скрывался в одной из отдаленных деревень у родственников, а потом перебрался в Петроград и поступил в университет на физико-математический факультет. Однажды в университете его увидела студентка-устюжанка, сообщившая в Устюг, что он жив (Александр перенес очень тяжелый тиф, и семья, зная о его болезни, полагала, что он скончался). Родителям Лели удалось с ним связаться и передать через знакомых, что в Устюге известно о его проживании в Петрограде. Леля решил эмигрировать, ему удалось перейти границу с Румынией, а оттуда переехать в Варшаву, где он поступил в Варшавский Политехнический университет.

Борис Ильинский остался доучиваться в духовной семинарии и окончил ее в 1917 году первым учеником, получив направление для продолжения учебы в Петербургскую Духовную Академию. Однако революционные события изменили его планы. Какое-то время он работал учителем в школе, потом был канцеляристом, контролером, статистиком и уездным руководителем Всероссийской переписи населения, а в 1921 году поступил в 1-й Петроградский (с 1924 г. – Ленинградский) медицинский институт, который до 1918 г. назывался Петроградским Женским медицинским институтом, и сообщил об этом брату в Польшу. В институте Борис познакомился с Аней, своей будущей женой, – она неоднократно упоминается в его рассказе. На протяжении трех лет (1922–1924) Борис неоднократно посылал брату в Варшаву учебники по разным предметам, а позднее дважды пересылал ему от родителей небольшие суммы денег через Госбанк.

Борис Ильинский о своем аресте

Моя переписка с братом (она носила чисто семейный характер), а еще больше мои денежные переводы в Варшаву привлекли внимание органов ГПУ. Я был вызван для объяснения на улицу Дзержинского в управление ОГПУ, где после вполне откровенного разговора со следователем о моем брате мне было предъявлено обвинение в том, что я не сообщил в Устюг органам ГПУ о готовившемся белогвардейском заговоре, хотя я не имел о нем никакого представления и к тому же к моменту его раскрытия меня не было в Устюге. На вопрос о Леле (следователю, конечно, было известно, кому шли мои денежные переводы) я без всякой утайки рассказал все о том, почему и когда он оказался в Польше и почему я пересылал ему посылки и денежные переводы. По требованию следователя я все это написал на бумаге, которую он сразу же мне дал.

«Вы советский человек, как же вы могли вообще помогать ему? Почему не сообщили нашим органам о том, что он находился в Ленинграде, и тем самым дали ему возможность уехать за границу? Разве вы не понимаете, что вы являетесь пособником врага Советской власти и несете за это ответственность? Значит, если вы узнаете, что готовится заговор против советского государства, то не доведете об этом до нашего сведения?» Я ответил, что сведения о том, что он в Ленинграде, я получил в письме, где сообщалось, что он находится в больнице в крайне тяжелом состоянии, болен сыпным тифом, и даже не знал, остался ли он в живых. Вряд ли кому-либо пришла в голову мысль в таком случае идти с сообщением об этом в ГПУ. «Ну, а если в дальнейшем вам станет известно о заговоре против страны, вы также умолчите и тем поможете нашим врагам?» Мне не оставалось ничего другого, как ответить отрицательно на этот вопрос.

Затем мне было предложено подписать бумагу, что я сообщу органам ГПУ о противоправительственных мерах, готовящихся теми или другими лицами, и я подписал ее, после чего мне был дан ордер на выход из ГПУ. Что меня при этом поразило, так это то, что вместе с ордером на выход из помещения следователь дал мне записку со своим домашним номером телефона, по которому я должен передавать соответствующую информацию. Я ушел домой очень взволнованный и еще не полностью поняв то, что со мной только что случилось. Дома у меня находилось недавно полученное от папы письмо, в котором он сообщал, что ему не дает покоя местное ОГПУ, повторно вызывая его на допросы и подолгу задерживая его, и что он все ждет и чувствует, что ему грозит арест, если не хуже. Считая, что у меня также может быть произведен обыск, я уничтожил письмо, чтобы не подвести как-нибудь папу.

Лишь придя домой и проанализировав все случившееся, я понял, притом не сразу, что должен был быть записан в осведомители ОГПУ. Я знал, что ОГПУ имеет много осведомителей, информирующих его порой о самых мелких разговорах, которым при желании может быть придан характер антиправительственных поступков. Несколько дней я ходил сам не свой. Я привел в порядок свои несложные дела и уничтожил имевшуюся у меня переписку с Лелей. Наконец спустя два дня я позвонил по указанному номеру своему следователю и сказал, что беру свою подпись обратно и не могу выполнять те требования, которые мне предъявлены. На это последовало распоряжение немедленно явиться к нему по адресу [Ленинградского отделения ОГПУ]: дом 2 по улице Дзержинского.

30 апреля в клинике в конце рабочего дня я вызвал из ординаторской Аню и сказал ей о Леле и моей с ним переписке. Вместе с тем я передал ей имевшиеся у меня билеты на предстоящие в ближайшие дни спектакли МХАТ и просил их использовать. Как раз в этот день меня приглашала на свой день рождения Сима Авдеева (подруга Ани), потому я и помню дату – 30 апреля.

Я пришел к следователю 30 апреля 1927 года в два часа дня, и он с яростью обругал меня, обвинил в контрреволюции, в сокрытии белогвардейского заговора, в том, что я помог скрыться своему брату, приговоренному к расстрелу, и заявил, что я арестован, и меня будут судить за все это, а притом, как сотрудника ОГПУ, еще лишат права работы в Ленинграде. Вызвав дежурного, следователь приказал отвезти меня в тюрьму. Я под конвоем вооруженного солдата был направлен в дневные часы через город на улицу Воинова, в дом предварительного заключения.

Между прочим следователь сказал мне, что о моем участии в его работе будет поставлена в известность клиника для того, чтобы там знали, что я за человек. Кстати, при расставании еще после нашей первой встречи он сказал, что в случае отказа [сотрудничать] мне придется покинуть Ленинград и не иметь возможности закончить институт, так как он думал, что я еще студент.

Меня поместили в одиночную камеру на третьем этаже под номером, кажется, двадцать пять. Размер ее был три шага в ширину и шесть в длину. Окно расположено высоко, и перед ним, закрывая его на две трети, находилась жестяная коробка, так что из камеры видно было только небо. Железная койка была прикреплена к стене, напротив нее находился умывальник, а ближе к двери, в которой имелся глазок, закрывавшийся на шарнире шарообразным щитком, находился унитаз. Трижды в день давалась пища и один раз выводили на прогулку во двор на пятнадцать минут.

При встрече, когда одного заключенного вели наверх с прогулки, а другого вниз, приветствовали друг друга: «Здравствуйте, товарищ!»», независимо от того, знакомы вы или нет. Через несколько дней в камере появился второй жилец. Им оказался капитан дальнего плавания Мельниц Мартын Александрович, в возрасте за сорок, ближе к пятидесяти годам, уроженец Либавы, семья которого имела собственное судоходство. Каким образом и для чего он оказался в СССР, так и осталось мне непонятным. Он оказался очень веселым, неунывающим бывалым человеком, исколесившим весь мир, много рассказывал о своих похождениях, часто забавных, например о том, как он, кажется в Рио-де-Жанейро, ездил в зоологическом саду верхом на страусе, или о том, как выходя в каком-то порту, проводил время с женщинами.

Через несколько дней мне было предъявлено обвинение в контрреволюционном преступлении по статье 58. Мельницу тоже было предъявлено обвинение по той же статье. Спустя некоторое время в камере появилась третья койка. Стало совсем тесно. Третьим моим соседом оказался довольно молодой человек (около тридцати лет), несколько раз, по его словам, посещавший итальянское посольство, с одной из сотрудниц которого у него было что-то вроде романа. Он был общительным, но не очень культурным. В дальнейшем его сменил какой-то нэпман (это было спустя семь месяцев), малоинтересный, получавший большие передачи. Я также стал получать систематические передачи с короткими записками, которые мне приносила Аня, сообщая, что их содержимое приобреталось за счет стоимости моих старых театральных билетов. Конечно, так было лишь первое время, а в дальнейшем передачи шли за счет товарищей по клинике – вернее, за счет моих бывших однокурсников и, очевидно, прежде всего самой Ани.

Изредка давали для чтения книги из тюремной библиотеки. Из них запомнилась мне небольшая книжка американского писателя [О.Генри] «Пыль Нью-Йорка», очень хорошие короткие рассказы в духе, близком к Чехову, а также критический очерк о Гейне, из которого мне запомнились стихи о «Молодке-счастье и старухе-горе». Так как я и мои соседи в общем вели себя спокойно, то дежурный по этажу надзиратель сравнительно редко заглядывал через глазок в нашу камеру. Периодически появлялся парикмахер. Но я решил не бриться и к концу моего пребывания в тюрьме отпустил довольно гнусную бороду и усы.

Во время прогулок мне, не помню уже кто, передал тюремную азбуку, так называемую «азбуку декабристов», известную большинству молодежи того времени, и я, очень быстро ее освоив, стал перестукиваться с обитателями соседних камер, а также по

проходившему через камеру водопроводному стояку – с жильцами верхнего этажа (хотя все они были малоинтересными людьми). Согласно этой азбуке, буквы русского алфавита распределялись по строкам. Шесть букв в строке, а всего пять полных строк. Был и другой вариант – по пять букв в строке, – но более употребителен был первый вариант.

Сначала стук обозначает ряд, затем, [через] очень короткие интервал[ы], быстро следующие один за другим, выстукивается буква (положение ее в данном ряду) и по окончании слова дается прочерк пальцем по стенке (трубе камеры) или несколько быстро следующих друг за другом стуков и снова обозначается новый ряд букв и т. д. Окончание фразы обозначается двумя прочерками руки.

Передачи книг извне не разрешались, так что я был лишен возможности сколько-нибудь полезного использования своего пребывания на улице Воинова. Газет мы также не получали. Питание было неважное, но мы не голодали. Часть получаемых мною продуктов я давал Мельницу. Для мытья в душе давалось двадцать минут, во всяком случае не более, если даже не пятнадцать. За почти восемь месяцев пребывания в тюрьме меня лишь два раза вызывали на допрос, притом ночью.

Ко дню десятилетия Советской власти была объявлена амнистия, которая распространялась и на некоторых политических преступников, в числе которых значился и я. Согласно ей, я должен был быть освобожден не позднее нежели через месяц. Однако прошел месяц, а меня не освободили, а лишь перевели в общую камеру, где было человек двадцать, в большинстве уголовников, среди них много молодых мальчишек, воришек-карманников. Там я провел несколько дней. Как раз в один из них был день передач. В числе нескольких других получил передачу и я. Получил ее и переведенный в эту камеру один нэпман, который всячески старался охранять свои продукты от подозрительных соседей. Я же кое-что из передачи дал явно недоедавшим мальчишкам. Те это оценили и моих продуктов не тронули. Зато у нэпмана почти все стащили. У меня все же кто-то незаметно вытащил из кармана носовой платок. Об этом я узнал, когда у воришки мой платок отобрали товарищи и вернули его мне, даже извинившись и сказав, что произошла ошибка. Узнав, что я врач, некоторые из них просили моего совета (помню, один спрашивал о вреде онанизма). У меня осталось представление, что многие из них могли бы стать хорошими людьми, если бы попали в надлежащую обстановку и в окружение рабочих, которые дали бы им возможность приобрести ту или иную специальность.

Поскольку по прошествии месяца меня не освободили, меня это возмутило, и я решил в знак протеста объявить голодовку, после чего

подал прокурору заявление-протест о неприменении ко мне амнистии, в котором сообщал о своем решении. Мне предложили собрать все свои вещи, обыскали меня, чтобы убедиться, что у меня нет с собой никаких продуктов, и перевели в камеру-одиночку. Так как там было достаточно прохладно, я надел на себя все, что у меня было, и, конечно, переданную несколько месяцев тому назад Аней мою меховую шубу, и потребовал кипяток. Дежурный [в ответ] на повторные мои требования мне в нем отказал. Тогда я поднял шум, стучал кружкой в дверь и, наконец, когда явился старший надзиратель, заявил ему, что я требую не еду, а горячую воду, в которой мне не имеют права отказать. Я знал, что лишение воды не позволит мне долго выдержать голодовку и что горячая вода, наоборот, поможет ее продлить. Наконец мне удалось добиться своего. Чтобы не тратить лишние силы, я старался почти все время лежать, завернувшись в шубу.

Первый день и почти весь второй мне хотелось есть, но начиная с третьего дня чувство голода перестало меня мучить. Так прошло шесть дней, а в середине седьмого дня меня вызвали с вещами из одиночной камеры в комнату (что-то вроде канцелярии), в одной стене которой было небольшое окошечко. Через него мне подали прочитать постановление, что я приговорен к году заключения, но в связи с амнистией досрочно освобожден. Не потребовав от меня никакой расписки о прочтении, мне выдали взятые у меня при аресте вещи и бумаги и дали пропуск на выход из тюрьмы. Меня от слабости пошатывало, но все же я благополучно добрался (как будто пешком) до своей квартиры на ул. Широкой. Это произошло в середине декабря.

Моя хозяйка очень мне обрадовалась. Сказала, что в день моего ареста в моей комнате был произведен обыск, забрали найденные под матрасом конверты писем моего брата и сказали, что студенты обычно там прячут свои бумаги, допрашивали ее о моих знакомых.

При моем освобождении меня не поставили в известность, что на мне остается не снятая судимость по 58-й статье. Об этом я узнал лишь в 1949 году, когда мою жену изгнали из Свердловской больницы, где она работала врачом, в том числе и за висевшую на мне неснятую судимость.

Конечно, я постарался первым делом привести себя в более или менее приличный вид, но выросшую бороду решил сохранить как воспоминание о проведенных в тюрьме почти восьми месяцах. Первые дни я постепенно переходил к нормальному питанию, зная, что сразу наверстывать потерянные килограммы не годится. День, кажется, на третий я навестил Аню, чтобы поблагодарить ее за большое внимание и заботы обо мне. Мое появление, да еще с бородой, конечно,

произвело на всех членов семьи Ани большое впечатление.

На следующий день после посещения Ани я явился в клинику, где меня хорошо встретили. За время моего отсутствия большинство моих однокурсников ее покинуло. Кроме Ани, там остался только Анатолий Маркин, который был зачислен в штат рентгеновского кабинета. Остальные, не получая никакого вознаграждения, не смогли дольше работать в клинике и уехали в свои родные места. Помню, как отозвав меня в сторону, Михаил Яковлевич Хазанов по секрету спросил, не был ли я связан с какой-то социал-демократической организацией, и был как будто разочарован, услышав отрицательный ответ. Позднее он оставил работу в клинике и как-то исчез, так что о его дальнейшей судьбе я остался в неизвестности. Не исключаю, что он был репрессирован, так как внезапно прекратилась его дальнейшая научная работа и публикации, а он, несомненно, был способным врачом и научным работником.

В один из ближайших дней после освобождения я был на квартире Георгия Федоровича [Ланга] и откровенно рассказал ему решительно все, что со мной произошло, вплоть до того, что следователь угрожал мне, что в клинику будет сообщено о моей якобы роли как осведомителя. От Ланга я узнал, что это действительно было ему сообщено (как и кем, я не считал возможным его спрашивать). Георгий Федорович, как я понял, не придавал этому значения и, по-видимому, просто не поверил, а если даже и поверил, то после моего с ним разговора понял, что следователь хотел отрезать мне путь возвращения в клинику.

После моего освобождения меня еще вызывали на улицу Дзержинского, пытаюсь, очевидно, как-то поймать и так или иначе наказать за отказ сотрудничать с ГПУ. [Помню, что однажды] меня приняли два очень активных типа, которые стали задавать мне каверзные вопросы, стараясь к чему-нибудь прицепиться. А когда им это не удалось, то предложили мне письменно зафиксировать, что бы я сделал, если бы мне стали известны какие-либо опасные для страны факты (точно не помню, но что-то такое, на чем меня можно было поймать и привлечь к ответственности). Видя, что дело может кончиться тем, что меня препроводят на улицу Воинова в прежнее помещение, я написал примерно так: в том окружении, где я нахожусь, я имею дело лишь с советски настроенными людьми и сам занимаюсь лишь чисто врачебной, не связанной с политикой работой и повышением своей квалификации, что отнимает у меня все время. Когда я передал следователям написанное, они со злостью разорвали мою бумагу и прекратили разговор. Я с облегчением выбрался из этого милого учреждения и после туда меня уже не вызывали.

Приложение. Письма Бориса Ильинского из тюрьмы будущей жене

15.09.1927

Славная Аня!

Поздравляю тебя с наступающим днем Ангела и желаю тебе исполнения твоих самых заветных желаний. Спасибо за открытку от 6-го августа. Это первая и пока последняя весточка от моих друзей. У меня перемен нет, сижу в ожидании приговора. Здоровье, пошатнувшееся было в июле-августе (аппендицит), теперь поправилось. Настроение у меня в общем хорошее. Пребывание здесь, впрочем, начинает уже надоедать. Единственное развлечение – книги (дают по четыре книги на неделю). Привет всем. Пиши.

30.09.1927

Славная Аня!

Твои предположения о моем скором освобождении, как видишь, пока не оправдались. Перемен в моем деле пока нет, по крайней мере, мне ничего нового неизвестно. Работаю сейчас как уборщик и живу в общей камере. Здоровье последнее время пошаливает; сказывается, между прочим, перенесенный здесь мною аппендицит (по-видимому, после него остались довольно солидные спайки). Настроение в общем хорошее. Передачи продуктовые прошу носить мне пореже, так как я могу пробыть здесь еще неопределенное время. Мне прямо жаль тебя и всех носящих мне передачи; слишком уж много хлопот я вам доставляю. Большое за них спасибо. Привет всем.

17.10.1927

Дорогая Аня!

Открытку от 27 сентября получил. Спасибо за нее; здесь ведь так приятно получить весточку с воли. У меня есть за вчерашний день новость: вчера меня официально поставили в известность, что следствие по моему делу окончено и что дело передано в Коллегию ГПУ для окончательного решения. Обещали на днях дать приговор. Интересно, каков будет финал этой истории. Если приговор мне действительно объявят на днях, в чем я сомневаюсь, и если мне будет дана высылка, то отправят меня, вероятно, на следующей неделе. Надеюсь, что если теперь попросить о свидании, то его дадут. Впрочем, очень об этом просить тебя не смею, так как, возможно, есть большие очереди на свидание. Живу я в остальном без перемен. Привет всем товарищам и знакомым.

Эпилог

В дальнейшем Александр Ильинский переехал из Варшавы во Францию, где остался до конца своей жизни в 1981 г., похоронен в Париже. Семья узнала об этом только в конце 1990-х гг., когда сын Бориса, Олег, нашел вдову Лели, свою французскую тетю. По выходе же Бориса из тюрьмы его переписка с братом оборвалась навсегда. К тому же сразу после Октябрьского переворота начались гонения на духовенство, и их отца это очень скоро коснулось. Первый раз о Вячеславе был вызван и допрошен органами в день «исчезновения» его сына. Ничего путного он сообщить «товарищам» не мог, поскольку в момент побега сына отсутствовал. Однако это обстоятельство послужило дополнительным поводом для многочисленных арестов и обысков о Вячеслава, начиная с того самого 1918 года. По-видимому, после ареста Бориса семья Ильинских сочла за благо больше не наводить справок о старшем сыне (такие возможности им предоставлялись, но очень редко, примерно раз в десять лет).

Судьба самого о Вячеслава сложилась трагично. Он, как и почти все его друзья и сослуживцы, был несколько раз арестован и в 1937 г. приговорен по статье 58 к десяти годам работ в исправительно-трудовых лагерях, где погиб в 1942 г. от болезней и хронического недоедания. В 1965 году был полностью реабилитирован.

В 1992 году Борис Вячеславович написал письмо в прокуратуру с просьбой предоставить ему его личное дело для ознакомления с материалами по поводу его ареста в 1927 году. В 1993 году он получил такой ответ:

Уважаемый Борис Вячеславович!

Из документов архивного фонда Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и области установлено, что в соответствии с постановлением Коллегии ОГПУ от 16 января 1928 г. Ильинский Борис Вячеславович из-под стражи освобожден.

Дело на основании амнистии ЦИК СССР к X-й годовщине Октябрьской революции прекращено.

Другими сведениями Управление МБ РФ по С.-Петербургу и области не располагает.

К сожалению, каких-либо документов и фотографий не обнаружено.

Добавим, что Б. В. Ильинский всегда рассказывал, что освободили его как раз под Рождество (сын священника, к тому же семинарист-отличник, здесь вряд ли ошибался), из чего вытекает, что в январское постановление Коллегии ОГПУ его благополучно вписали задним числом.

Биографическая справка

Борис Вячеславович Ильинский (1897–1994) – профессор, кардиолог, доктор медицинских наук, ученик академика Г.Ф.Ланга, крупнейшего терапевта своего времени. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт в 1926 году. Участник Советско-финляндской и Великой Отечественной войны. С июня 1941-го по апрель 1944 года служил на Ленинградском фронте (армейский терапевт 23-й и 67-й армий), с июля 1944-го – главный терапевт 3-го Белорусского фронта, участвовал в Белорусской и Восточно-Прусской операциях. Подполковник медицинской службы. Награжден орденами и медалями. После войны заведовал 3-й, затем 2-й терапевтической кафедрой Ленинградского института усовершенствования врачей (ГИДУВа). Автор четырех книг и порядка 170 научных статей.

Мир Каргер – работал в Колмогоровской статистической лаборатории МГУ, в различных отраслевых институтах, в АН СССР (РАН). В постсоветское время – организатор больших геолого-геофизических горнорудных и нефтегазовых проектов. Автор многих научных статей, книг и нескольких прозаических текстов. Публиковался в «Знамени».

Азкара¹

Топотушки

6 ноября 1956 года я играл на скрипочке на праздничном концерте в честь 39-летия Октябрьской Революции. Концерт проходил в Большом театре, нас было человек 50 мальчиков, мы назывались «Ансамбль юных скрипачей музыкальных школ г. Москвы». Помню проблеск пенсне Молотова в темной правительственной ложе с противной стороны зрительного зала.

Программа концерта была составлена в стиле сталинского ампира, то есть «с культурностью», как в академических театрах. Помню М. Рейзена (ария Варяжского гостя) и Э. Гилельса с «Аппassionатой». Советские дети были представлены со всей серьезностью. Юные скрипачи (то есть мы) сыграли «Хор охотников» Вебера и какой-то гавот Баха, а старшеклассники Хореографического училища станцевали «Вальс цветов» из «Щелкунчика».

Ровно через год, 6 ноября 1957 года, на 40-летие Революции, праздничный концерт состоялся в только что построенном Дворце спорта в Лужниках. За прошедший год Молотова и С° из Кремля турнули, к власти пришли новые вожди. Их художественные запросы были заметно проще сталинских.

Детей теперь представлял ансамбль Локтева, в котором балалайка, однорядная гармошка и рожок прикидывались оркестровыми инструментами, а взрослые оркестранты и хористы – детьми. Помню мое удивление от небритых дядь и грудастых тетей в пионерских галстуках. Нас поставили изображать младших хористов, скрипки и смычки мы должны были до поры прятать за спиной.

¹ Азкара (אָזקראַ) – поминальник (ивр.).

Сначала хор Локтева спел что-то бодрое из Кабалевского. Затем мы обнажили скрипки и сыграли Гавот из Первой симфонии Прокофьева. Третьим последовал вокально-танцевальный номер «Топотушки», который даже нам, детям, казался омерзительно фальшивым, до рвоты.

На этом веселеньком фоне произошел эпизод, с которого хочу начать рассказ о делах печальных.

Концерту в Лужниках предшествовали репетиции. На репетиции и на собственно представление меня возила мама. Время ожидания она проводила у своих земляков в высоком блочном доме напротив Лужников, по другую сторону от Окружной железной дороги. Сегодня это дом номер 16 по Хамовническому валу.

Там жили пожилая вдова и ее 30-летняя дочь по имени Бетти. Эта Бетти в детстве была подругой Марии, младшей сестры моей мамы. Семья Бетти переехала в Москву до войны, поэтому они выжили, а Мария погибла и навсегда осталась 15-летней.

Мария была любимая мамина сестра, самая близкая к ней по возрасту. Десятилетия после войны мама разыскивала ее, надеясь на чудо. Ведь Мария была рыжая, светлоглазая, поэтому вполне могла выжить.

Так вот, придя к ним после очередной репетиции, я застал маму в слезах. Она плакала над фотографией Марии, которую обнаружила в семейном альбоме хозяев. И я заплакал вместе с нею, хотя был уже не маленький мальчик.

Мама была строгая, не слезливая женщина. Из-за ерунды, вроде смерти Сталина, она не плакала. Оплакивала она исключительно своих убитых родных, когда что-то внезапно напоминало ей о них. Помню, как она разрыдалась от «Песни старого почтальона», которую по радио (из черной «тарелки») запел бас Михаил Рыбá. Это потому, что ее отец был почтальоном.

С годами я очерствел, конечно. Но чувствительность к маминому горю и тоске во мне осталась. И к горю других наших родственников и знакомых из Украины. Сюда добавилась и моя собственная тоска, когда я прочел письма отца и стал представлять, как он погиб. Наконец, я прочел «Багровую книгу», «Черную книгу» ...

Так это и случилось, что сегодня во мне обитают с разной отчетливостью люди, бывшие и не бывшие на свете, у которых отняли шанс прожить жизнь и даже шанс родиться. Их убили – застрелили, взорвали, закопали живьем, забили, замучили до смерти. Я чувствую себя перед ними в долгу за то, что никто, кроме меня, о них не знает, но мне нужно, чтобы знали и помнили.

Исполнение этого долга я все откладывал. Сперва я хотел съездить в Украину, посетить там мои трагические места,² найти детей и внуков и праведников, и злодеев. Готовился выпить литры водки с ними, чтобы понять, по каким точкам пролегает граница между теми и этими.

Поездку я уже было запланировал на лето 2020 года. Но случилась пандемия Ковида, и поездка отменилась. А вслед за Ковидом – война, Россия напала на Украину.

Так что о поездке можно забыть. Но и откладывать уже нельзя, ибо время подгоняет. Поэтому я делаю это здесь: пишу о родных мне людях, которых убили, и о тех, кто выжил; пишу по впечатлениям моего детства и по рассказам мамы и следующих моих родственников и друзей (в алфавитном порядке):

Барды Арон и Миша; Бредюк Люба; Гельман Алик; Гребнева Дора; Ионина Надя; Пройгеры Фрима, Гриша и Алла; Ушперенко Мери; Холодовская Таня; Шамис Ира; Шнейдерман Давид; *Neginsky Natalia; Perkus Marta; Snyderman Michael.*

И последнее – об Украине, вводная ремарка, без которой сегодня никак нельзя.

У меня, как у всех, обоженных Холокостом, имеется большой счет к Украине и украинцам. Однако нынешняя Русско-Украинская война – плохое время для его предъявления. К счету можно будет вернуться, когда война закончится и потерпевшая поражение Россия войдет в ум.

Но я почти уверен, что зверства, творимые Россией, и страдания Украины неизмеримо расширили гуманитарное сознание украинцев. После войны, скорее всего, это уже будет другая страна, которая выстрадала грандиозный интеллектуальный и душевный подъем, какого ее история еще не знала.

И Россия будет другая. Страшно подумать, какие чудовищные счета будут ей предъявлены и чем ей придется их оплачивать.

Система Гейдриха и ее сталинская адаптация

Людям молодым, а также людям, малосведущим в еврейских делах, я должен объяснить некоторые азы Холокоста.

Прежде всего следует знать, что евреи на занятой немцами территории Советского Союза до газовых камер не дожили. Освенцим, Майданек и прочие лагеря смерти будут потом.

² Городки и села Хмельницкой области: Дунаевцы, Малиевцы, Новоконстантинов, Подлесный Мукаров, Полонное, Солобковцы, Ставище, Чаньков.

В сравнительно небольшом числе (десятки тысяч) они были убиты в газвагенах.³ Но подавляющее, огромное, непредставимой огромности большинство их было убито путем обычных расстрелов, от одиночных до много-многотысячных.

Убийства на оккупированных территориях СССР начинались сразу же по воцарении немецкой тыловой администрации. Убийствами занимались айнзацкоманды.⁴ Занимались стихийно, инициативно. Судя по их отчетам, к концу 1941 года, то есть до запуска «окончательного решения еврейского вопроса», в СССР уже было уничтожено до полумиллиона евреев.

Четырехшаговая система уничтожения евреев на завоеванных землях Советского Союза оформилась в ведомстве Гейдриха во взаимодействии с упомянутыми выше айнзацкомандами. Система окончательно сложилась к весне 1942 года.

На первом шаге евреев метили и заключали в жесткие социально-юридические рамки (желтые звезды, ограничения на работу и пр.). На втором – евреев в городах запирали в гетто. Третий шаг – тотальная чистка гетто путем уничтожения его населения. Четвертый шаг – в вычищенное гетто сгонялись евреи из сравнительно мелких окрестных населенных пунктов. Третий-четвертый шаги циклически повторялись несколько раз.

Немцы всем этим дирижировали, а также исполняли заглавные палаческие партии на третьем шаге. Все прочее исполнял оркестр из местных жителей-активистов – полицейских, соседей, знакомых.

Один сосед стукнул в полицию, где скрываются евреи. Другой понес листок с адресами и вызвался показать. Третий нанялся служить в полицию за жалование, плюс премиальные, которые он получал за добросовестно проведенные «акции».

И, конечно же, широкие массы мародеров. Когда магазин взломан, магазинщик убит, – грех не пограбить, если добро само просится в руки. Успеть бы только, чтоб другие не опередили.

Третий шаг – это, как правило, массовые расстрелы, производимые по шаблону. О том, как это происходило, свидетельствовала, например, недорасстрелянная женщина по фамилии Назарчук:⁵

«...В один из последних дней ноября 1942 г. ... всех погнали в лес "Новики" ... Рядом с колонной шло много полицаяв... Когда колонна вышла на поле перед

3 Газваген, или газенваген, «душегубка» – мобильные газовые камеры, травившие людей выхлопными газами автомобиля.

4 Айнзацкоманды – подразделения (до полуроты) айнзацгрупп – «оперативных групп» палачей из СС и РСХА.

5 <https://jewishkrasilov.org.ua/svidetelskoe-pokazanie-nazarchuk-a-l-starokonstantinovskoe-getto>

лесом, полицаи окружили ее тройной цепью и взяли ружья наизготовку...

Я увидела немного в стороне от колонны бывшего директора конфектной фабрики... Он сказал, что нам всем вскоре предстоит умереть, и он просит встретить смерть достойно... Полицейские должны были рассчитывать людей по десяткам и вести их десятками к противотанковому рву, который был метрах в трехстах от того места, где мы находились...

...Нам пришлось два часа сидеть на снегу, затем разрешили встать. И дальше мы ждали смерти стоя...

...Во время раздевания я замешкалась – ребенка тоже надо было раздеть. Полицай ударил меня прикладом так сильно, что я выронила ребенка – он выпал из моих рук прямо на снег. Подняв его, я пошла с ним к краю ямы. В саму яму я старалась не смотреть. Оглянувшись назад, я увидела в 30 метрах от нас шеренгу немцев и полицаяев с поднятыми ружьями, готовых к стрельбе. Услышала звуки выстрелов. Что-то ударило меня в левое плечо. Я потеряла сознание...»

Для многих из тех, о ком я рассказываю ниже, такая шаблонная казнь стала последней точкой в жизни. Ниже я привожу географические координаты некоторых пунктов, где это происходило.

В делах антисемитских Сталин – если не наследник Гитлера, то, как минимум, ученик Гейдриха. Систему Гейдриха по уничтожению евреев селекционер Сталин адаптировал на советской почве. Тема эта представляется мне неисчерпаемой. Здесь я лишь слегка прикоснусь к ней.

Во время войны на острие немецкой пропаганды был лозунг, что Советская власть – суть власть жидов и коммунистов. Вот, для примера, отрывок из одной немецкой агитационной листовки:

«Кто залил вашу землю потоками слез и крови? – Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто вывез весь хлеб из ваших амбаров и заставил вас голодать? – Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто заживо гноил вас в концлагерях и тюрьмах? – Жиды и их приспешники-коммунисты!»

Что и говорить, это был сильный козырь. Но Сталин побил его тремя козырями, которые шулерским манером вытянул из той же немецкой колоды.

В 1942–43 годах он, во-первых, прихлопнул пресловутый «пролетарский интернационализм»; во-вторых, реанимировал русский имперский шовинизм во всем его многообразии, вплоть до душения малых народов; и, в-третьих, переключил советскую

идеологическую машину на государственный антисемитизм.

Поначалу – исподволь, а с 1948 года – в открытую Советская власть погружалась и погрузилась в антисемитизм. Как вырвавшаяся наружу, нестерпимо долго придавленная эмоция, антисемитизм принял формы экстремальные, разгульные, экстатические. История, наконец, выправила интернационалистские загибы советского режима и подтолкнула его к нацистскому. После этого Иосиф Сталин мог бы заявить Адольфу Гитлеру, открыто глядя тому в глаза, что, мол, мы, русские патриоты, мы антисемиты похлеще вас, немцев. И депортации у нас еще будут, и массовые казни. Мы, дорогой Адольф, решим еврейский вопрос. Дай только срок.

Так бы все и случилось, кабы этого Амана черт не прибрал.

Клигманы

Клигман – фамилия моей мамы. Вот моя ветвь генеалогического дерева Клигманов, по мужской линии, «раскопанная» к настоящему времени Катей Витке (*Katja Wittke*) при моем усиленном участии:

Герш (1759–1834) → Абрам (1794–1847) → Иосиф (1792–1847) → Бейриш (1809–?) → Нута (1842–?) → Арье (1865?–?) → Меер (1895–1942).

У моего прадеда Арье было восемь детей, Меер, мой дед, – младший. Из восьми детей одна из дочерей осталась незамужней, один сын ушел в Аргентину в начале века. Остальные, люди семейные, с детьми, расселились по юго-западной Украине от села Солобковцы, города Дунаевцы и окрестных местечек до Винницы и Проскурова (ныне Хмельницкий). Считая с семьями, их было человек 40. Из детей Арье чудом выжила дочь Фрима с двумя детьми и три взрослые дочери его сыновей, включая мою маму.

Таким образом, приведенная выше генеалогическая ветвь мужчин Клигманов оборвалась.

Мария

Вот она, та фотография, которая упомянута в главе «Топотушки». Бетти слева, справа – девочка-подросток, явно рыжеватая, в веснушках, красивая, с внимательным умным взглядом. Это и есть Мария.

На обороте рукой Бетти написано: «Снимок сделан 21/VII-38 года на даче в с. Солобковцы». К

лету 1938 г. Бетти с матерью уже жили в Москве, свой дом в Солобковцах они по-московски называли дачей.

У Густава Малера есть вокальный цикл «Песни об умерших детях»⁶ для голоса и оркестра. Малер начал сочинять его в память о внезапно умершем младшем брате и закончил, когда умерла его старшая дочь. Тоска, передаваемая этой музыкой, дергает самые болезненные мои струны.

Особенно рвет сердце третья песня. В оркестре темно-фиолетовый колорит – два гобоя на туманном постаменте фагота, из которого постепенно вырастает человеческий голос. Это неутешное горе, тоска беспросветная. Не знаю почему, от этой музыки мне становится нестерпимо жаль эту девочку на фотографии. И я силюсь представить себе, осознать, через что ей пришлось пройти.

Детям дано впадать в безмолвное оцепенение при первых знаках боли. Но чем они старше, тем полнее и сознательнее они испытывают отчаяние и смертную тоску, через которые в последние свои минуты проходят взрослые.

Музыка здесь бессильна. Но что-то можно подглядеть в хорошей прозе, в которой герои звучат, и вся проза звучит сама по себе, сюжетом и складом речи.

Вот у Василия Гроссмана в романе «Жизнь и судьба» – мир пятилетнего Давида. Как Давид ужаснулся убийству курицы. Смертный его проход в Освенциме за руку с Софьей Левинтон. И он исчезает, впредсванный в нее в газовой камере, и ее последняя мысль: «Я стала матерью».

Или в том же романе мать приходит на могилу умершего в госпитале сына, «опускается на колени, легонько, чтобы не причинить сыну беспокойства, поправляет дощечку с его именем» и произносит:

– Вот я пришла, а ты, верно, думал, что это мама не идет...

Она поправляет дощечку легонько, как, бывало, поправляла его воротник, а он сердился.

Мария Клигман, 15-летняя сестра моей мамы, она, конечно, понимала, что умирает. Кто и как стер ее жизнь с этого света? Умерла ли она от голода, замерзшая в густом осиннике в лесу под Малиевцами, загнанная, в тупом отчаянии, последняя живая из большой семьи? Или добрые люди донесли на нее в полицию, а другие такие же добрые подвели ее к расстрельному рву? Или захватили *молоду жидівку* цырые

⁶ “Kindertotenlieder” – точнее, «Плач по умершим детям». Этот перевод названия подсказала мне г-жа Katja Wittke (Гамбург).

хлопцы и подвергли чудовищным мукам, как ее кузину, 18-летнюю Еву Пройгер, и другую кузину, Соню Перникозу? А может, как минскую подпольщицу, наивную Машу Брускину, прилюдно повесили под фотокамеру. Те фотографии Марию Брускину навечно обесмертили.

Если бы я знал, где зарыта девочка Мария Клигман, я, агностик, не верящий ни в бога, ни в черта, должен был бы прийти на то место и сказать:

«А ты, верно, думала, что уже нет никого, кто о тебе помнит. А вот я пришел, сын Ханы. Я тебя вспоминаю. Я пришел сказать, что не всех твоих убили, что Хана выжила. И всю ее долгую жизнь она о тебе горевала. Я тебя помню, хотя и рожден много позже твоей гибели, и все, что у меня есть о тебе, – это твоя фотография и не проходящая тоска по тебе, которую Хана мне передала. Но ты обо всем об этом, конечно, знаешь, потому что Ханы давно уже нет на свете. Там, в твоём Галааде, где обитают зверски замученные дети, она уже разыскала тебя».

Сказав все это, я пошел бы куда-нибудь в тихое место и напился бы в одиночестве.

Фрима

Фрима Пройгер (в девичестве Клигман), на этой фотографии ей за 70 лет. В описываемое время ей было за 40.

Вдова с тремя детьми, она жила в селе Подлесный Мукаров. К началу войны Грише было 12 лет, Еве – 18, старшей, Мусе – 20. Муся выучилась в педучилище в Тульчине и уже год учительствовала в сельской школе в Малиевцах. Ева тоже готовилась стать учительницей.

Фрима была безотказна в труде, делала любую работу. Вдобавок она была деревенской портнихой, из тех, которые за гроши чинили, латали, перелицовывали. Вероятно, ее доброта и безотказность в будущем, когда настали жуткие времена, сослужили ей великую службу.

С приходом немцев мир для них изменился, но не слишком. Ева

стала работать переводчицей у немцев в комендатуре, Фрима – уборщицей там же. Она рассказывала о специфических «трудностях», которые случались с ней на этой работе. Как, например, немец в комендатуре попытался ее изнасиловать. Просимулировав тяжкий бронхит, она от изнасилования увильнула, но умудрилась при этом сохранить с этим немцем нормальные отношения.

Их мир перевернулся в начале лета 1942 года. К тому времени гетто г. Дунаевцы было уже очищено, и полиция принялась сгонять туда евреев из окрестных сел. Но Фрима с детьми сбежали и укрылись в селе Татариски (ныне с. Ставище).

Их первым длительным укрытием стали чердак и коровник у Люси и Миколы Войтишиных. Там они прятались около года.

Потом восемь месяцев они прятались у вдовы и сына, ни много ни мало, депутата II Государственной Думы П. М. Рогожи. Думиха – таково было сельское прозвище вдовы. В думском справочнике о ее муже сказано: «Крестьянин села Татариски, Ушицкого уезда. Грамотный. Землепашец». В 1907 году у депутата-землепашца было четыре десятины земли, то есть чуть больше четырех га.

Еще одно укрытие Фрима нашла у двух сестер, Ольги и Евгении (сельское прозвище Евгеська); их фамилия забыта – к сожалению, мне не удалось ее найти. Говорят, эти незамужние, бездетные женщины пользовались высоким моральным авторитетом в селе.

Среди своих укрывателей Фрима вспоминала и Анну Чешневскую, которая, когда Гриша заболел, забрала его к себе и четыре месяца выхаживала.

Наконец, за три месяца до изгнания немцев, кто-то из соседей донес на Думиху, нагрянула полиция. Фриму они не обнаружили, но она все же решила бежать. Ночью по зимнему лесу она ушла в соседнее село, к подруге детства Любе Полищук, где и дождалась освобождения.

Ольга и Евгеська, Думиха и ее сын с невесткой, Люся и Микола Войтишины, Анна Чешневская⁷ – они были не только трудолюбивые крестьяне, но евангелисты-пятидесятники. В селе жили и два их пресвитера – Ульян Каспров и Иван Комендант, – которые, надо полагать, задавали моральный тон общине. В море полудикого православия это был островок протестантов с их ясно очерченной моралью.

Года через три после войны Советская власть, как мы знаем, впала в антисемитизм. Одновременно Советская власть вернулась к

⁷ В мемориале «Яд ва-Шем» (Израиль) все они объявлены Праведниками народов мира.

преследованиям иноверцев. Эти наши протестанты опять стали таиться, скрывать свое иноверие и юдофильство. Микола Войтишин даже попросил Фриму: *«Не кажіть нікому, що ми вас ховали»*.

Теперь заглянем в их убежища.

У Войтишиных был закуток в подвале, у Думихи – двойная торцовая стена в хлеву, щель шириной 70–80 см между фальшивой и настоящей стенами. Скорее всего, когда-то она служила тайным амбаром для сокрытия зерна от властей.

Днем Фрима и дети спали, по ночам выбирались наружу, принимали пищу, делали гигиенические дела. Иногда под утро им удавалось взобраться на чердак, на сеновал.

Их мучила теснота и неподвижность. В этих убежищах можно было только лежать, скорчившись, или сидеть. Для Гриши и Евы это было нестерпимо. Первой сдалась Ева, она убежала.

На что она надеялась? Скорее всего, на помощь какой-нибудь украинской подруги. Но до подруги она, скорее всего, не добралась, либо та в помощи ей отказала. Известно, что в Малиевцах она попала в руки полицаев, которые надругались над нею и убили. Фриму об этом никогда не рассказывали.

Гриша страдал, но терпел. Однажды под утро он сверху, с сеновала у Войтишиных, наблюдал, как отелилась корова. На другой день новорожденный теленок уже весело сновал туда-сюда через распахнутые ворота хлева. В порыве жгучей обиды Гриша схватил валяющуюся на чердаке жердь, дотянулся до теленка и убил его. Поразительно, что Войтишины приняли это со смирением и пониманием, что *хлопчик психанув*.

...Муся и Гриша вышли на волю в состоянии меланхолического изумления – что они могут видеть и делать то, в чем им было отказано. Это чувство осталось с ними на всю жизнь – и, более того, передалось их детям.

Гриша (для меня – «дядя Гриша») рассказывал мне, какое для него первое время было раздолье по женской части, несмотря на меланхолию. В свои 16 лет, выйдя из подполья, он оказался едва ли не единственным мужчиной в родном селе.

Мусю рано убил рак. А Гриша до конца жизни оставался восторженным меланхоликом в буквальном, бытовом смысле. Восторженный, возвышенный и трепетный – поверх неизбывной тоски.

Фрима прожила до 103 лет. Она похоронена в г. Явне (Израиль). Ее внуки и правнуки живут кто в Израиле, кто в США.

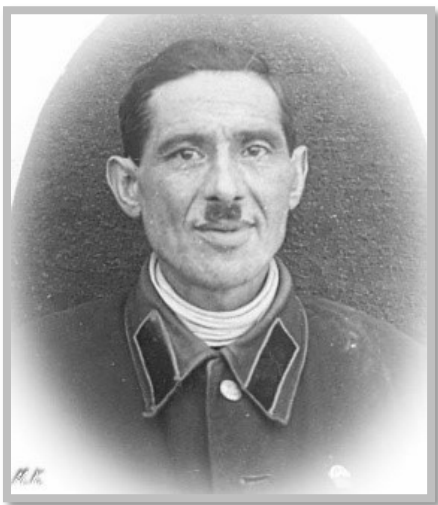
Мой дед Меер

Меер – отец моей мамы, мой дед. Он был младшим в семье своего отца, и когда началась война, которую впоследствии стали именовать Первой мировой, он был еще холост. Поэтому его призвали в армию.

Судя по его госпитальному формуляру,⁸ он служил в пехоте, во 2-м Заамурском полку. Был ранен 25 июля 1916 г. – надо полагать, в 1-м Ковельском сражении (15.07 – 03.08.1916) Брусиловского прорыва, в котором его полк участвовал. На этом война для Меера закончилась.

К началу новой войны, к своим 45 годам, он был семейным человеком, отцом пятерых детей. Старшая дочь Хана (моя будущая мать) уже давно покинула отчий дом, жила в Виннице, уже женихалась.

Она рассказывала, что он не лысел. Что любил очень горячий чай. Обожал своих детей. Был по-русски грамотен, писал писарским почерком, благодаря чему стал почтмейстером. В Голодомор 1932–33 годов его семья голодала; она помнила его ноги, опухшие от голода.

Эту фотографию он подарил Хане и ее жениху, моим будущим родителям. На обороте – витиеватая дарственная надпись и дата: 12/1 – 41 г.

Его жена Зисл, моя бабка, судя по ее девичьей фамилии (Шульман), происходила из образованной семьи. Среди пятерых ее детей были три девочки и два мальчика: старшие трое – Хана, Мария, Гриша, имена младших мальчика и девочки мне не известны.

Это были заметные дети. В селе Солобковцы говорили, что у Клигманов растут самая красивая девочка и самый умный мальчик. «Самая красивая» – это Мария, с которой начался этот рассказ.

⁸ Удивительное дело! Он сохранился и был найден Катей Витке.

Через несколько дней после начала войны, получив приказ на эвакуацию, Меер запряг лошадь, в подводу погрузил сейф, семью и тронулся на восток. Через две недели он и дети вернулись обратно пешком, без жены. Вероятно, они попали под бомбежку, его жена погибла.

Дальнейшее кроется в тумане, сквозь который проглядывают лишь два печальных эпизода последнего периода их жизни.

Первый эпизод: поздней осенью 1941 года двух его дочерей видели на убранном картофельном поле, они пекли на костре недоубранную в земле картошку. Второй эпизод: Меер с мальчиками нищенствовал, ходил по дворам с сумой.

А момент их гибели задокументирован.

Свидетелями стали Арон Бард и его жена, которая носила красивое библейское имя Батшева, то есть Вирсавия.

Арона я помню с детства, он бывал у нас в Москве: лобастый, коренастый, с непроницаемым лицом. Помню, у нас дома с ним как-то по-особому обращались: говорили тише и медленнее, как будто с тяжело больным. Это потому, что у нас ни на минуту не забывали, что они с женой своими глазами видели расстрел их собственных троих детей.

Спустя годы Бард надиктовал свои воспоминания. Его сын Миша, рожденный уже после войны, и дети Миши превратили эти воспоминания в печатный текст, который недавно мне довелось прочитать. Цитирую оттуда сам эпизод убийства:

...Над ямой убийства был холм высоких подсолнухов. Мы с женой прятались среди них. Мы стояли на холме, а убийства произошли прямо под нами. Мы знали, что через полчаса, через час, мы тоже будем лежать рядом с нашими детьми. Я был готов к этому в любую минуту... Я стоял и смотрел на своих детей и остальных убитых евреев под холмом...

И это весь рассказ, без подробностей. Очевидно, описывать подробности у него не было сил. Он сообщал их устно – тем, кто хотел знать.

Это был стандартный расстрел в оцеплении полицейских: людей ставили на краю ямы лицом к яме и стреляли им в спины. Вероятно, это произошло 2 августа 1942 года. Было убито более 500 человек. Среди убитых Бард помнил Меера и трех его детей – двух мальчиков и маленькую девочку.

Надо полагать, Марию, свою старшую на тот момент дочь, Меер от себя удалил в надежде, что та выживет. Мама знала об этом и потому десятилетия после войны не теряла надежду, что Мария выжила.

Три сестры и еще одна

На этой фотографии 1946 года двоюродные сестры (слева направо): Хана, Люба и Фира Клигман. К началу войны им было, соответственно, 21, 16 и 23 года. Каждая из них – единственная выжившая из их семей. На момент фотографирования они так думали. Расскажу о них по порядку

Хана, старшая в семье, покинула отчий дом после семилетки, в 14 лет. Она уехала учиться в Каменец-Подольский в медучилище.

Затем переехала в Винницу, где поселилась в доме своего дяди, отца Фиры. В Виннице она поступила в мединститут, несколько лет проработала больничной медсестрой. Там стала встречаться со своим будущим мужем.

На второй день войны она была мобилизована в армию, получила чин старшего лейтенанта. Надев военную форму, сразу пошла фотографироваться, что простиительно старшему лейтенанту 21 года от роду.

Она служила старшей медсестрой во множестве полковых, эвакуационных, хирургических, инфекционных и каких-то других госпиталей, названия которых нам сегодня уже ничего не скажут.

Спустя десятилетия в ее рассказах о том времени доминировали «кровавая каша» войны и тяжелая изнурительная работа. Как они «драпали-драпали». И массовые измены. И никаких побед, сплошь поражения.

Она вспоминала хирургию без анестезии, гангрены и сепсисы без антисептиков, периоды полного отсутствия медикаментов и перевязочных материалов. И какое это было счастье, когда в 1943 году появился американский сульфидин.

Я приведу один характерный для нее эпизод, случившийся в конце лета 1941 г., в период массового дезертирства и сдачи в плен.

Однажды утром с передовой донесли, что участок фронта прямо перед ними оголился, так как ночью все дезертировали. Начальник ее

полевого госпиталя объявил, что намерен уйти. Почти весь персонал к нему присоединился. Комиссар исчез ночью. Она и несколько медсестер и санитаров отказались. В итоге, уговорив возниц, запрягши 18 подвод и погрузив в подводы раненых, они буквально в последнюю минуту успели к переправе – через какую реку, она и сама не помнила.

В августе 1943-го, после контузии и после туляремии, которой она переболела при ликвидации эпидемии в Калмыкии, она стала вольнонаемной. И, наконец, перевелась в Орджоникидзе, в пехотное училище, к своему довоенному жениху Давиду Каргеру. Этому предшествовала романтическая история с клятвами верности, розысками полевых почт и т.п.

Ее командирские интонации слышны в письме, написанном в конце мая 1944 года, когда Давид уже был в действующей армии; письмо адресовано брату Давида, который порывался уйти на фронт, «чтобы мстить», хотя был защищен броней от призыва:

«...Вы должны осознать, Вы в тылу приносите сейчас больше пользы, нежели будучи на фронте, т.к. Вы совсем не обучены военному делу. Вы это прекрасно понимаете. Мы должны упорным трудом мстить фашистским гадам за наших родных и близких. Как хочется быстрой гибели фашизма, и тогда Давид вернется. Все вместе соберемся. Так мы хотим и так должно быть».

Из ее послевоенной жизни здесь уместно рассказать одну историю, случившуюся в последние дни жизни Сталина. Мы тогда уже жили в Москве.

В январе 1953 года она подала заявление в партию, в КПСС.

Людям молодым, а также людям, малосведущим в еврейских делах, напомним, что в то время в той стране это была единственная политическая партия. Что к тому моменту уже около четырех лет шла мощная антисемитская кампания. Меньше полугода назад был расстрелян Еврейский антифашистский комитет. И считанные дни назад начато следствие против еврейских врачей-отравителей.

На фронте мама в партию не вступала – она говорила, что ей «погонял» и без партии хватало. Но теперь, в ожидании грядущей беды, ее воля к жизни продиктовала ей укрыться под самой радикальной крышей – в КПСС.

При мне она рассказывала кому-то, как в какой-то партийной инстанции чиновники уговаривали ее повременить: мол, время для евреев неподходящее – врачи-отравители и т.п. На что она вспыхнула: «А я-то здесь при чем?!» и в ярости стала перечислять свои заслуги. Наверно, из-за этой ярости я и запомнил тот ее рассказ.

Сталин вскоре умер. А проживи он на пару месяцев дольше, ничто

не спасло бы ее от запланированной им депортации. Наверно, она это понимала. Я точно помню, что, в отличие от миллионов сограждан, она по нему не плакала.

Судьба ее двоюродной сестры Фиры оказалась тесно связанной с Ханой. За несколько дней до прихода в Винницу немцев (17 июля 1941), когда ее госпиталь «драпал» на восток, Хана на грузовике заехала за Фирой, чтобы увезти ее с собой. Та уже сидела на чемоданах, ждала.

Но отец Фиры покинуть дом отказался, потому что, мол, немцы культурная нация, от них он не ждет ничего плохого. В подтверждение своей уверенности он вручил племяннице рублевую бумажку со словами: «Вот тебе рубль в долг. После войны мне его вернешь».

Войну Фира провела в эвакуации в Казахстане, в степном забытом Уш-Тобе. Судя по ее письмам оттуда, она уже начинала чувствовать себя перестарком и напряженно искала замужества.

В начале августа 1944 года она вернулась в Винницу. Вскоре туда приехала Хана на последних днях беременности. Квартира, которую они вместе арендовали, стала тем местом, куда Хана принесла новорожденного меня.

Не без трудностей Фира вышла замуж и родила сына. Мальчонка получил солнечное домашнее имя Зорик. На фотографиях маленький Зорик – чистый ангелок, белокурый, кудрявый, с веселыми глазами.

Фира любила его безумно, со всеми крайностями и аномальностями сумасшедшей материнской любви. В итоге получился из Зорика недалекий, ленивый, малообразованный пьяница-иждивенец, от которого даже его дочери от разных матерей отвернулись. В конце концов он спился в одиночестве.

А ведь он – тоже жертва войны. Я помню Фиру: она была и требовательная, и жесткая, и бескомпромиссная – со всеми, кроме ее сына. И если бы не эта ее не рассуждающая материнская любовь, воспитывайся он в среде требовательной и разумной, вышел бы из него вполне приличный, неглупый, умеющий смирять свои страсти гражданин, на радость семье и людям.

В семье Любы Клигман были отец, мать и пятеро дочерей. Жили они в селе Малиевцы. Люба была в семье младшая, к началу войны ей было 16 лет. И она единственная выжила.

Так она думала летом 1944 года, вскоре после освобождения, когда рассказала свою историю в обширном письме Илье Эренбургу. Вместе

с другими такими же письмами оно хранится в израильском музее «Яд ва-Шем» и доступно онлайн. Когда-то был доступен и скан оригинала письма. Помню, меня тронуло ее обращение к адресату: «Дорогой писатель Илья Эренбург!».

В момент написания Люба была еще переполнена эмоциями. К тому же она, определенно, имела склонность к словесности. Письмо она наполнила художественными описаниями своих чувств и панорамы общей беды, но в нем почти нет фактографии – дат, имен, названий.

Она назвала единственную дату, 15 августа 1941 года. Накануне мать собрала всех дочерей на *моцей шабат*. В тот вечер она, вероятно, приказала детям разбежаться в разные стороны, так как справедливо полагала, что вместе они погибнут, а врозь, может, и выживут. В субботу 15 августа в 10 утра пришли полицаи.

Она назвала и единственное имя: Щавинский, житель села Подлесный Мукаров. Этот человек поймал одну из ее сестер, которая долго пряталась, и сдал в полицию на смерть.

Люба убежала и удалялась от дома как можно быстрее и дальше. Она шла открыто, так как «никто на меня не обращал внимания – принимали за украинку, поскольку лицом я не похожа на еврейку». Когда она достигла края своей ойкумены, она наконец постучалась в маленький домик на краю какого-то села. Вот ее рассказ о том, что было дальше:

«...Встретила меня старуха. «Ты, дочка, откуда и куда?» – спрашивает. «Из Германии», – отвечаю. «А как ты сюда попала?» – снова спрашивает старушка. И я рассказала ей историю, которую придумала в дороге: «Сама я, бабушка, из Кировоградской области, – назвала район, не знаю, есть там такой или нет. – Когда наши освободили Западную Украину, нас перевели туда работать. Мать была учительницей. И вот, когда пришли немцы, забрали меня в Германию. Мне удалось вернуться, но матери я не застала, увезли ее тоже. Тогда я вспомнила, что отец, который с матерью был в разводе, работал на вашей станции. Я решила добраться до него». «А кто он, кем работал?» – спросила старушка. Сначала я растерялась. Но потом решила назвать распространенную в нашем районе фамилию: «Калиновский, Роман». «Знаю его, знаю! – ответила старушка. – Его нету, он отступил с красными». «Ну что же, – сказала я ей, – придется погибать». Старуха меня пожалела. «Знаешь что, дочка, – жалостливо сказала она, – у тебя документов нет. Тебя могут принять за еврейку и убить, если ты пойдешь дальше. Оставайся работать у одного господина на нашей станции, он держит буфет. Будешь у него работницей». Этому совету я очень обрадовалась. Пошла я к этому господину. Он задал мне те же вопросы, что

и старуха. Я стала у него работать. Он – украинец, занимался частной торговлей».

Не во всем этот рассказ совпадает с ее послевоенными устными рассказами. В частности, отсутствует история батрачества на какого-то хуторянина. Она батрачила только за кормежку.

Вероятно, эта батрачка разговаривала во сне. Жене хозяина однажды послышались в ее ночном бормотании еврейские слова.

– Любаню, а ти часом не жидівка? – спросила хозяйка наутро.

...Вскоре Люба с этого хутора сбежала.

После войны она вышла замуж за украинца, родила двух дочерей. Ее жизнь потекла по нормальному руслу, и Люба была по-своему счастлива. Но на рубеже 1960–70-х годов гладкое течение ее жизни было прервано.

Потому что в Советском Союзе в Министерстве иностранных дел существовало подразделение «Инюрколлегия», объектами которого были наследства иностранных граждан, завещанные их родственникам, жившим на территории СССР.

Случилось так, что Инюрколлегия разыскала Любу для получения ею наследства от ее старшей сестры, умершей в Англии.

Надо сказать, что после всего пережитого она задернула на своем еврействе такие плотные шторы, что ее дочери почти ничего не знали о нем и о том, что с нею случилось во время войны. Историю с наследством она тоже запрятала так тщательно, что мне почти нечего об этом рассказать. Я могу лишь поделиться моими догадками.

Про двух сестер, которые бежали, мы знаем. Одна из них, как вспоминала Люба, несколько месяцев пряталась недалеко от дома, была поймана и убита. Другая, то есть сама Люба, ушла от дома далеко и выжила в батрачках. И вот наконец выяснилось, что спаслась и третья сестра.

Я догадываюсь, что эта третья сестра была умница, мыслила нестандартно, потому и «укрылась» она в самом людном месте – среди миллионов остарбайтеров, увезенных немцами на работу в Германию. Не исключено, что она завербовалась добровольно, задолго до начала массового принудительного вывоза остарбайтеров (в 1942 г.).

Я догадываюсь, что она попала в Эльзас-Лотарингию или северо-западные земли Германии, попавшие в британскую зону оккупации (Нижняя Саксония, Гамбург и др.). С ее опытом мимикрии она могла выдать себя за польку, чешку, но скорее всего, она открылась какому-то чину британской администрации.

Как бы то ни было, она попала на Британские острова, укоренилась там, выучилась на медсестру. Вероятно, была замужем за англичанином, может быть, даже дети были... Но это уже никаким образом не проверяемые фантазии. Я ведь даже собственного ее имени не знаю.

Каргеры

Исаак и Фрима Каргер – мои дед и бабка со стороны отца.

Они жили в городе Дунаевцы. Своего первого ребенка, моего будущего отца, они родили в 1913 году, то есть до Первой мировой войны. На следующего ребенка они решились уже после Гражданской войны.

Изначально дед имел опасную для жизни при Советах специальность «ювелир», при советской власти он сделался часовщиком. Ювелир или часовщик – советской власти он был равно враждебен. Известно, что в одну из кампаний по экспроприации частных его продержали в тюрьме НКВД, пока он не сдал назначенный ему объем золота-серебра.

Чтобы загладить свое непролетарское происхождение, его старшему сыну для поступления в Москве в ВУЗ пришлось два года зарабатывать пролетарский стаж на черных работах.

Всех своих сыновей Исаак и Фрима отправили в Москву. И, кажется, подумывали перебраться туда сами. Около 1939 года они туда приезжали, останавливались у свояченицы (сестры жены) и «примеривались» к Москве.

В 2018 году мне повезло поговорить с 90-летним внуком той свояченицы, который помнил их, моих деда и бабку, в тот приезд. По его словам, они были молчаливые, сдержанные люди. А какими еще могли быть в громкой Москве люди из тихой провинции?

Воинская часть Давида (он был в РККА с 1939 г.) отступала через Дунаевцы за несколько дней до прихода туда немцев. Он сумел выкроить полчаса и найти грузовик и подъехал к родительскому дому, чтобы увезти родителей подальше от надвигавшейся лавины. Но родителей он не застал. Оставил им на крыльце записку. Нетрудно вообразить себе, как они переживали, читая ее.

Несколько дней между бегством советской власти и приходом немцев город стоял бесхозный. Тотчас состоялся еврейский погром. Пьяные хлопцы, грабежи и убийства. Пишут, что на одной из еврейских улиц погромщиков встретила баррикада и вооруженный отпор – то ли выстрелы из ружья, то ли брошенная граната.

Это был последний стихийный погром. Немцы вошли в Дунаевцы 11 июля 1941 г., и погромы стали организованными. До конца 1942 г. они шли планомерно под крепким немецким управлением.

Евреев собрали в гетто, где немцы их терроризировали мелкими нерегулярными казнями, принуждали выкупать жизни за золото. К массовой ликвидации немцы приступили в мае 1942 года.

Техническую идею первого массового убийства евреев подсказал некий Курилко, бывший архитектор. Он указал на заброшенную штольню⁹ около деревни Демьянковцы, где когда-то добывали фосфорит.

Акция состоялась 2 мая 1942 года: в штольню загнали 3000 (по другим данным, 1600) человек и вход в штольню обрушили взрывом.

О том, как это место выглядело в ноябре 1944 года, рассказал некто Гриша Палатник в письме своему школьному другу. Я его прочел. Гриша пришел туда, чтобы увидеть место гибели своих родителей. И увидел груды камней, перед которой были раскиданы человеческие кости и осколки черепов с присохшими волосами...

Дальнейшие ликвидации были выполнены путем массовых расстрелов. В несколько приемов оставшееся еврейское население было перебито и зарыто в рвах в Чаньковском лесу.

Дед мой и бабка стигнули не в аду Демьянковской штольни и не в рвах Чаньковского леса. Их смерть была быстрой и безболезненной. Вот как это описал их младший сын Лева, который побывал там в мае 1945-го, в письме своему брату Яше:

«8 мая 1942 г. в 4 утра по выстрелу окружного комиссара Саши Шерера (ты его хорошо знаешь, жил на ул. Шевченко, часто с ним дрались, когда шли в школу) начали сгонять все еврейское население на территорию МТС. Там отобрали специалистов и годных к труду, которых со своими семьями отпускали домой, а негодных к труду задержали и в этот день в 12 часов дня вели их на расстрел в Чанковский лес.¹⁰ Наши родители туда не шли, а спрятались дома на чердак. Когда провели мимо дома назначенных к расстрелу, мать, выглянув через щель и замечая, как на улице убивают измученных людей, расстроилась и начала кричать. Ее крики услышали полицейские из местного украинского населения, шуцманы, и, сняв с чердака, убили. Мать убили на пороге дома, а отца – с другой стороны, под балконом».

В конце письма Лева описывает, как он нашел швейную машинку матери и отцовское пальто у «одного мужика», соседа, жившего «за мельницей, у пруда».

Вскоре после освобождения Дунаевец (31 марта 1944 г.) их старший

⁹ Координаты: 48.881940°СШ, 26.914720°ВД.

¹⁰ Координаты: 48.894353°СШ, 26.791666°ВД.

сын получил оттуда, из эвакуированных советских органов, справку, что его родители «погибли от рук немецких захватчиков». Своим братьям он написал, что за это «мстил этим гадам и еще будет мстить». В сентябре 1944 г. он погиб.

Додик

Шнейдерманы – счастливая была семья. Они переехали в Москву в 1920-х годах и потому не были задеты Холокостом. И война их не слишком покалечила: их старший сын Иосиф воевал, был ранен, но остался жив. Таким образом, они принадлежали к тому ничтожно малому числу семей, которым посчастливилось без потерь миновать два главных ужаса XX века. Но их порушил третий ужас – начавшийся сталинский Холокост.

Их младший сын Додик (Давид) – мой троюродный брат; наши бабушки по отцу были родными сестрами. Додик – герой очень сложной истории со счастливым концом. В ядре этой истории – «кейс», из тех кейсов, которыми Сталин расчищал дорогу к депортации евреев. Кейс был связан с театром ГОСЕТ¹¹ и его печальным финалом.

В 2018 году Додику было под 90 лет, он оставался единственным на свете человеком, который помнил живыми моих деда-бабку и моего отца, погибшего в 1944 году. Летом 2018-го мы с ним несколько раз подолгу разговаривали по телефону.

Говорить с ним было трудно, он раздражался и замыкался, если тема была ему неприятна. В частности, он очень неохотно отвечал на вопросы про арест и отсидку. Было ясно, что это мучает его по сей день.

Он рассказал, что в 1947 году он поступил в Театральное училище при Московском ГОСЕТе. Учился до ликвидации театра и разгона училища в марте 1949 года.

- А дальше ты сам знаешь, – сказал он после паузы.
- А дальше ты был арестован.
- Правильно. В мае 1950-го.
- Как тебя арестовали?

¹¹ Московский ГОСЕТ – Московский государственный еврейский театр, с 1928 г. его худруком был Соломон Михоэлс.

– Просто пришли ночью и забрали.

– Твой отец от этого умер.

– Да, 4 ноября 1950 года. – Он сказал это, понизив голос. И после паузы добавит: – Через полгода.

Я попросил его рассказать эту историю поподробнее: как проходил арест, обыск, куда привезли, как допрашивали. Мол, в поучение людям, чтобы дети знали.

– Детям это не нужно! – Додик начал злиться.

– Чтобы помнили, – говорю я, – через что тебе пришлось пройти.

– Никому это не нужно, никому не интересно.

– Может быть, ты это уже где-то записал?

– И не записывал, и не рассказывал, и не вспоминаю! – сказал он резко, как гвоздь забил.

– Все! Закрываем тему. Ты не желаешь. Я уважаю твое нежелание. – И я перевел разговор на его семью, на мою семью. Он тотчас успокоился.

Мы с ним условились поговорить еще и еще. Я хотел расспросить его, в частности, о Михоэлсе, которого Додик должен был помнить. Но не получилось: вскоре ему стало совсем плохо, а в сентябре 2020 года он умер. Из-за Ковида почти все его родственники присутствовали на похоронах дистанционно.

Дальнейшее я знаю не от него, а от Марты, его вдовы. Некоторые пыточные детали следствия – от его матери Иды Григорьевны, в пересказе моей мамы, которая поддерживала связь с Идой до конца.

Его арестовали «под гребенку», как почти всех, связанных с ГОСЕТом. При обыске у него изъяли несколько экземпляров глянцевого журнала «Америка», вполне легального, которые стали единственным доказательством его антисоветской деятельности. Впяли ему 10 лет по 58-й статье.

Следователи над ним все же поизмывались. Если судить по другим кейсам тех лет, то – без особого усердия. Его не били, но подвергли «простой» пытке: подержали – он не помнил, как долго, поскольку потерял счет времени – в «пенале». Пенал – это шкаф с вентиляционными дырками в потолке, в котором сидеть нельзя, можно только стоять, упершись спиной и коленями «в распорку».

Он отбывал заключение в Пермском крае – сначала на каких-то рудниках (кажется, в Соликамске), потом в Усолье. Ему попались хорошие люди, которые не дали ему пропасть, какой-то равнин, лагерная самодеятельность.

В 1954 году его реабилитировали. Привезли во внутреннюю тюрьму на Лубянку, где он впервые читал вволю книги из тюремной библиотеки, пока его дело пересматривали. Наконец-то, как он говорил, он зажил «по-королевски».

Надо полагать, он попал в число первых ложно осужденных, прошедших полную юридическую процедуру реабилитации, которая включала повторное следствие и суд. Он был освобожден «за отсутствием состава преступления», перед ним даже извинились. «Всего» он отсидел четыре с половиной года.

Так на цыпочках в 1954 году началась эра послесталинского «реабилитанса» – с жертв, посаженных в связи с ЕАК и ГОСЕТОм Михоэлса. Следующая вспышка массовых реабилитаций «списками» произошла только через два года, в 1956 году, после XX съезда.

С Мартой они познакомились и подружились за четыре месяца до его ареста, в мае 1950 года. Ни он в ее доме, ни она в его доме не были приняты. Его мать, суровая Ида Григорьевна, ее не одобрила. Они только гуляли, ходили в театры, к друзьям.

Так что, когда его арестовали, они не знали домашних адресов друг друга. Единственное, что он помнил, – дом, куда он ее провожал, – дореволюционная гостиница «Пти Паризьен» на улице Станиславского. Поэтому они не переписывались, и она ничего о нем не знала.

Марта рассказала, что он каким-то образом нашел ее телефон и позвонил ей буквально в день освобождения. Как уже сказано, она жила с матерью в старом доме бывшей гостиницы. Три этажа, длинные коридоры с номерами по обеим сторонам. И внизу, на первом этаже, один на всех телефон, у которого дежурила консьержка. Если кому-то звонили, консьержка вызывала, громко выкрикивая.

И вот консьержка выкрикнула Марту, та сбежала по лестнице. Когда она поняла, что это Додик, она, по ее словам, «прыгала до потолка» от радости.

Жить у него они не могли. И у нее жить не могли. И там, и там их не принимали. Даже его тети, сестры отца, сторонились его. Скорее всего, я думаю, от страха – пропитавшего все и вся советского страха, что «органы» застукают их на общении с недавним политзэком.

Лишь после того, как умерла ее мама, Додик и Марта поженились и поселились на улице Станиславского. И прожили вместе 62 года.

В театр он не вернулся. Служил фотографом в каких-то глянцевах журналах типа «Искусство кино». Она работала корректором в издательстве «Колос». Можно сказать, они вели жизнь в тени, тихую

жизнь в полдыхания, пригнувши голову и потупившись.

Распрямились они и вдохнули свободу, лишь навсегда покинув эту страну, Иосафатову долину печали и плача.

Дом 30 по ул. Карла Маркса (г. Хмельницкий)

Улица Карла Маркса в г. Проскурове на Украине 1940–50-х годов. В сегодняшнем городе Хмельницкий в Украине улица разжалована до переулка под тем же именем Маркса, но я буду числить ее по старому адресу, поскольку я к нему прикипел с младенчества. Именно по тому адресу я начал ходить и говорить.

Внутри квартала между ул. Карла Маркса и Кременецкой за трехметровой стеной располагались краснокирпичные здания Проскуровской тюрьмы. Дом 30 по ул. Карла Маркса прикрывал тюрьму от праздных взоров с ее тыльной стороны. Двухэтажный каменный дом постройки середины XIX века. Говорили, что до революции здесь был публичный дом и соляные подвалы.

В начале 1945 г. меня, нескольких месяцев от роду, привезла сюда моя мама Хана Клигман, молодая вдова, только что потерявшая на фронте мужа. Она нашла поддержку у своих родственников Богомольных, недавно вернувшихся из эвакуации. Две женщины и девочка: Люба, троюродная сестра Ханы, парализованная мать Любы и ее семилетняя дочь Дора. Муж Любы тогда был еще на фронте.

Связь между Ханой и Любой Богомольной была теснее, чем просто родственная: когда-то давно семилетняя Люба была приставлена нянькой к новорожденной Хане. И теперь возникла такая же иррациональная связь между Дорой и мной, поскольку семилетняя Дора стала моей нянькой. Связь настолько тесная, что мое 70-летие я со всем своим семейством поехал праздновать к ней в Пермь.

На втором этаже дома 30 по ул. Карла Маркса жили пять семей в пяти комнатах по обе стороны длинного коридора. В каждой комнате одно окно, дверь в коридор, керосинка для готовки. Спустя годы в торце коридора появились водопроводный кран и газовая плита. Следует упомянуть две незабываемые особенности этого дома: полчища мух и общий нужник во дворе.

В детстве меня не раз привозили сюда летом, я хорошо помню и дом, и его население. Многое мне рассказали Дора и Таня, вторая дочь Любы, родившаяся через год после меня, а также дочери Вилькера (о нем речь ниже) Ира и Клара, родившиеся в 1950-х годах, с ними мы дружим по сей день.

Люба Богомольная – ироничная, требовательная и очень властная женщина маленького роста. Я и сегодня испытываю к ней нежность и

буду здесь называть тетей Любой, как в детстве. Дора вся пошла в нее.

Опираясь на свою память и на их рассказы, ниже опишу этих людей, которые были не совсем обычными, хоть и жили обычной жизнью: это были осколки цивилизации еврейских местечек, чудом выжившие обрывки довоенных семей, убитых на войне и в Холокосте. Все они старались жить. И невозможно себе представить, чего им стоило продолжать жить рядом с призраками убитых родных и любимых.

Соня Перникоза

Соня – родная сестра тети Любы, сгинувшая в Холокосте. Алла – ее дочь, племянница тети Любы. После войны тетя Люба разыскала Аллу и забрала к себе. Первое время эта тихая забитая пятилетняя девочка почти не разговаривала.

Муж Сони, отец Аллы Николай Перникоза – украинец, школьный учитель физики, – жил в Сатанове. *Пірни́коза* – украинское название чомги, водной птицы, чуть меньше кряквы. От призыва в армию он был избавлен инвалидностью – у него не было кисти левой руки.

Когда пришли немцы, при первых вспышках жидоненависти, он спрятал жену-еврейку на мельнице. По ночам он носил ей туда еду, одежду и проч. Годовалая дочь оставалось при нем. В няньки ей он взял соседскую девочку лет 14-15, скорее девушку, а не девочку, что стало роковым моментом в этой истории.

У этой няньки был брат полицаи. Ему его сестричка и донесла насчет *жидівки*, которая прячется на мельнице. Тот и несколько таких же, как он, полицаев напились, пошли на мельницу и там замучили Соню до смерти. Труп бросили в колодец.

Николай, по его словам, об этом ничего не знал. Не найдя жену на мельнице, он долго разыскивал ее в гетто и концлагерях по всей округе. Так он рассказывал.

Но не все прямолинейно в этой истории.

После войны открылось, что Николай эту няньку обрюхатил. Из срока рождения ее ребенка добрые люди вычислили, что он стал

сожительствовать с нянькой еще в то время, когда Соня была жива и скрывалась на мельнице. Добрые люди предположили, что нянька «стукнула» брату с целью устранить соперницу.

Как была убита Соня, выяснилось уже после войны на суде над теми полицаями. Имя няньки на суде не всплыло. Но что она была к убийству причастна, Николай понял, когда увидел на ней пальто Сони, в котором та была на мельнице.

Финальный, трагикомический, шокирующий эпизод этой истории случился в начале 2000-х годов, когда Алла уже проживала в Израиле.

Ей позвонила по телефону та самая ее нянька с потрясающей просьбой: официально подтвердить, что во время оккупации она спасла еврейскую девочку и потому в праве претендовать на звание Праведника народов мира.

А и в самом деле, она могла бы сдать девочку Аллу в полицию, но ведь не сдала же.

Шура Гурман

Исаак Гурман «выжил» в армии на фронте. До армии у него были жена и трое детей. Все они сгорели в Холокосте. Подробности этой истории если и были кому-то известны, то забылись, потому что их затмила история его послевоенной жены Шуры.

До войны у Шуры тоже была семья – муж и дети, двое мальчиков. Муж погиб на фронте, а детей Холокост развел. Старшему досталось жить: он как-то спасся на румынской территории, после войны выучился, встал на ноги, жил во Львове. А младшему не досталось ничего.

При обстоятельствах, о которых известно только то, что они были ужасными, Шура прятала своего двухлетнего сына под юбками. Полицай, сосед, которого Шура знала лично и звала по имени, выдернул ребенка из-под юбок, взял за ноги и с размаху размозжил его голову ударом о стену.

У Гурмана и Шуры в их браке детей не было. Так что от этой семьи только и осталось, что воспоминания соседей об истошных воплях, которые Шура издавала по ночам. Каждую ночь она выкрикивала имя того полицая. В ее кошмарах он, наверно, опять и опять хватал ее ребенка за ноги и замахивался им, а она опять умоляла его.

Тетя Люба, которая спала через стенку от Шуры, просыпалась по ночам в ужасе от тех воплей.

Исаак и Сарра Вилькеры

Крупный, широкоплечий, шумный и веселый Исаак и такая же веселая, ироничная Сарра, очень близорукая, в толстых очках. Оба во втором браке, их первые семьи стинули в Холокосте. Этот второй брак принес им двух дочерей, Иру и Клару. Из этих девочек получились умные, веселые, ироничные и «заводные» женщины.

До войны Исаак был трактористом в местном колхозе, у него были жена и двое детей, мальчик и девочка. В 1939 г. он был призван в армию, где стал танкистом, как все бывшие трактористы и механизаторы.

Жена его была родом из Староконстантинова. Этот город известен еврейским погромом Богдана Хмельницкого 1649 года и восстанием евреев 1827 года против введения рекрутской повинности. Нельзя не упомянуть также, что отсюда вышел прадед В. И. Ленина, Моше Бланк.

В 1941-м, когда началась война, жена Вилькера решила вернуться с детьми в родной Староконстантинов. И на этом история его первой семьи заканчивается, они лежат где-то там в общей могиле.

На войне Исаак Вилькер был командиром танка и приобрел богатую военную биографию: Курская битва, Прохоровка, два ордена Красной звезды, многочисленные ранения.

Он рассказывал мне, мальчику лет 10-11, о танках, от его рассказов я в танки влюбился и по сей день люблю (платонически, конечно). Он преподавал мне свое «Правило №1 танкового боя». Вот оно, это правило: как можно быстрее расстрелять боезапас. Потому что советские танкисты гибли в основном от детонации своего боезапаса, который взрывался при любом попадании снаряда, кроме лобового.

С войны, рассказывала Сарра, он «вернулся графом», «набрался культуры» в Германии. Садясь за стол, повязывал салфетку, ел вилок и ножом.

И был он большой женолюб. Любил рассказывать, что в Берлине ходил в публичный дом, собранный из немок.

В Германии же он сильно проштрафился: обнаружил в лесу лесника-нациста и расстрелял его и всю его семью. За это сколько-то времени отсидел на гауптвахте.

Как уже сказано, он был несколько раз ранен. Одно из тяжелых ранений привело его в госпиталь в Заволжье. После госпиталя ему был положен отпуск для поездки на родину. Но в живых на родине уже никого не было. И тут он как раз нашел Сарру, вдову своего довоенного товарища.

Сарра - уроженка города Полонное. Город древний, знаменит еврейскими погромами нового времени, которые устраивали: простой народ (1905), Русская армия (1917), Красная армия (1919), армия Буденного (1920).

Сарра закончила экономический техникум, получила распределение в город Теофиполь на сахарный завод. Там вышла замуж за украинца. Родила двух девочек. В 1939 г. мужа мобилизовали в армию, и вскоре он погиб на финской войне.

От Холокоста ее спасло то, что перед самой войной ее послали в Харьков на курсы повышения квалификации. Детей она оставила у своей тети в Полонном. Скорее всего, там их и убили в 1941 году. Но не исключено, что они дожили до лета 1942-го, когда оставшихся в живых евреев из Полонного и других местечек немцы согнали в гетто Староконстантинова. В таком случае ее тетя с ее детьми убиты вместе с женой и детьми Исаака Вилькера и лежат в одной общей могиле.

Чтобы узнать, как это происходило, вернитесь к главе «Система Гейдриха», к показаниям женщины, которой удалось спастись под расстрелом. Та женщина была из гетто Староконстантинова, и это был тот самый расстрел «...В один из последних дней ноября 1942 г... в лесу "Новики"¹²».

С началом войны Сарру мобилизовали в трудовую армию в Харькове. Потом она попала в эвакуацию в г. Энгельс, где ее нашел Исаак Вилькер, довоенный приятель ее мужа. И они сошлись.

Вскоре после войны Сталин начал борьбу с «обнаглевшими победителями», которая плавно перетекла в борьбу с правдой о войне, не утихающую по сей день в обезумевшей сегодняшней России.

В 1947 году отменили Праздник победы, отменили денежные выплаты и другие льготы (вроде бесплатного проезда) для награжденных орденами и медалями. В 1948–54 годах власти по всей стране убрали с глаз долой калек и «обрубков войны» – их насильно вывезли из городов и распахали куда придется. Потом они пошли

¹² Координаты: 49.759743°СШ, 27.258960°ВД.

войной на памятники, воинские захоронения... И т.д., и т.п.

Параллельно в 1948 году советская власть погрузилась в оргиастический антисемитизм. Тут и подвернулся Вилькер – и еврей, и обнаглевший победитель, о котором по сей день люди, его знавшие, говорят, что «он ничего не боялся».

В 1952-м на автобазе, где Вилькер работал, он поймал вора и наказал по-своему, не обращаясь к «органам», – попросту вора измордовал. Вор же, не будь дурак, как раз пошел в органы и заявил, что, мол, невинно пострадал. Вилькер был осужден и посажен «за превышение власти».

Сарра рассказывала, как в Киеве пыталась хлопотать за него. Добилась приема у самого Ковпака, Сидора Артемьевича, члена Президиума ВС УССР. Был такой партизанский командир в Украине в 1942–43 годах, ничтожный и подлый, но распиаренный советской пропагандой. Ушла она оттуда с чувством омерзения к этому упырю.

Что с Вилькером произошло в тюрьме, он не рассказывал. Но через девять месяцев вышел на свободу уже совсем другой человек, согнутый и молчаливый.

Исаак Вилькер был из тех немногих, кто 5 марта 1953 года не плакал, а радовался. Вместе с ним радовалась смелая женщина по имени Батшева Бард, жена Арона Барда, о котором рассказано выше, в главе «Мой дед Меер».

Тетя Соня

Тетя Соня – веселая, ироничная, шумная одесситка, маленькая, краснолицая, очень полная. Тетей Соней звали ее мы с братом, а мама – Софьей Григорьевной. Она была родной сестрой Иды, матери Додика. На фото она с внучкой.

После войны она с двумя дочерьми поселилась в Москве. Жила недалеко от нас, на Станционном шоссе, в Лихоборах. Мы с братом ходили в ту же школу, что закончили ее дочери, и каждый день видели на мраморной доске медалистов имя старшей из них: Глейзерман Лиля. Лилю ставили в пример нам и ее младшей сестре Мери, которая училась неважно. Зато Мери была красивая и веселая, а

Лиля – сероватая и молчаливая, вечно насупленная особа. Часто-часто подслеповато помаргивала сквозь очки.

В 1941-м будущая медалистка Лиля стояла на краю расстрельного рва, лицом в ров, спиной к пулеметам. Тетя Соня прижимала ее к себе одной рукой, а пятилетнюю Мери прижимала к груди другой рукой, прикрывала собой. И такой вот крепко обнятой семьей они кинулись вниз за мгновение до пулеметной очереди...

Они не могли рассказывать всего. Мери, рассказывая, задыхалась в рыданиях.

У тети Сони их было трое, третьим был мальчик, только что рожденный, грудной. В воспоминаниях, надиктованных Мери в 2000-х, сказано, что ребенка убил немец-конвоир – выхватил плачущего из рук матери, ударил с размаху о дерево и бросил в костер. В действительности же она просто положила спеленутого ребенка в каком-то дворе на лавке и с дочерьми ушла прочь. Расстрел случился потом.

Ее анабазис длился долго и мучительно, дотянулся он до Транснистрии, территории румынской оккупации. Там доходило до того, что она неделями прятала дочерей в яме под хворостом. И лишь по ночам приходила к ним покормить и прибраться.

В ее анабазисе случился эпизод, когда она с детьми пряталась в нужнике по пояс в дерьме. Помните похожий эпизод у Спилберга в «Списке Шиндлера»? Ровно так это и было с тетей Соней. Для «нормального» человека непредставимо, *как* можно после такого жить?

Как?!

Как Шура Гурман, еженощно умолявшая полиция пощадить ее ребенка. Как Арон Бард, который до последнего вздоха вспоминал, что обреченный на смерть его старший сын повторял и повторял своим младшим братьям, что их отец не даст их убить, обязательно спасет. И как тот человек, который был поставлен выгружать трупы из газвагенов и однажды среди трупов увидел свою жену и детей. Он свидетельствовал об этом на процессе Эйхмана в 1961 году.

Облегчающего душу ответа на этот вопрос нет.

Как жить после этого?

Заклинание – «Как жить после этого?» – произнес в сентябре 1941 года К. А. Мерещков, недавний Начальник Генерального штаба РККА, будущий маршал, когда его выпустили из пыточных подвалов Лубянки и послали командовать армией на Карельский фронт.

Этот последний эпизод – не из Холокоста, а из палаческих уродств

советской жизни, через которые Россия, кажется, опять проходит. Эта история описана в «Потаенном дневнике» Ольги Берггольц. Я здесь цитирую ее почти дословно.

Сразу по прибытии в армию Мерецков пошел осматривать передний край. Ходил, не сгибаясь, под пулями и минометным огнем.

- Вы бы побереглись, товарищ командующий! - предостерег его приставленный к нему комиссар, тоже прошедшей пытки НКВД.

- Страшно? Не ходи рядом. А мне не страшно. Мне жить противно, - ответил Мерецков.

После он рассказал, почему ему противно жить:

- Они мне на голову ссали... Один раз они били меня, били, я больше не могу: сел на пол, закрыл голову руками, сижу. А они кругом скачут, пинают меня ногами, а какой-то мальчишка, молоденький, - расстегнулся и давай мне на голову мочиться. Долго мочился. А голова у меня, видишь, полуплешивая, седая... Ну вот ты скажи - как я после этого жить могу...

Самые одиозные из тех истязателей (Влодзимерский и др.) были расстреляны в 1953-56 гг. Прочие же выжили как в прямом, так и в переносном смысле.

Выжил и тот «мальчишка молоденький», что ссал на голову будущему Маршалу Советского Союза К. А. Мерецкову. Мальчишечка дал потомство, крепкое и выносливое, которое выбилось в люди, потом в хозяева жизни.

Сегодня оно уже куражится и ссыт на голову целым народам.

Илья Липкович – родился и вырос в Алма-Ате. В 1985 году окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства по специальности «Статистика». В 1995 году выехал в США для продолжения обучения. В 2002 году получил докторскую степень в области статистики в Вирджинском политехническом институте. После окончания докторантуры работал в различных фармацевтических компаниях в качестве специалиста по статистике и опубликовал ряд статей по методам анализа результатов клинических испытаний. Живет и работает в Индиане.

Прогулки со Славой

Знакомство

Слава считался в нашем городе одним из лучших переводчиков с английского на русский и с русского на английский. Он предпочитал последнее, поскольку – как он объяснил, когда мы сошлись достаточно близко – за перевод на английский платят больше, переводить легче, подставляя готовые шаблоны, и, главное, ни одна сволочь из «своих» не станет лезть с замечаниями. Не меньшую славу он приобрел своими непредсказуемыми запоями – об этом я также узнал не сразу.

Мы наняли его (по чьей-то рекомендации) переводить на английский «Руководство пользователя». Однажды – из-за порыва ветра или под собственной тяжестью – карта СССР с иголочками, воткнутыми в местах проникновения нашей фирмы на рынок, слетела со стены, а вслед за ней рухнул и сам Советский Союз. Тогда мы решили выйти с программным обеспечением по статистике на мировой рынок, и рамки русского языка стали нам тесны. Поскольку Слава не имел ни малейшего представления ни о программном обеспечении, ни о статистике, моя работа заключалась в том, чтобы сидеть рядом с ним и вычитывать законченные куски.

В ранний период нашего знакомства, когда Слава еще имел постоянную работу в какой-то фирме, я иногда приходил к нему на службу. Но чаще мы встречались у него дома, после работы или по выходным. Проведя много часов вдвоем в маленьком кабинете со шкафами вдоль стен, заполненными английскими книгами и словарями, с пропахшей табаком полуразвалившейся мебелью и разбросанным повсюду пеплом от сигарет, мы сблизились. Он был на 15 лет старше меня, и я воспринимал его как своего рода гуру.

Уважение, внушаемое Славинными переводческими способностями, даже укреплялось его внезапными запоями, напоминавшими припадки эпилепсии у Достоевского. Понятно, меня не привлекали запои как таковые. Скорее, то был контраст между его перфекционизмом, какой-то даже религиозной преданностью работе и совершенным отсутствием контроля над собой, когда *это* случалось. Славин лингвистический дар был заключен в хрупкую оболочку алкоголика, склонного к сквернословию и легкому суициду.

Слава взял на себя всю работу по переводу «Руководства» – более 300 страниц основного текста плюс интерактивные справки и подсказки, которые он видел только на бумаге, поскольку боялся компьютеров – всего за 250 баксов и никогда не просил дополнительной платы, несмотря на значительное обесценивание доллара после распада Советского Союза. Казалось, его решимость закончить работу была так же сильна, как зависимость от алкоголя.

При переводе требовалось соблюдать терминологическую согласованность между тремя типами текстов – руководством, интерактивными справками (система «Помощь») и экранными подсказками, – что делало задачу чрезвычайно сложной. Чтобы не запутаться в текстах, Слава придумал для них условные названия: «бл*ди» (гора листов с основным текстом), «сучки» (горка меньшего размера, с интерактивными справками) и «ма***вошки» (экранные подсказки). Бывало, сделав исправление у «бл*дей», он говорил мне: «теперь доставай ма***вошек», и я лез за ними под стол.

Дело осложнялось и тем, что Слава не имел представления о предмете, а я не так уж хорошо знал английский, несмотря на много лет, потраченных на его изучение, – сначала с частным репетитором, потом в институте. Со временем мы ввели в обиход понятную только нам шутку – я говорил: «Ладно, раз ничего не выходит, отдай нам наши деньги и вертай все взад». То есть, переведи все обратно с английского на русский. Но Слава легко не сдавался. Однажды, когда наша работа была уже почти закончена, он, стремительно спускаясь в подzemелье очередного запоя, сказал, отхлебнув из горлышка с гримасой отвращения, что ставит себе «человеческую пятерку» за то, что не поддался желанию бросить все на хрен и швырнуть нам в лицо эти жалкие 250 долларов. А такие мысли посещали его не раз.

Работали мы следующим образом. Слава хриплым голосом читал свой перевод, а я следил за русским вариантом. Когда мне казалось, что он переврал оригинал, я его останавливал. Иногда он пропускал кусок русского текста, и на это у нас был предусмотрен условный значок: я рисовал рядом с пропущенным текстом маленькую рюмочку, что означало «пропустил». Иногда приходилось вносить изменения в

перевод, потому что исходный текст страдал двусмысленностью (что нередко случается с техническими руководствами на русском языке, малопригодном к ясному выражению мыслей).

Наблюдая, как по Славиному мановению косолапая английская фраза на моих глазах выправлялась и оживала, я испытывал восторг соучастия. Бывало, я тут же спрашивал его: «А вот так можно?» Усы его зло топорщились, и он отвечал: «Нет, не можно». Мой вопрос, почему «нет», он игнорировал или говорил, что мы не нанимали его учить меня («Это – за дополнительную плату.»), но после обычно объяснял или показывал мне правило из учебника, вытащив его откуда-нибудь из шкафа или из стопки книг, разложенных прямо на полу.

Я начал брать у Славы книги и магнитофонные записи с уроками. Читал и слушал дома запоем. Для меня вдруг открылась красота английской фразы. Слава дал мне почитать одно из своих любимых пособий *“Practical English Usage” by Michael Swan*, и вот я начал свое путешествие «по направлению к Свану», которое, в конечном счете, и привело меня в Америку. Моей главной и, казалось, недостижимой целью было научиться понимать разговорную английскую речь. У Славы имелись на кассетах уроки разной степени сложности. Он объяснял мне, что беглую речь нужно воспринимать целиком, извлекая информацию из интонации, а не пытаться расшифровать каждый звук. Некоторые слоги, особенно окончания слов, редуцируются в быстрой речи, и я часами слушал болтовню с кассет, покуда вскользь брошенное «Ай-дидн-си-эр» не превращалось в *“I did not see her”*. Трансформация шума в осмысленные фразы, вдруг целиком вырастающие в голове, явилась чудом второго рождения. И вот бессмысленное «кискудби» из битловской песни вдруг становилось *“kiss could be”*.

С академической точки зрения, Слава был не вполне законченным специалистом – он так и не защитил свою диссертацию, посвященную каким-то темным сторонам английских модальных глаголов. Об этом я узнал, увидев однажды, как он, перевернув страницу, на которой был от руки написан перевод, вдруг усталился на оборотную сторону и на миг как бы выпал в иное измерение. Я ему: «Слава, давай дальше». А он мне свою обычную присказку: «Дальше яйца не пускают». Мол, не гони. Оказалось, что он использовал для переводов оборотную сторону страниц своей «незащищенной» диссертации. Я спросил, почему он забросил свой ученый труд. Он как-то заволновался: «Зачем мне эта ср*ная диссертация?! Да и из Иняза мы с женой ушли, там совсем мало платили, даже доцентам». Жена его, впрочем, успела защититься; они вместе учились в московской аспирантуре, где и познакомились.

Как переводчик Слава был для меня высшим авторитетом, как алкоголик он вызывал жалость и нуждался в помощи. Но как только ты начинаешь оказывать поддержку алкоголику, он включает тебя в свою тщательно разработанную “*safety net*”, используя в качестве послушного инструмента. Так, когда Слава понял, что он может полагаться на мою помощь в переводах на русский (это была для меня хорошая практика и источник дополнительных денег в те времена, когда переводчики получали больше, чем программисты), он что-то такое подкрутил в своей системе «допусков» и мог уйти в запой, имея на руках незаконченную работу (чего он почти никогда себе не позволял, если кроме как на себя самого ему было не на кого опереться). Люди в окружении алкоголика, оказывающие ему поддержку, зовутся труднопереводимым словом “*enablers*”.

Помню свою первую переводческую работу, полученную от Славы (страниц 20 текста), над которой я просидел всю ночь после дневной работы. То, что показалось легким заработком при беглом взгляде на английский оригинал, оказалось переходом вброд через горный ручей по острым камням. Утром я распечатал перевод и представил на суд Славе. Сидя в кресле, он просматривал листы с гримасой тошноты, черкая и вставляя тут и там исправления. Карандаш в его правой руке скользил вдоль строк, словно ястреб, выискивающий мышь в траве. Левой рукой он смахивал пепел, падавший на страницы из зажатой в углу рта сигареты.

«Ну как я перевел?» – всякий раз спрашивал я, когда он заканчивал просмотр, тайно надеясь на похвалу. Он неизменно отвечал хриплым голосом, как бы продираясь сквозь пересохшее русло: «Ты сделал в точности то, что я от тебя ожидал, не хуже и не лучше. Что ты вечно напрашиваешься на комплимент?»

Иногда мы выходили из его кабинета наружу «подышать», как он объяснял жене. Таким образом он пытался использовать меня в качестве предлога, чтобы взять что-нибудь выпить, если у него случались деньги. Бывало, он говорил жене: «Нам с Ильей нужно в музей, – он произносил “музей”, подмигивая мне, – окультуриться немного и заодно встретиться с американским клиентом, возможна большая работа». Но жена зорко следила за каждым его движением, и раз от разу приходилось придумывать все более мудреные предлоги.

Я вспоминаю наши со Славой прогулки и даже совместные командировки (когда мы потом работали на одну американскую компанию). Какова бы ни была цель нашего путешествия (если только она не заключалась в выпивке), он пытался отсрочить ее, как Гамлет свою месть. Даже банальное передвижение из пункта «А» в пункт «Б» в пределах города походило на прогулку по минному полю. Ему

нужно было то и дело останавливаться, чтобы выпить или вступить в спор с прохожими, в том числе – с блюстителями порядка, каковых тогда много развелось в нашем городе.

Однажды я оказался свидетелем того, как Слава ругался матом с представителем власти, – вышел, расхристанный, из гастронома «Юбилейный» и стоял посреди проезжей части с открытой бутылкой наперевес, как будто угрожая того застрелить. Я случайно проходил мимо и сумел каким-то образом увести его. Уже дома, сидя за своим колченогим столиком и прикладываясь к бутылке, чтобы погасить волну охватившего его возбуждения, Слава продолжал ругать мента и в его лице всю некрепкую нашу власть, припомнив аналогичный опыт в одном провинциальном американском штате.

– Американский полицейский тебе говорит «фрииииииз!!!», и все, ты должен замереть, иначе ему дозволяется стрелять без предупреждения. А эти наши говнюки в форме не могут даже надеть на меня наручники. Я презираю эту жалкую власть и плюю на нее.

Я вовремя подставил ему пепельницу.

В парикмахерской

Как-то раз жена послала Славу в парикмахерскую, заметив, что он зарос, пока сидел над своими переводами, перемежаемыми запоями.

Как обычно, она выдала ему точную сумму денег, и мы отправились. Я пошел с ним вместе – возможно, потому что мне тоже нужно было постричься, а может быть, просто за компанию. Она даже обрадовалась, что мы идем вместе, поскольку сразу распознала во мне человека серьезного, то есть не собутыльника.

Как только мы вышли на улицу и Слава оказался за пределами досягаемости жены, он почувствовал запах свободы и сказал мне с иронической усмешкой: «Моя жена дура, она понятия не имеет о ценах. Этих денег, что она мне дала, хватит не только на то, чтобы постричься, но и на маленькую бутылку».

Оказалось, что бдительное око жены было не единственным, которого требовалось избежать. Когда мы поравнялись с киоском, где продавались алкогольные напитки – любому лицу, затылок которого достигал уровня прилавка (в начале 90-х годов такие киоски были открыты на каждом углу), – Слава вдруг попросил меня идти по правую его руку, пока мы не вышли из зоны видимости продавца: «Ну-ка загороди меня, кажется, я им в прошлый раз не заплатил».

Мы отправились в известный каждому алмаатинцу парикмахерский салон на улице Фурманова. Там была довольно большая очередь. Это означало, что основная Славина цель

отодвигалась в неопределенное будущее, и он начал выказывать признаки беспокойства. При встрече с незнакомыми в душе его завязывалась борьба между природной стыдливостью интеллигента и показным ухарством алкоголика. Никогда нельзя было заранее сказать, чья возьмет. В данном случае пересилило второе. Вдруг изо рта его посыпались непристойности, или «метафоры», как он называл бранные слова, когда ему приходилось их оправдывать в присутствии жены, тещи с тестем и 13-летнего сына. Это чуть не вызвало стычку с борцовского вида парнем в очереди, который пытался убедить Славу, что его дискурс оскорбителен для особо нежных ушей.

- Эй, прекрати выражаться, здесь женщины!

- Так что, бл*ть, мне не дозволяется и рта раскрыть в присутствии женщин? И почему ты говоришь за них, или ты сам - женщина?

Тут он повернулся ко мне и сказал вполголоса, но достаточно громко, чтобы могли слышать и люди в очереди: «Плебеи!»

Этим он как бы поднимал меня до уровня аристократа и своего единомышленника. Женщины в очереди на самом деле особо не возражали против мата - похоже, он вызывал у них смешанные чувства: одновременно и раздражал, и развлекал. Наконец, одна сказала: «Хорошо, пустим его без очереди, чтобы он успокоился».

Слава, казалось, только этого и добивался. Он тут же снял и бросил мне в руки свое подбитое искусственным мехом пальто с шапкой в рукаве и удобно развалился в кресле. Парикмахер обернул Славу простыней. Нестриженная голова его торчала из белоснежного кокона, словно чело римского патриция, а маленькие подслеповатые глазки, потеряв защиту толстых стекол, недоверчиво смотрели на мир, будто не вполне отдавая их владельцу отчет, где он находится и как здесь оказался.

Когда парикмахер начал намылывать Славины щеки с благородной кабаньей проседью, тот решил убедиться, что денег хватит и на стрижку, и на выпивку, и спросил, сколько все будет стоить. И тут открылось, что жена его вовсе не была отставшей от жизни дурой. На самом деле отстал от жизни Слава, не заметив, как инфляция творила свое дело, пока он был занят своим. Он закричал, словно раненое животное: «Илья, мы в ловушке, бежим отсюда!»

Краем простыни он стер пену с лица и соскочил с кресла, бросив римскую свою тогу на пол. Я помог ему надеть пальто, и мы удалились, стараясь не ронять достоинства. То была поистине Джойсова сцена.

Покупка компьютера

В течение долгого времени я убеждал Славу купить компьютер, ведь тогда он сможет делать свои переводы в электронном виде.

Организовать покупку было нелегко. Во-первых, у Славы было мало времени на такие вещи. Он либо работал безостановочно, либо пил, тоже безостановочно. Втиснуть в его расписание приобретение компьютера было практически невозможно. Кроме того, Слава опасался компьютера как лампы Аладдина, из которой в любой момент мог появиться злой джинн. Правда, в Славином окружении витало множество такого рода злых духов – воображаемых и реальных (к последним относились родственники жены: ее старорежимные казахские родители и брат, переболевший в детстве полиомиелитом и передвигавшийся на костылях, который вечно варил у себя в каморке какую-то наркоту, наполнявшую коридор миазмами), с присутствием которых ему приходилось мириться.

И вот однажды, в начале зимы 1993 года, он решился. Я нашел компанию, предлагающую десктоп (386-ю айтишку) по разумной цене. Компания была представлена группой лиц, которые номинально продолжали работать (и получать номинальные зарплаты) в некоем НИИ, но фактически продавали ПК, которые собирали собственными руками из частей, пришедших к ним неведомыми конечному пользователю путями.

Мы начали наше путешествие примерно в 15:00. Солнце стояло еще высоко, хотя скрывалось за облаками. Жена Славы предупредила, что вечером должен пойти снег. Когда мы вышли на улицу, Слава сказал:

– Моя жена дура. Она дала мне деньги в долларах, ровно столько, сколько они запросили, когда она позвонила в этот НИИ, чтобы проверить цену.

– А ты что, собираешься дать им меньше?

– Иногда я задаю себе вопрос: ты умный человек или дурак? Какой идиот будет давать им доллары! Мы можем заплатить в тенге, и я уже сделал свои подсчеты: их собственный курс обмена намного ниже, чем мы можем получить, если продадим доллары на улице. Этим придуркам из НИИ мы заплатим в тенге, а сбереженные деньги сможем использовать на другие цели.

Когда Слава отвлекался от своих основных занятий и погружался в бытовые вопросы, его речь иногда напоминала плохой перевод с английского. Впрочем, я и без перевода слишком хорошо знал, что означает «другие цели».

Итак, нужно было найти место, где можно поменять доллары на тенге по хорошему курсу («тенге» было нашей местной валютой, если вы еще не догадались). Мы могли бы пойти в один из официальных обменных пунктов, но зачем? Гораздо выгоднее продать доллары уличному «меняле». Я знал, что много их крутится возле большого

ювелирного магазина «Алмаз». Самый короткий путь к магазину пролегал через Никольский рынок, названный в честь Никольского собора, высившегося рядом с рынком как немой укор менялам и торгашам – впрочем, время от времени раздражавшегося в их адрес колокольным звоном.

Помимо собора и торговых рядов на территории Никольского рынка имелось несколько кафе, где, по словам Славы, «отпускали». Отсутствовавшее в данной грамматической конструкции дополнение означало не грехи, а водку, что очевидно для каждого русскоязычного человека, независимо от возраста, пола и национальности. Я проследовал за Славой в кафе. Затем мы зашли в другое, а потом и в третье. Когда мы, наконец, прошли сквозь Никольский рынок, воздух сгустился и приобрел пепельно-серый оттенок, в котором вечерняя мгла смешалась с пашлычным дымом и автомобильными выхлопами. Колокола прозвенели, будто предвещая, что занавес скоро будет опущен и город погрузится во тьму.

Мы поспешили к ювелирному магазину и тут же обнаружили рядом человека, на лице которого отпечатались немедленная готовность к решительным действиям и одновременно – отсутствие какой бы то ни было цели в жизни. Мы обменялись незавершенными фразами:

- Покупаешь?
- Сколько?

Русский человек может понять другого без лишних слов. Мы назвали сумму. Он сказал: «Подожди меня здесь, я возьму деньги у матери, она работает тут, в Алмазе». Я подумал – по крайней мере мать его честно служит в государственном учреждении. Вероятно, кассиром. Но через некоторое время мы поняли, что все семейство задействовано в уличном бизнесе: мать продавала подержанные ювелирные изделия *возле* магазина, у входных дверей. Вскоре он вернулся с другим парнем – его братом, судя по сходству выражения на лицах. Сделка состоялась в их машине, припаркованной рядом с магазином. Слава и я сели на заднее сиденье, а братья – впереди. Мы вручили им доллары, один светил фонариком, а другой считал. Затем первый передал нам пачку тенге. Сначала пересчитал я, затем Слава. Мы сказали ОК и вышли из машины.

Пока мы считали деньги, успело стемнеть. Братья исчезли, будто их и не было. По-видимому, их дневной бизнес закончился на наших долларах. Нам нужно было забрать компьютер в НИИ до 18:00. Я поднял руку, чтобы остановить машину – такси или частного, не имело значения. Каждый автомобиль был потенциальным такси. Люди в те времена пытались заработать любым способом. Впрочем, и

двадцать пять лет спустя мало что изменилось: вы можете поднять руку в любом месте Алматы, в любое время, и в течение пяти минут остановится автомобиль и отвезет вас, куда вы скажете. Никто не боится быть ограбленным или изнасилованным – ни пассажир, ни водитель.

Пока я был занят ловлей машины, Слава постепенно трезвел и набирался злости. Оказалось, он снова пересмотрел деньги, полученные в обмен на доллары, и нашел плохую купюру, у которой один край был оторван. «Говнюки, – сказал он, – и куда ты смотрел? У тебя что, в глазах х*р вырос? Ты-то был трезвый?! Никакой пользы от тебя!»

Только я хотел высказать Славе все, что я о нем думал, как остановилась машина. Поездка была недолгой. Слава беседовал с водителем о чем-то, не имевшем отношения ни к нему, ни к водителю, и когда мы добрались до места, оборвал разговор на середине фразы и, не пересчитывая, передал деньги водителю, как будто всю дорогу держал их наготове. Мы вышли.

– Ну что бы ты делал без меня?

– Что ты имеешь в виду?

– Я всучил водителю порванную купюру!

Он снова был в хорошем настроении. Мы вошли в здание НИИ в половине шестого. Ребята, которые обещали продать нам компьютер, все еще были на месте. И не только ребята. Имелись и дамы. В тепле помещения на Славу накатила вторая волна опьянения. Он начал заигрывать с женщинами, приплясывая, как козел, пока я проверял компьютер. Слава же не проявлял никакого интереса ни к «железу», ни к программному обеспечению. Мы включили компьютер, и я убедился, что *Windows* запускается. Продавцы сказали, что им пора идти. Упаковали монитор и процессор в две коробки. Мы заплатили. Они помогли нам отнести коробки вниз. Мы вышли на улицу.

Было почти шесть часов вечера. Пока мы находились внутри, пошел снег, и снежинки кружились в косых лучах фонаря. Слава внезапно протрезвел и был опять чем-то раздражен. «Скорей ищи машину. Мне холодно. Ты что, собираешься заморозить мой новый компьютер, *motherhelper*, – сказал он. – Ну как тебе мой неологизм, это такая метафора, как бы материн помощничек, хе. Я не могу поверить, что отдал столько денег за это говно. И смотри, не проговорись моей жене, что мы заплатили в тенге».

Я поднял руку, и тут же остановилась небольшая машина – «пирожок». Переднее сидение было уже занято – насколько я мог судить, женой водителя. В багажнике не было места, и мы поставили коробки на заднее сиденье. Я тоже втиснулся назад, и водитель показал

Славе сесть спереди. «Куда же сядет женщина?» – подумал я. «Езжай домой на троллейбусе», – сказал водитель жене, и она тут же растворилась в снежной мгле.

И вот мы у подъезда Славиного дома. Водитель помог выгрузить компьютер, и мы понесли коробки наверх. Жена Славы открыла дверь еще до того, как мы позвонили, как будто все это время ждала за дверью.

– Встречай героя! Мы купили компьютер! Мне пришлось все делать самому: я продал твои доллары на улице по очень хорошему курсу. Эти говнюки дали мне порванную купюру, но мне удалось всучить ее таксисту. Мы вовремя добрались до НИИ, и я там все проверил. Илья был совершенно бесполезен, зря я его взял. Я все обделал в два счета, – и он щелкнул пальцами у самого моего носа.

– О, ты мой герой! – сказала его жена и помогла герою освободиться от пальто. – Илья, большое тебе спасибо!

Мы обменялись улыбками, и я сразу понял, что она знает все подвиги, совершенные ее мужем, с того самого момента, как он оказался за порогом. Она даже знала, где Слава спрятал деньги, вырученные от продажи долларов. Фактически он сам ей рассказал, но она и без этого предвидела все трюки своего мужа, еще до того, как они зародились в его голове.

– Не нужно его благодарить, он был совершенно бесполезен. Знаешь, как я придумал его называть? Пока он проверял компьютер, я изобрел новое слово: *motherhelper*! Ха-ха!

– Слава, прекрати!

На следующее утро Слава позвонил мне на работу. Он был трезв и зол. Всякий раз, когда он был трезв, он был зол. Обратное, впрочем, было неверно.

– Слушай, этот компьютер – дерьмо собачье. Нам нужно его возвращать. Даже клавиатура не работает.

– Как это так?

– Я включил этого говнюка и набрал “win”, как ты меня научил, но эта сука не выходит

– Кто?

– Windows.

После десяти минут разговора я понял, в чем проблема: он набрал “win” в командной строке, как я его научил, но не догадался нажать на “enter”. Слава думал, что «говнюк» каким-то образом знает, что у хозяина на уме, и будет автоматически выполнять его команды.

– Хорошо, что еще не так?

– Гребаный шум, этот вентилятор внутри ящика проникает мне прямо в мозг. Почему ты не проверил, пока мы были там?

– Я проверял, но его было трудно услышать. Ты там развлекал женщин.

Понятно, мы не стали возвращать компьютер. Было маловероятно, что нам когда-либо удастся повторить этот поход. Слава привык к своему «говнюку», и тот привык к Славе. Как и все остальное в его кабинете, компьютер скоро покрылся пятнами от стаканов, и сигаретный пепел регулярно проникал в каждое его отверстие.

Самое худшее в компьютере проявилось немного позже. Иногда он выдавал сообщение об ошибке (“*run check error*”) и вырубался, унося в своей оперативной памяти, как в клюве, все несохраненные Славины тексты. Потом умные люди сказали мне, что так происходит со всеми компьютерами, собранными из разных частей, которые могут быть не вполне совместимы друг с другом из-за разной скорости обмена данными. По этой причине Слава впоследствии потерял много часов работы. Он воспринял это как кару Божию и не очень жаловался. Он и меня утешал: «Ну что поделать, если мы с тобой не очень пробивные мужики. Конечно, они нас нагрели. Кто-то должен был остаться в проигрыше».

Слава знал, что в этой игре победителем ему не быть.

Поездка в Бишкек

Наши труды по переводу «Руководства пользователя» принесли, наконец, плоды. Хотя привлечь американских инвесторов к нашему программному обеспечению не удалось, мой английский стал достаточно хорош, чтобы работать в американской компании. Я оставил свою фирму и устроился в одну некоммерческую организацию, помогавшую (под эгидой *USAID*) правительству Казахстана реформировать недавно приватизированный жилищный сектор. Для подготовки местных кадров в Казахстане и Средней Азии были организованы курсы оценки недвижимости, с привлечением экспертов Всемирного банка. Понятно, что требовались и хорошие переводчики. Пришло время отплатить Славе за все добро, которое он для меня сделал.

– Слава, для тебя есть работа – устный перевод курса по оценке недвижимости. Это *sentence-by-sentence*. «Справишься?» – спросил я его.

На жаргоне переводчиков “*sentence-by-sentence*” означает последовательный перевод, когда лектор прерывается каждые две-три минуты, чтобы дать возможность переводчику переварить очередной кусок текста.

– Конечно! Любой идиот может делать *sentence-by-sentence*, даже ты. Я тебе рассказывал, как я делал синхронный перевод на конгрессе

славистов в Алматы? Там был один итальянский профессор, который делал доклад о «Розе мира». Он эту книгу сам читал в итальянском переводе, а доклад сделал на русском языке, со страшным итальянским акцентом. Никто даже не понял, о чем он говорит, а я сидел в своей кабинке, слушая этот его бред через наушники, и так здорово переводил, что в перерыве люди подходили ко мне и благодарили. Говорили, что только после моего перевода они, наконец, поняли, о чем идет речь в этой «Розе мира». Я там сидел в костюме и галстукe и за 15 минут работы так вспотел, что рубашку можно было выжимать.

- И что это за «Роза мира»? - поинтересовался я, хотя слышал эту историю по крайней мере пятый раз.

- Я уже забыл, это было всего 15 минут моей жизни. Я думал, что мозг у меня расплавится, тем более что в тот день я был с похмелья. Какая-то эзотерическая философия одного мистика, Даниила Андреева. По-моему, у него была шизофрения. Он там придумал свою концепцию вселенной. Ну ладно, говори, что им от меня нужно?

- Ты смог бы встретиться с моим американским боссом завтра, желательно трезвым? Он сам тебе все объяснит.

На следующее утро Слава появился в нашем офисе трезвый и злой, пахнувший дорогим одеколоном. Должен сказать, что для него это довольно необычный запах. Не знаю, о чем они говорили в кабинете у босса. Разговор был короткий, уже минут через пять Слава вышел. Я проводил его, и у порога он подмигнул мне: «Кажется, я ему понравился». Я вовсе не был в этом уверен. Когда я вернулся, мой босс сказал:

- Ясно, что твой друг - алкоголик, но дело свое знает. Передай ему, что он может получить эту работу, если хочет.

С тех пор мы со Славой работали на нескольких курсах по оценке недвижимости. Моя часть заключалась в обучении слушателей работе с финансовыми калькуляторами (например, расчетам *futures* и *present values*). Кажется, эти хитроумные приборы производились компанией *Texas Instruments*. Интересно, что за 20 лет жизни в США я о них ничего не слышал - наверное, потому, что эти функции давно реализованы в стандартных электронных таблицах, типа *Microsoft Excel*. Понятно, что эта часть курса не требовала перевода, хотя я помню, как однажды Слава и я разыграли пятиминутное шоу. Чтобы развлечь аудиторию, я объяснял функцию каждой кнопки по-английски, нажимая их одну за другой, как ученая обезьяна, а Слава переводил, иногда добавляя кое-что от себя.

Первый курс состоялся в Алматы, а второй - в Бишкеке, столице соседнего Кыргызстана. Вывоз Славы за пределы города был чреват непредсказуемыми последствиями. В Алматы жена была способна держать его под контролем, по крайней мере на время курса, но в

Бишкеке мне пришлось жить с ним вместе и в какой-то мере взять на себя ее обязанности (разумеется, кроме секса).

От Алматы до Бишкека около четырех часов езды на машине, поэтому мы наняли большой автомобиль типа «вэн» с водителем – “*A van with Ivan*”, – пошутил мой босс, любивший каламбуры. В салоне было достаточно места для нашей команды: моего босса, трех американских инструкторов, меня и Славы. Рано утром мы заехали за ним. Через полчаса после условленного срока он вышел из подъезда своего дома с двумя небольшими сумками, в новой кожаной куртке на меху, которую ему недавно купила жена. Как обычно, он выглядел, будто не вполне понимая смысл происходящего и в то же время что-то замышляя.

После того как мы, по русскому обычаю, приводившему американцев в умиление, обменялись рукопожатиями, он подмигнул мне, отвел в сторону и, расстегнув куртку, показал краешек внутреннего кармана. По бутылочному горлышку я сразу распознал 375-миллилитровую бутылочку “*Red label*” подобно тому, как охотник узнает тигра по кончику хвоста. Слава говорил тихо, так как знал, что мой босс неплохо понимает по-русски:

– Моя жена дура! Она проверила все карманы куртки и обе сумки, но не догадалась, что пока она осматривала карманы, я прятал бутылку в сумке. Затем она полезла в первую сумку, которую я нарочно поставил рядом с курткой, а бутылка была в другой. Я ее тут же вытащил, надел куртку и незаметно переложил во внутренний карман. Вот почему я решил взять две сумки, так легче заморочить ей голову. Ее мозг не способен охватить более двух предметов сразу.

Славин мозг мог охватить зараз гораздо большее число предметов, что он и продемонстрировал во время поездки. Он начал с пробного глотка. Он и дома редко пользовался стаканом, даже когда имел дело с бутылкой стандартного размера, предпочитая пить прямо из горлышка, словно Иов, жаждавший говорить с Богом без посредников. В том, как он срывал пробку, подносил горлышко ко рту и делал первый жадный глоток, была решимость самоубийцы.

Я догадывался, во что может вылиться четырехчасовое путешествие группы американских экспертов в обществе постепенно теряющего трезвость Славы. Именно в этой поездке я узнал новое английское слово “*obnoxious*” (несносный, противный), которое до сих пор очаровывает меня своим опьяняющим сочетанием взрывных и фрикативных звуков. Мой босс использовал его несколько раз – наряду с некоторыми другими выражениями, которые я добавил в свой словарь.

С настойчивостью ребенка Слава требовал остановки каждые 15

минут, чтобы пописать или покурить, всякий раз исподтишка делая глоток из своей бутылочки. Запах одеколона, который Славина жена щедро пролила на его шею и лицо, постепенно замещался запахом виски и табака. Возбуждение и болтливость его возрастали по мере того, как он подбирался к дну бутылки. В числе тем, затронутых Славой, были: его поездка в США пятилетней давности по приглашению одного американского профессора (собутельника, как утверждали некоторые завистливые языки), которому он помогал переводить русскую книгу на английский; замечательный синхронный перевод доклада о «Розе мира»; приватизация жилого фонда Казахстана и неумное пособничество американских экспертов в этом преступном деле и, наконец, война в Чечне, всю ответственность за которую он возложил на нынешнего президента России: «Я ненавижу Ельцина и убил бы его, если бы мне представилась такая возможность!»

Это последнее заявление, продемонстрировавшее блестящее знание *conditional perfect* для выражения гипотетических ситуаций, завершило Славину речь, поскольку американское руководство решило эвакуировать диссидента на переднее сиденье, рядом с водителем.

Водитель не возражал против Славинаго присутствия, даже наоборот. По тому, как Слава постоянно давал команду, где нужно сделать остановку, и по его решительным действиям с алкоголем водитель заключил, что Слава является самым важным пассажиром. Оказавшись рядом, они сразу же спелись, и с этого момента водитель слушался только Славиных указаний. Когда мы, наконец, приехали в Бишкек, мой босс попытался объяснить водителю, куда он должен был ехать, чтобы высадить нас со Славой, но тот следовал командам, исходящим непосредственно из уст Славы, который пытался вспомнить местонахождение магазина, где можно было пополнить запас виски.

- Кажется, это здесь, давай поворачивай сюда, - говорил Слава.

- Слава, у меня есть адрес и схема проезда! - кричал мой босс, размахивая рукой, в которой он сжимал бумажку с адресом и замысловатыми линиями, изображавшими маршрут.

Это была захватывающая сцена, и остается загадкой, как мы смогли, наконец, добраться до места назначения. Оказалось, что мы со Славой будем жить не в отеле, а на частной квартире, немного в стороне от центра города. Квартира принадлежала русской супружеской паре, которая проживала в другой квартире, в доме по соседству - через внутренний дворик. По-видимому, у них были хорошие отношения с кем-то в бишкекском офисе нашей фирмы, кто и «порекомендовал» американцам снять у них квартиру. Дом был

типичной советской застройки брежневского периода, ничего особенного.

Слава не спешил выходить из машины. Он с неодобрением смотрел из окна на супружескую пару и довольно удручающий внутренний дворик. В квартирновладельце и его супруге он сразу узнал ненавистную ему породу обывателей и приспособленцев. Он спросил про удобства в квартире. Есть ли хотя бы телевизор? К сожалению, нет. Слава разыграл хоть и не вполне трезвую, но точно рассчитанную сцену.

– Вы что, собираетесь нас тут держать, как животных, в темноте, без доступа к информации?! Что нам тут делать по вечерам?! Водку жрать? Мне нужно знать, что происходит в Чечне! Так что я отсюда не выйду, пока телевизор не окажется в квартире, ищите где хотите. Если нет, поеду назад в Алматы. Там у меня есть прекрасный телевизор.

Действительно, в кабинете у Славы стоял японский телевизор *Sony*. Я вспомнил, что они с женой купили два одинаковых телевизора – один себе, а другой отвезли в детский дом номер 13 и подарили детям. Слава специально выбрал детский дом с несчастливым номером. Деньги они давать не хотели: ясно, что их разворует администрация. Телевизор, конечно, директор детдома тоже может забрать себе или продать. Поэтому Слава предупредил, что они с женой будут время от времени навещаться – мол, проверять, какие программы смотрят дети по их телевизору.

Мой босс пытался образумить Славу, ведь остальной группе нужно ехать в отель. Но образумить Славу не было никакой возможности. В конечном счете его стратегия оказалась верной. Я даже не ожидал такой прыти от супружеской пары средних лет, к тому же не в лучшей физической форме. Они тут же вынесли из дома напротив тяжеленный телевизор «Горизонт» старого лампового поколения и понесли его в направлении нашей квартиры, двигаясь утиным шагом, как слаженная команда. Мужчина пятился, а женщина оповещала его о препятствиях на пути: поваленное деревце, битые бутылки и кирпичи. Слава наблюдал, как пара прошла мимо него и скрылась в подъезде, словно главнокомандующий за своей армией на параде.

Отдав нам телевизор, хозяева лишили себя возможности следить за войной в Чечне в течение полутора недель. Честно говоря, Слава тоже не стал смотреть телевизор. Он просто привык к фоновому шуму, когда работал или пил. Ему было тягостно оставаться одному. Впрочем, в бишкекской квартире он был не один, рядом всегда был я.

Идея поселить нас на квартире, а не в гостинице, была «не очень хорошей», хотя, быть может, Всемирный банк имел тут свой экономический резон. Дело в том, что Слава был в начальной стадии

заполя. Проживание в окружении слушателей и слушательниц могло бы его если и не остановить, то хотя бы смягчить. Хуже того: приехали мы в четверг, курс начался в пятницу, в субботу занятия были полдня, а воскресенье – вообще свободный день. Это означало, что я должен был все выходные держать Славу под контролем.

В четверг вечером мы совершили первую вылазку, отправившись в киоск, который Слава взял на заметку, еще когда водитель искал нашу квартиру. Я попросил Славу купить все, что ему нужно на вечер, зараз, чтобы не совершать несколько ходок. Но это шло вразрез с его тонкой душевной организацией. Слава играл с собой в психологические игры, каждый раз пытаясь убедить себя, что может довольствоваться малым. Киоск был открыт до полуночи. К 11 часам вечера Слава уже опустошил все свои запасы и сказал, что нужно купить кое-что еще «на ночь». Конечно, он тут же обвинил меня в том, что якобы я все выпил и тем самым расстроил тщательно рассчитанную им гармонию. В действительности же я почти ничего не пил, потому что имел привычку к социальным формам пьянства, распитие же со Славой более походило на участие в тщательно спланированном самоубийстве.

Я сопровождал его и во вторую ходку, ибо у Славы ухудшилось зрение, и он плохо ориентировался, особенно в темноте. Дороги были темные: как раз в то время Бишкек испытывал нехватку топлива. Подойдя к киоску, мы обнаружили там еще одного покупателя, с внешностью пролетария. В руках у него было какое-то дешевое пойло. Слава же взял себе «Смирновскую». Между ними завязался короткий разговор, в ходе которого были откупорены бутылки и состоялся обмен глотками. Я услышал, как Слава сказал своему новому приятелю:

– Прекрасно, обменяемся координатами и будем друг с другом на связи.

Вероятно, он предположил, что он где-то на конференции и что перед ним профессор-славист. Пролетарий дружески кивал и заискивающе смотрел Славе в глаза, как собака, надеясь, что ему дадут еще раз приложиться к бутылке.

Я взял Славу за руку и повел домой. Он засунул бутылку в карман и всю дорогу придерживал ее правой рукой, а я придерживал его слева. Он оглядывался по сторонам, словно крот, не вполне понимая, где находится.

- В какую это связь ты решил вступить с мужиком возле киоска?
- Кого ты имеешь в виду?

Не помню, как мы дожили до воскресения, но в воскресенье утром я понял, что должен организовать культурную программу, иначе

Слава будет пить весь день и не сможет в понедельник работать. Мы решили отправиться в центр и посмотреть какое-нибудь кино. Кинотеатр был в 15 минутах нормальной ходьбы, но у нас дорога заняла почти час. Слава едва плелся, крепко держа меня за руку, и иногда сильно кренился в мою сторону. Пару раз у него отказывали ноги, и он должен был немного посидеть на скамейке. Отдохнув, мы продолжали наше путешествие, ступая рука об руку, как паломники.

В тот день показывали только один фильм. Это была итальянская эротическая комедия «Все леди делают это». Леди вытворяли на экране всякие штуки, в основном связанные с сексом. Слава смотрел фильм без эмоций, почти закрыв глаза, поэтому я не был уверен, что фильм произвел на него впечатление. Я не надеялся, что эротические сцены отвлекут его от пьянства, однако верил в целебную силу искусства.

Не знаю, фильм ли подействовал или включилось чувство ответственности, но Слава в эту ночь не пил и на следующее утро смог выйти на работу. Он стоял на подиуме, словно собирался сам выступить с лекцией, а американский инструктор занял скромное место у доски. Инструктор начал с нескольких коротких приветственных фраз. Слава, как будто не обратив на слова инструктора внимания, прочистил горло и сказал с кривой ухмылкой:

– Знаете, вчера мы с Ильей ходили смотреть фильм «Все леди делают это». Так вот что я вам скажу. Нам нужно всем собирать вещи и немедленно ехать домой. Потому что если все леди это делают, то, стало быть, наши жены тоже!

Большинство участников были мужчины коренной национальности, представляющие номенклатуру среднего звена, – чиновники Министерства жилищного хозяйства из разных районов Киргизии. Это были люди консервативных принципов, которые, по-видимому, выстраивали отношения в семье, следуя структуре Министерства жилищного хозяйства. Кажется, не все поняли Слаvinу шутку. Некоторые даже начали складывать свои материалы в сумки, решив, что занятия отменяются. Инструктор тоже не оценил шутку, ему было странно, почему одно предложение на английском языке требует нескольких при переводе на русский.

– Что там говорит Слава? – спросил он у меня.

– Он интересуется, как они себя чувствуют после начальной части курса и как провели выходные. Он также добавил, что очень скучает по своей семье.

– Отлично! – обратился инструктор к Славе по-английски. – Скажите им, что мы все скучаем по нашим семьям, но им нужно много работать, чтобы они успешно сдали тест и вернулись домой с сертификатами

оценщиков недвижимости. Тогда семьи смогут заслуженно ими гордиться. Ну, я не сомневаюсь, что они выдержат тест, – ведь все они звезды (*stars*)!

– Боб говорит, что все вы тут звезды, – перевел Слава. – Ну это он явно преувеличил, звезд с неба они не хватают, – это уже он сказал, подмигнув, мне.

Началась лекция. Слава стоял на подиуме, вцепившись мертвой хваткой в края с обеих сторон, – это было видно по тому, как напряглись его вены и на лбу выступили капельки пота. Он был похож на капитана корабля, который должен выстоять бурю на своем мостике, слегка раскачиваясь, словно пытаясь удержать равновесие под напором набегающих слева и справа волн.

– Как я переводил? – спросил он меня в перерыве.

– Как всегда, отлично. А что?

– Мне кажется, несколько раз во время лекции я терял сознание.

– Ну, ты мой герой!

Я понял, что еще несколько дней со Славой, и я начну говорить с ним языком его жены.

После этого инцидента было решено нанять дополнительного переводчика, чтобы облегчить Славе нагрузку. Явилась дама – вероятно, родственница офис-менеджера бишкекского филиала ISMA. Новую переводчицу использовали в основном между лекциями и на практических занятиях. Хотя Славе было обещано, что плата его не будет уменьшена, он относился к женщине как к конкурентке, никогда не упуская случая показать ей свое превосходство.

Впрочем, переводчица была настолько уверена в себе, что Славины саркастические замечания, похоже, не достигали своей цели и не могли поколебать ее *“selfesteem”*. Вспоминаю один эпизод. Инструктор употребил слово *“subpoena”* (повестка в суд), когда обсуждались юридические вопросы, связанные со строительным кодексом США. По-видимому, она не знала, что такое *“subpoena”*, и просто опустила ее в переводе. Тут Слава, который сидел рядом и восстанавливал силы после лекции, понял, что пробил его час. Он остановил переводчицу королевским жестом:

– Слушайте! Я сейчас объясню вам, что означает *“subpoena”*. Это повестка, в которой говорится, что вы должны явиться в суд в качестве свидетеля. И вы ДОЛЖНЫ явиться, черт побери! Точка! В противном случае вас ждут большие неприятности. Это не то, что повестка из вашего ср*ного суда, которой вы можете вытереть задницу и решить вопрос взяткой. В США шутки с правосудием плохи! – и он поднял руку, как будто на миг приняв роль американского судьи. – Когда я был в США, помогал моему другу – кстати, ведущему специалисту по

русской литературе – с переводом одной книги, он тоже как-то получил повестку в суд.

Слушатели были озадачены. Они не понимали, как это может быть, что вопрос нельзя решить при помощи достаточной суммы взятки. Переводчица же приняла удар с достоинством. Она улыбнулась, как принцесса, которой сказали, что булки не растут на деревьях, а появляются в результате некоего сложного процесса.

– Как интересно! Впервые слышу такое странное слово “*subpoena*”.

– Ну конечно, это очень редкое слово. Оно известно только двум людям на этой планете: Бобу и мне! – прокомментировал Слава со слегка сдерживаемым сарказмом. Большинство участников не поняли шутки и с уважением посмотрели на Славу.

Когда мы вечером приходили в нашу квартиру, я имел возможность о многом поговорить со Славой, пытаясь развлечь его и отвлечь от пьянства. Его жена однажды сказала мне, что когда у него случается запой, она старается быть рядом. Стоит ему отлучиться по нужде, она тайком выливает часть водки из бутылки и добавляет воду. Но в своих отношениях со Славой я еще не достиг этой отметки.

Я спросил Славу, не пытался ли он когда-нибудь бросить пить. Он рассмеялся горьким смешком:

– Конечно, я не раз думал об этом, но что ВВ! мне дадите взамен? Походы с семьей в кино по выходным, чтобы смотреть ср*ные фильмы о том, что делают все леди и чего они не делают?! Мне это скучно. Как будто переходишь от цветного кино к черно-белому.

Он рассказал мне историю, как однажды жена отправила его к гипнотизеру, который «переучивал» алкоголиков, вызывая в них смертельный страх к алкоголю. Этот человек жил где-то на Украине, в Запорожье, что ли. Когда Слава приехал туда, он обнаружил, что большинство пациентов были простыми людьми из рабочего класса, они с трепетом смотрели гипнотизеру в рот и верили в его шаманский «заговор». Рассказывали о пациентах, которые погибли, случайно хлебнув водки, думая, что в стакане вода, – возможно, в результате невинного розыгрыша приятелей. По словам Славы, у него сразу зародились сомнения.

– У меня была одна сессия с гипнотизером, и он сказал мне, что отныне, если я выпью даже каплю водки, я умру. Когда я вернулся домой, я сразу купил маленькую бутылку, открыл ее в своем кабинете и налил в стакан. Я подумал – что, если заговор подействует, и я сейчас умру? Я сказал себе: «Неужели мной может управлять какой-то шаман? Человек я или тупое животное? И какой смысл жить, если ты вроде машины, которую могут запрограммировать?»

Говоря это, он налил водку в стакан и поднял, как бы иллюстрируя свою историю наглядным примером. Вены на лбу его набухли, кадык заходил.

- Помню, взял я стакан дрожащей рукой, чуть не расплескал. Но усилием воли я смог преодолеть животный страх, поднес ко рту и выпил залпом. И ничего не произошло. Я не умер! Я позвонил жене: «Твой гипнотизер – шарлатан, его заговор не действует, ступай купи еще водки!»

- Хорошо, Слава, ты убедил меня, что и я должен начать вести себя как человек, а не как тупое животное, – сказал я, выхватил у него стакан и залпом выпил.

В последний наш день в Бишкеке Министерство жилищного хозяйства Кыргызстана устроило банкет. Мы со Славой тоже приняли в нем участие. Славе уже заплатили, и теперь он выказывал абсолютное безразличие как к слушателям, так и к своим работодателям. На слушателей он смотрел с презрением, считая их мелкими бюрократами и плебеями. Когда один из них хотел предложить тост «за наших американских друзей и учителей» и попросил, чтобы Слава перевел, тот довольно грубо ответил, что он, мол, не на работе. Дескать, пейте, ешьте и оставьте меня в покое.

«Я устал от этих идиотов, очень соскучился по жене», – сказал он мне. Я согласился переводить все тосты и старался как мог, хотя, должен признаться, некоторые выражения восточного славословия нелегко поддавались переводу на английской, особенно принимая во внимание, что все, включая меня, успели основательно набраться.

Было уже за полночь, когда мы со Славой вышли из ресторана и направились к автобусной остановке. Кажется, мы препирались, взяли ли такси или пройти пешком. Оба мы вышли не с пустыми руками, у каждого была открытая банка пива. Наверное, мы разговаривали слишком громко, потому что сразу привлекли внимание трех полицейских (молодых киргизов), которые внезапно выступили из темноты. Они спросили, известно ли нам, что распивать в общественном месте не разрешается. Мы сказали, что нет, не известно. Они отметили, что мы уже и так довольно пьяны и поэтому представляем угрозу для общества. С этим утверждением я категорически не согласился. Рассуждал я примерно так: разумеется, есть люди, которые становятся агрессивными, когда выпьют. И мне приходилось встречать множество подобных типов. Но я иной. Чем больше я пью, тем добрее и мягче становлюсь. Когда я пьян, я прощаю своим врагам и хочу жить в гармонии со всем миром, включая полицейских. На самом деле, это они должны защищать нас от прочих граждан, которые могут причинить нам зло, поскольку, будучи нетрезвыми, мы становимся более уязвимы. Я очень гордился своей

речью а-ля Веничка Ерофеев, размахивая руками и время от времени проливая пиво на рубашку. Вдруг Слава меня прервал:

– Илья, с кем это ты разговариваешь? Полиция уже давно ушла.

Я огляделся. Он был прав. Мы были одни на автобусной остановке.

– Я был уверен, что они собираются нас арестовать и запереть на ночь. Вот видишь, мои аргументы на них подействовали.

– Твои аргументы?! Идиот! Развел тут философию! Это я их убедил. Вот что я им сказал: «Верно, мы пили. Но не потому, что мы этого хотели. Мы делали это по приказу Президента Республики Кыргызстан!» И я показал им программу курса, в которую был включен банкет, вот эту самую. И программа говорит, что банкет был организован администрацией президента совместно с Министерством жилищного хозяйства Кыргызстана. Я сказал им: «Мы пили, потому что ваш президент приказал нам». Как только они увидели имя президента в программе, они тут же испарились.

На следующее утро местный водитель отвез нас со Славой обратно в Алматы.

Перед тем как мы покинули квартиру, хозяйка зашла забрать ключи. Когда Славы не было рядом, она сказала мне вполголоса:

– Какая жалость, такой ученый человек – и пьяница!

– Откуда вы знаете?

– Ну, судя по тем пустым бутылкам, которые я нашла, когда приходила убирать прошлым вечером.

Я не стал ей объяснять, что за два дня до этого мы вытащили из квартиры все пустые бутылки, которые смогли найти, и спрятали их в кустах возле дома, что потребовало двух ходок. В Славе иногда просыпался человек с тонкой и застенчивой душой. Бутылки, которые обнаружила хозяйка, по-видимому, были те, что закатились под его кровать.

Всю дорогу домой Слава молчал и выглядел измученным. Выходя из машины у своего подъезда, он улыбнулся и сказал: «Это была неплохая поездка. Дай мне знать, когда я им снова понадобится. Я с вами тут и в самом деле скоро стану экспертом по недвижимости».

Он достал свои сумки, поднялся по ступенькам и с усилием открыл массивную дверь сталинского дома. Я был рад, что привез его домой живым и теперь он поступает в ведение жены.

Прощание

Уехав на учебу в США, я не писал Славе, не знал даже, был ли у него адрес электронной почты. Приехав как-то в Алматы на несколько дней, я зашел к нему. Он сидел точно в том же положении, в своем старом кресле, в котором я оставил его полтора года назад,

погруженный в клубы табачного дыма. На лице его с двухдневной щетиной радость от неожиданной встречи тут же смешалась со скорбью по свежее утраченному переводу. Разумеется, из-за *"run check error"*.

- Каждый раз, когда этот говнюк портит мне работу, я вспоминаю о тебе, - сказал он. - Ну как, хорошо тебе в Америке?

- Да не очень, никто меня не понимает - значит, х*рово ты меня учил.

- Как платили, так и учил, - ответил он с усмешкой, намекая на 250 долларов, которые он отработывал больше года.

В последний раз я разговаривал со Славой (по телефону) лет 15 назад, когда они с женой на несколько месяцев приезжали в Калифорнию для участия в научной программе (его жена выиграла какой-то конкурс). Я в то время учился в аспирантуре в Вирджинии. Слава жаловался, что делать ему там нечего: работы для него нет, а пить врачи строго запретили. Кругом красота, и от этого еще более тошно становится на душе...

А недавно я узнал, что Слава скончался несколько лет назад.

Игорь Мандель – статистик, доктор экономических наук, родился и вплоть до отъезда в Америку жил в Алматы, преподавал статистику в Институте Народного хозяйства, в 90-е годы работал в американских компаниях. В Америке с 2000 года. Занимался статистикой в применении к маркетингу; с 2019 года – президент фирмы *Redviser*. Регулярно публикует научные работы. На русском языке вышли четыре книги иронической поэзии, книга сновидений (в соавторстве) и статьи: <http://z.berkovich-zametki.com/avtory/mandel>; <http://7i.7iskusstv.com/avtory/mandel>. Живет в Fair Lawn, NJ.

Иксы и игреки: гримасы понимания причинности

*Что приход в этот мир для меня означал?
Сколько радостей было моих и кручин!
Бесконечные поиски бесконечных начал.
Бесконечные следствия бесконечных причин.*

Юрий Солодкин

*Здесь время мое затвердело, как грязь,
смешавшись со снегом и градом;
мы этой привычной дорогой не раз
ходили, не думая и не боясь,
не зная, что жили над адом,
который и вырастил нас.*

Виктор Фет. Все так же

*От ложного знания – к истинному
незнанию!*

Владимир Александров [9]

Раздел 1. Игровое. Пинг и понг

Я играю в настольный теннис много лет, но без особых успехов: никогда не занимался с тренером, поэтому и нет почти никаких серьезно отработанных приемов. Скорее всего, мой уровень где-то около первого разряда (того, старого; сейчас – понятия не имею); по американской системе классификации мой рейтинг около 1600–1700 (точнее сказать не могу, так как в соревнованиях не участвую). То есть я могу понять какие-то основные принципы игры, но не в состоянии воплотить их в жизнь для получения серьезных результатов. Но зато играю часто, 3–4 раза в неделю, уже много лет. То есть сам по себе опыт

большой, хотя квалификация не очень высокая. Но достаточная, как кажется, чтобы сформулировать те задачи, которые меня очень занимают. А именно: как объяснить причины, по которым человек выигрывает или проигрывает очко, а затем и целую партию или матч? По размышлению я пришел к выводу, что настольный теннис может служить идеальным примером для разбора вызовов и трудностей причинного анализа любых явлений, тем более что все как-то знакомо с этим видом спорта и не надо тратить время на разъяснения деталей.

Решения о конкретном ударе по шару надо принимать чрезвычайно быстро, пока он летит в твою сторону, ориентируясь, грубо говоря, на оценку трех основных параметров его траектории: скорость (вплоть до 100 км в час); вращение (определяемое направлением и частотой, вплоть до 170 оборотов в секунду), положение шарика относительно стола и относительно тела игрока (число комбинаций тут просто колоссально). При этом если скорость как-то более-менее чувствуется, то вращение может быть весьма запутанным (боковым, верхним и т.д.), и его не всегда можно распознать.

В твоём распоряжении находится огромное количество возможностей, из которых надо выбрать лишь одну, а именно: атаковать или защищаться; если атаковать, то каким образом (слева или справа; с кручением или без; сильно или слабо; в правую, центральную или левую зону стола и т.д.); если защищаться, то как («подрезка», «толчок», «блок» и др.). В работе [6] насчитывают 13 технических способов удара («быстрая атака», «топ-спин», «короткая подставка» и др.) и 9 способов его направленности (*placement*) (типа «короткий слева», «длинный справа» и т.д.), важных для анализа игры профессиональных спортсменов.

На принятие решения влияет, безусловно, твое владение этими приемами – если ты не умеешь делать топ-спин, то тебе и в голову не придет его использовать. То есть чем лучше игрок, тем у него более широкий набор инструментов и, в принципе, больше возможностей выбора. Но это не значит, что он каждый раз «более растерян» – наоборот, с качеством игры приходит опыт быстрой оценки ситуации, и количество его опций, возможно, меньше, чем у плохого игрока, ибо все негодное сразу отсекается. Вопрос этот, впрочем, не изучен.

Параметры ударов противника и твоих собственных зависят самым серьезным образом от используемых ракеток. В них принципиально различную роль играют деревянный (композитный) корпус (*blade*), резина (*rubber*) и губка (*sponge*). Корпус может быть атакующим, защитным или «на все случаи жизни» (*all-around*). Прокладки из губки различны по толщине и упругости и влияют на

все. Резина... Тут трудно подобрать правильные слова. Ведущие фирмы мира обычно оценивают ее по трем параметрам: скорость, вращение, контроль. Каждый параметр измеряется по определенным шкалам, и шкалы разных фирм различаются. На рынке находится явно несколько сотен вариантов резины. Поверхность может быть гладкой или с шипами различной длины. Наличие шипов кардинально меняет отскок мяча, делает его очень неудобным для атакующего возврата. Я, например, совершенно не могу играть с теми, кто использует шипы: не натренировался, ибо это встречается редко. Разная резина может быть на каждой стороне ракетки. Поэтому, например, зная разницу между возвратом гладкой и шипованной резины, надо еще успеть понять, а какой именно стороной ракетки пользовался противник, – задача почти невыполнимая при быстрой игре, когда следишь за мячом, а не за руками. Наконец, ракетку можно держать двумя основными способами – по-европейски (*shakehand grip*) и по-азиатски (*penhold grip*). Стиль игры очень меняется в зависимости от этого. Таким образом, одно только разнообразие используемых ракеток и их особенностей порождает практически бесконечное число комбинаций, к которым, в принципе, хороший игрок должен быть готов.

Игрок полностью контролирует ситуацию только в одном случае – когда выполняет **подачу**. Но даже уже в ней заложен сильный элемент неопределенности: соперник может быть прекрасно готов именно к такому типу подач, и, думая, что подача выигрышная, можно нарваться на очень сильный ответ. После подачи действия предопределены ответом противника и собственными возможностями, что делает игру чрезвычайно непредсказуемой и максимально близкой ко всем прочим игровым ситуациям (включая, например, войну или «игру» с природой), только в ускоренном режиме. В [6] анализируют игру с помощью «троек»: «подача – возврат – возврат», предполагая, что подающий в состоянии вынудить противника вернуть мяч более-менее предсказуемым для него образом и отслеживают число таких выигранных троек. Но совершенно очевидно, что очень часто подачи возвращаются самым неожиданным способом и концепция тройки сразу нарушается. Если этап тройки пройден – дальнейшее снова вступает в фазу чистой взаимной зависимости, то есть эффект подачи (начала процесса) очень быстро исчезает, и процесс становится, как говорят статистики, марковским (зависящим только от предыдущего состояния) или близким к нему.

В идеале для каждой комбинации входных условий должен найтись наилучший вариант ответа, то есть на любой удар противника игрок должен использовать удар с максимальной

вероятностью выигрыша. Некий робот, наверное, мог бы делать нечто подобное, но живой человек – нет. Очевидно, что число входных параметров, требующих учета, фактически бесконечно. Но зато, если бы было возможно посчитать все «входы» приходящего мяча и определить «выход» (то есть ответный удар), можно было бы сказать, в чем причина проигрыша очка (здесь и далее лучше сконцентрироваться на причинах проигрыша, ибо человеку вообще свойственно искать именно такие причины – вспомним аварии, несчастные случаи и т.д.). Причина была бы в том, что игрок ответил не оптимально, а как-то иначе. Можно рассчитать какую-то меру отклонения реального удара от оптимального, тем самым дав причине количественную оценку (например, оптимально было бы делать сильный топ-спин, а сделал слабый блок, и т.д.). Накопив соответствующую статистику для каждого игрока, можно было бы составить план его индивидуальных занятий, направленный на ликвидацию наиболее сильных отклонений ожидаемого от фактического. Возможно, когда-то и будет создан робот, способный учесть все эти обстоятельства и вычислять «объективные причины» промаха по принципу: «Ты не смог отбить мяч, ибо у тебя не хватает таких-то умений. Тренируй именно их!» или «Ты технически был готов отбить правильно, но не сделал этого. Почему?» Но все это, повторяю, в идеале. В реальности же происходит следующее.

В зале, где играют примерно на 12 столах, постоянно раздаются то восторженные, то – куда чаще – ругательные возгласы. Восторженные (*Nice! Excellent point! What a ball!*) – реакция на успешные удары противника, которые восклицающий не смог отбить; ругательные (*Shit! What the hell! I'm an idiot!*) – на самого себя, когда игрок сам не смог забить. В обоих случаях речь идет о потере мяча, но никогда не слышал, чтобы ругали противника, и очень редко – чтобы хвалили самого себя. На уровне неконтролируемых эмоций люди отражают причинную картину происходящего. Когда противник неожиданно сделал прекрасный удар из, казалось бы, очень неудобной позиции, а я не смог его взять, – я, несмотря на досаду, не склонен приписывать эту неудачу самому себе, но приписываю ее противнику: это его заслуга, а не мой промах. Если же, наоборот, я не смог забить очень высокий мяч возле самой сетки – я приписываю эту неудачу самому себе и ругаю себя последними словами. Эти паттерны атрибуции причинности в высшей степени устойчивы; я практически не видел людей, которые вели бы себя иначе. Есть очень сдержанные игроки, но и они (куда реже) восклицают именно в этом смысле – ругают себя.

О чем говорит такое поведение? По сути, о том, что есть некая шкала, по которой причинность «перетекает» из одного состояния в другое: существует весьма широкая нейтральная зона, где никаких

особых эмоций потеря мяча не вызывает (я сделал все правильно, но чуть-чуть не дотянул; ну и ладно, хотя обидно; вопрос о причине внутренне не ставится), а есть две крайние зоны, где, наоборот, причина ясна – если я не забиваю очевидные мячи или если пропускаю не берущиеся. Таким образом, проблема атрибуции причинности решается радикально по-разному, в зависимости от ситуации, хотя, казалось бы, этого не должно было быть.

Итак, игроки делают причинную атрибуцию сами, примерно так, как описано выше. Можно ли создать систему распознавания «настоящих» причин проигрыша, если предположить, что все то огромное количество параметров, о котором шла речь выше, реально известно и измерено. В конце концов, именно это требуется, чтобы правильно организовать тренировки. Как выясняется, профессионалы видят проблему иначе. В наиболее серьезном, как мне известно, исследовании [6] (некоторые авторы его не только ученые, но и игроки очень высокого класса, входили в национальные команды Китая) делаются весьма осторожные рекомендации. Вот единственный совет для чемпионки мира *Ding Ning*: встречать подачу топ-спином, направленным в дальнюю часть стола. То есть совет не касался различной реакции на различные ситуации, а носил очень универсальный характер.

То же самое можно сказать о практике тренировок вообще, без анализа данных и статистики. Что делают спортсмены по 8–10 часов в день? Отрабатывают несколько типичных ударов и подач, доводя их до совершенства. Когда тренер «ставит руку», это означает, что игрок может выполнять, например, «накат справа» десятки или сотни раз подряд, направляя мяч справа направо. Подобное умение еще вовсе не гарантирует успеха в реальной игре, где никто не будет возвращать мяч так же стабильно, как на тренировках. Тем не менее, оно необходимо, хоть и недостаточно. Я не раз выигрывал у противников с прекрасно поставленными классическими ударами, но с плохой реакцией на неожиданные ситуации. При прочих равных условиях (а где они, эти знаменитые «прочие»?) успех – вопрос индивидуального таланта, который сложно «натренировать».

Но проблемы огромного разнообразия входных условий, хотя и сильно снижаются тренировками однообразных ударов, все равно выходят наружу. Называется это, в широком смысле слова, «разнообразием стилей». При любой квалификации игрока ему время от времени попадаются исключительно неудобные соперники – почти наверняка это проявляется в том, что в каком-то конкретном аспекте этот соперник лучше него. Этим, наряду с простой случайностью, объясняется так называемая «нетранзитивность» различных соревнований, когда *A* выигрывает у *B*, *B* выигрывает у *C*, а *C*

выигрывает у А. К сожалению, мне не удалось найти надежных оценок нетранзитивности в настольном теннисе (хотя имеется неподтвержденное мнение о 30% всех результатов, что очень много), но многие примеры говорят сами за себя: первый игрок мира вдруг проигрывает 71-му, второй – 95-му, третий – 131-му и тому подобное. Поскольку речь идет о матчах из семи партий, это трудно приписать какой-то случайности (как, например, в футболе, где единственный гол может решить судьбу игры). Что-то мешало чемпионам – скорее всего, некие странности более слабого противника.

Попробую свести воедино те выводы, которые можно сделать из анализа настольного тенниса как некоей общей схемы понимания причинных отношений:

каждое событие (удар) происходит как следствие огромного количества малопонятных и трудно измеримых факторов;

несмотря на наличие строгих правил игры, поле действий для игроков внутри этих правил чрезвычайно широко;

персональная атрибуция причин неудачи имеет сильную эмоциональную окраску;

персональная атрибуция одного и того же события (проигрыша) легко перепрыгивает с объекта на объект в зависимости от воспринимаемой ситуации;

объективная атрибуция причин не может быть произведена детально и сводится к очень общим факторам даже в наиболее продвинутых исследованиях;

наличие нетранзитивности в результатах соревнований сигнализирует об отсутствии каких-то монотонных (тем более линейных) функций причинности

Раздел 2. Человеческое. Атрибуция причин

Люди занимаются причинными атрибуциями постоянно, в той мере, в которой вообще возникает нужда что-либо объяснить. И делают это с необыкновенной легкостью, как правило, не задумываясь, верно объяснение или нет. «Бытовая причинность», если она касается повседневных вещей, обычно верна (типа «борща не будет, потому что нет мяса»), но как только суждения становятся более абстрактными, уровень ошибок обычно возрастает. Так, все расовые или национальные стереотипы можно смело относить к примерам неверной причинной атрибуции, а политические или экономические суждения будут зависеть от уровня понимания говорящего

(пишущего), но в любом случае почти никогда не могут выдержать критерия серьезной проверки по целому ряду причин (о чем ниже). Даже если не вдаваться в специфику научных критериев проверки (см. раздел 4), какие-то из противоположных объяснений не могут быть верны (а противоположные объяснения существуют всегда). Есть ли способы установить правдивость атрибуции, которая, в конечном счете, всегда делается людьми (об искусственном интеллекте немного речь пойдет в разделе 5)? Таблица внизу показывает разные варианты ситуации.

Атрибуция причин с позиции того, кто ее делает

		Верная	Неверная
		1	2
Сделана			
Беспристрастно	A	A1	A2
Заинтересованной стороной	B	B1	B2

Содержимое ячейки **A1** в статье не рассматривается – на этом основывается вся человеческая цивилизация; если бы не было правильного установления причин явлений в науке, технике, медицине и т.д., ничего вообще бы не было. Проблемы – в других ячейках. Отмечу лишь, что сюда же, наверное, относится и пример из настольного тенниса, который иллюстрирует эмоциональную атрибуцию – может быть, неверную (а кто, впрочем, знает?), но совершенно честную. Присваивать атрибут истинности эмоциям всегда трудно. Когда один рабочий говорит другому, уронившему ему за шиворот со второго этажа включенный паяльник, «Вася, ты не прав!» – он производит вполне корректную причинную атрибуцию в излишне эмоциональной форме, опуская длинную цепь аргументов («Мне больно из-за паяльника, который Вася выронил по своей неосторожности, – вот поэтому он не прав»). Но он может и ошибаться, если сам оставил паяльник не там, где надо.

A2 – «честно, но ошибочно»: человек не стремился ничего исказить, ничто (и никто) не подталкивало его сделать неправильное решение, но он ошибся. Такого полно в текущей жизни («думал, что жемчуг мелок, а оказалось, что щи жидкие»), но особенно значимы такие ошибки в науке и других областях, где верность атрибуции играет принципиальную роль.

В рамках этой парадигмы честности следует выделять далее два типа заблуждений: рациональные и иррациональные, хотя грань между ними не всегда легко провести. Яркий пример рационального научного заблуждения дан в [12, с. 661–662].

В период, когда генетика только вставала на ноги, сторонники эволюционных взглядов Жана Ламарка всячески старались экспериментально подтвердить правильность концепции передачи приобретенных признаков по наследству (сейчас стало ясно, что такое, действительно, иногда случается, и бурно развивающаяся эпигенетика занимается этим вопросом). Иван Павлов в своем институте тоже пробовал провести эксперимент – как всегда, изучая столь любимые им рефлексy. Но не лично, а руками одного молодого сотрудника. Тот установил, что если первое поколение мышей вырабатывает рефлекс на звонок после 300 повторений, то пятое – всего после пяти, то есть идет явное закрепление приобретенного признака, о чем довольный академик и доложил в 1923 году изумленной научной общественности в Эдинбурге. Общественность сильно не поверила прославленному Нобелевскому лауреату. Павлов поручил повторить эксперимент другому, куда более опытному сотруднику. Тот показал полное отсутствие эффекта. Что же случилось в первый раз? Отнюдь не подтасовка результатов (что иногда в науке тоже бывает). Просто первый сотрудник сначала ставил эксперименты не очень чисто, а потом – все лучше и лучше, по мере собственного обучения. Закреплял навыки он, а не мыши. Именно качество эксперимента влияло на поведение мышей, а не их наследственность. Павлов немедленно опубликовал опровержение и твердо поверил в генетику, даже распорядился установить бюст Г. Менделя в своем институте (потом его, конечно, сняли за приверженность менделизму, но это другая история).

Такого рода заблуждениями усеяна история науки – от правдоподобной, но неверной теории Птолемея до еще более правдоподобной, но тоже неверной теории эфира. Самый грандиозный пример неверной причинной атрибуции в социальных науках – теория Маркса, который построил совершенно умозрительную схему настолько мастерски и убедительно, что она продолжает морочить людям голову до сих пор, несмотря на все факты, ее опровергающие. Интересно, что со временем искренняя убежденность Маркса и Энгельса переросла в оппортунистические модификации Ленина и Сталина, а потом – в заведомо нечестные политически мотивированные заклинания Брежнева или Андропова, то есть атрибуция переползла из **A2** в **B2**. Другой пример честной и «рациональной», но совершенно ошибочной атрибуции причинно-следственных связей в гуманитарной области настолько любопытен, что я отвел ему целый раздел 3.

Если с рациональными ошибками можно как-то бороться рациональными же методами, то как победить нечто пусть честное, но иррациональное? А его много, слишком много. Я хорошо помню, что

главным аргументом для поступления в экономический вуз было то, что мою любимую физику надо было сдавать очень рано, после чего образовывался целый месяц для поездки на Иссик-Куль, а чтобы поступать в политехнический, надо было сдавать менее любимую математику и гораздо позднее (на месяц, что ли). Я выбрал купание – и до сих пор пожинаю плоды. Так в чем причина моих занятий до сих пор статистикой? В желании поскорее поехать на озеро?

Подобные решения случались не только со мной. Один из лежащих на поверхности феноменов иррационального поведения – азартные игры в целом и лотерея, в частности. Это гигантская индустрия с годовым оборотом в США порядка 93 миллиардов долларов, в которой многие миллионы людей покупают лотерейные билеты с шансом выигрыша от, скажем, одного на миллион до одного на 300 миллионов. Назвать это рациональным поведением трудно, хотя некоторое оправдание (рациональное) и можно подыскать. А именно: математическое ожидание выигрыша (произведение вероятности на величину) не такое уж маленькое – например, при максимальном в истории главном призе (*jackpot*) в ноябре 2022 года \$2.9 миллиарда оно чуть больше 10 долларов, что при стоимости билета от 2 до 3 долларов выглядит не так уж плохо. Сомневаюсь, что покупатели билетов делали такие расчеты (тем более что в момент покупки реальная величина *jackpot* неизвестна), но, тем не менее, это можно признать «полурациональным» поведением. Другой элемент полурациональности здесь в том, что сам по себе азарт имеет некое, пусть не денежное, значение для человека.

Иррациональностью в чистом виде занимается «поведенческая экономика» (*behavioral economics*). Исследователи обнаружили множество случаев, где люди ведут себя экономически иррационально в самых заурядных, казалось бы, ситуациях. Вот лишь один характерный пример психологического эксперимента [29]. Человеку предлагаются следующие варианты проведения медового месяца: Париж с бесплатным завтраком, Рим с бесплатным завтраком и Рим без завтрака. Большинство людей выбирают Рим с бесплатным завтраком.

Объяснение заключается в том, что проще сравнить два варианта Рима, чем Париж и Рим. Проявляется так называемый «эффект отвлечения или приманки» (*decoy effect*): люди склонны к определенному изменению предпочтений между двумя вариантами, когда им одновременно предоставляется третий вариант, который путает предпочтения, сдвигает их в несущественную сторону (Рим без завтрака, в данном случае). Этот эффект является «секретным агентом» во многих решениях. С позиций анализа причинности здесь важно отметить, что внимание при наличии приманки полностью

переключается от важных обстоятельств (один город против другого) к совершенно второстепенным – завтрак или нет. Простота побеждает субстанцию. Представляете, сколько таких «секретных агентов» было во всяких исторических событиях, которые мы стараемся разгадать?

«"...не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи́м ляхам!" И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком. . . А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи», – как заметил однажды Николай Васильевич.

Подобными экспериментами с разной степенью иррациональности в принимаемых решениях полна психологическая и экономическая литература последнего полувека. Она убедительно свидетельствует, что люди в своих действиях упорно не хотят соблюдать правила произведения вероятностей, не считают собственных денег и даже не ведут себя в соответствии с теоремой Байеса – хотя, казалось бы, как можно? Они проявляют удивительную неспособность мыслить правильно и логично в простейших вроде бы экспериментальных ситуациях, и уж тем более в реальных. Количество так называемых «когнитивных искажений» (*cognitive biases*) огромно. Присвоение Нобелевских премий по экономике Д. Канеману (2002) и Р. Талеру (2017), наверно, говорит о том, что потихоньку происходит признание экономистами этой области знаний, которая демонстрирует, что классическая модель «рационального экономически мыслящего индивидуума» неверна. А раз так, то что говорить о правильной причинной атрибуции, когда даже элементарные решения принимаются неверно на подсознательном уровне?

Это мы рассуждали об иррациональности обычных людей, чаще всего студентов, на которых ставятся эксперименты. А что с ней происходит, когда люди поднимаются по какой-то иерархической лестнице? Она что, исчезает? Конечно, нет. Но приобретает иное звучание, ибо у человека появляются дополнительные интересы. Что и передвигает нас в ячейку **B2**.

Область **B2**, в которой люди дают оценку причин явлениям и процессам, но заинтересованы в том, чтобы давать эту оценку неверно, поистине неисчерпаема. Проблема в том, что люди всегда имеют какие-то интересы – даже ученые, которые, в принципе, должны беспристрастно попадать в ячейку **A1** или, на худой конец, **A2**. Интересы, в свою очередь, проявляются либо явно, либо неявно. Скажем, видный деятель демократической партии заявляет, что причиной очередного торнадо является антропогенная катастрофа, что надо немедленно ликвидировать выброс углекислого газа в атмосферу – тогда торнадо назавтра и прекратятся. Его интересы, как

представителя правящей партии, которая, безусловно, поддерживает всю эту климатическую программу, прозрачны, и ждать от него правдивой оценки ситуации не приходится. Аргументы, говорящие о естественном характере потепления [30], он отметет, не выслушав. Ну ладно, это политик, ему положено.

Но ведь и большинство ученых, которые, в принципе, должны быть совершенно объективны, поддерживают антропогенный тезис. Каковы их (безусловно, уже скрытые) интересы? Совсем иные – гранты, поддержка коллег, научный престиж доминирующей точки зрения, карьера, немислимая в случае поддержки альтернативной теории... Есть ли другие точки зрения насчет причин роста температуры на Земле? Безусловно. Но и их носителей тогда начинают обвинять в том, что они «служат нефтяному лобби» и пр. Я рад заметить, по крайней мере, что у авторов [30] ни малейших интересов не было (знаю точно; они на бензоколонке не работают). Но как часто такое можно сказать о ком-то?

И это ставит перед нами проблему чрезвычайной важности: в любом причинном объяснении какого-то важного вопроса необходимо отделить влияние интересов от «истины». Но как это сделать? Да и можно ли это сделать? Чем важнее проблема – тем сильнее интересы, тем сложнее произвести нужное расщепление. А если за этими интересами стоит нечто вообще нерасщепляемое – например, пролитая кровь? Но ведь история человечества – это, по преимуществу, и есть пролитая в огромных количествах кровь. Причинные объяснения чего бы то ни было будут рассматриваться с позиции противодействующих сторон. И дело не только в том, что «история пишется победителями». А в том, что побежденные никуда свою историю не выкидывают (если живы, конечно).

Более ста лет бытуют две полярные точки зрения на массовые убийства армян в Турции в 1915 году. Само наличие огромных жертв вроде не оспаривается ни одной из сторон, хотя цифры сильно разнятся. Но споры идут по поводу определения – считать это геноцидом или нет? Геноцид предполагает наличие целенаправленной политики убийства определенной группы по расовому, этническому или религиозному признаку. В Западном мире считается, что именно это тогда и было. В Турции – что нет, никаких указов не поступало, было переселение восставших во время войны армян, а там они как-то померли по дороге. Не так давно и в США появилась книга примерно такого направления [31]. Не вдаваясь в суть спора, можно сказать одно – налицо две противоположные причинные интерпретации события. Как примирить подобные взгляды? Кто именно будет это делать? Ставки слишком велики, чтобы служить только истине.

Повсеместное присутствие интересов приводит к тому, что уже не видят ничего, кроме этих самых интересов. Знаменитая фраза «ищи, кому это выгодно» становится волшебным ключиком, якобы открывающим любые двери. В этом – основа конспирологических теорий. Людей такого рода невозможно сдвинуть с места. Я тоже не буду здесь этим заниматься. С искажающим влиянием интересов надо бороться теми же способами, что всегда – устанавливать факты и пробовать определить реальные, а не фиктивные силы, порождающие процессы и явления.

И пара слов о роли иррациональности в ячейке **B2**. Она здесь та же, что и ранее, то есть очень велика, но тут она более опасна по простой причине: поскольку люди, занимающие высокое положение в социально-экономической иерархии, имеют огромные интересы, цена их иррациональных ошибок может оказаться чрезвычайно высокой. Самый наглядный пример – текущая война в Украине.

Неожиданное начало войны хоть и выглядело безумием для миллионов людей, могло иметь для Путина некое рациональное объяснение (конечно, в рамках той бандитской системы координат, в которой он живет): прибрать к рукам нагло стремящуюся на Запад страну и показать, кто в «славянском доме» хозяин. Но позже, по мере того как ситуация становится яснее, это поведение теряет все признаки рациональности. Уже ясно, что войну не выиграть. Уже ясно, что Россия ввергнута в глубочайшую яму. Уже ясно (особенно после «мятежа Пригожина»), что в стране нет ни одной значимой для Путина силы, которой эта война была бы выгодна, – все были бы счастливы, если бы она внезапно кончилась. И вроде бы рационально искать выход, какой-то золотой парашют, для себя и друзей, и т.д. Но нет, война продолжается с тупым упорством и гибнут новые тысячи людей.

Приведу пару примеров, в которых явно присутствуют интересы сторон, но и существуют сравнительно легкие способы вскрытия причин – не так, как в крайних ситуациях выше. Эти способы одновременно имеют методологическое значение для систематического изучения причинности (об этом – в разделе 4).

В 2019 году небольшой (около 80 тысяч) город Эванстон (штат Иллинойс) принял впервые в США закон о выплате своим черным жителям репараций, связанных с их угнетенным положением в прошлом. Среди принятых законодательных актов была резолюция от 6/5/2019 «Обязательство по прекращению структурного расизма и достижению расового равенства». Мотивация решения излагалась так:

«...правительство разрешало и увековечивало расовое неравенство за счет использования многих инструментов регулирования и политики.

Некоторые примеры могут включать ... использование законов о зонировании, поддерживающих «красное районирование» (redlining), сокращение муниципальных инвестиций в чернокожее сообщество и предвзятость в государственных службах».

Тема, связанная с *redlining*, очень популярна в масс-медиа. Сейчас в Калифорнии обсуждается проект, согласно которому планируется потратить на репарации 800 миллиардов долларов (!), по 1.5 миллиона долларов на человека (против скромных 25 тысяч в Эванстоне). Неправильное зонирование тоже используется в качестве одного из главных аргументов (двойная ирония в данном случае еще в том, что Калифорния никогда не была рабовладельческим штатом). Смысл *redlining*, впервые возникшей в 1930-е годы в *FHA* (*Federal Housing Administration*, ответственной за страховку жилищных займов): районы города делились на четыре типа зон по уровню рисков, связанных с выдачей кредитов на жилье. Риск в «красной» зоне *D* был максимальным (и, соответственно, получить там займы было наиболее трудно, а *FHA* вообще отказывалось выдавать в них страховку); большинство черных и других меньшинств жило именно в таких зонах.

Я не буду рассматривать аргументы «за» такую практику и «против» нее, тем более что она давно юридически отменена; у меня куда более узкая методологическая задача. 27 июня 2023 года в *Wall Street Journal* появилась большая статья Джейсона Райли [5], известного консервативного журналиста (между прочим, чернокожего). Прочитав множество ссылок на *redlining* как на причину того, что надо платить репарации, он заканчивает статью следующим невинным замечанием:

*«Согласно исследованию Национального бюро экономических исследований 2021 года ... хотя более высокий процент чернокожего населения проживал в районах, отмеченных красной чертой, большинство жителей районов, где *FHA* отказалось страховать ипотечные кредиты, не были черными. "В нашей выборке более 95% чернокожих домовладельцев жили в зонах *D* с самым низким рейтингом", – обнаружили они. "Тем не менее, подавляющее большинство (92%) всего населения, владеющего домами, было белым". Если быть жертвой *redlining* – это право на возмещение ущерба, то каковы аргументы в пользу исключения белых?»*

Да, конечно, никаких. Но я привел эту историю не для демонстрации более чем спорной логики обоснованности репараций (на эту тему написано очень много [11]), а для показа следующего факта. Сторонники идеи репараций рассматривают *redlining* как причину невзгод и основание для компенсации, ибо считают, что зонирование связано с расой. Но факты говорят о том, что *redlining* связан с уровнем дохода, преступностью и другими факторами,

которые определяют уровень риска, – именно поэтому в плохих зонах подавляющее большинство белых. Раса в данном случае является маскирующим, запутывающим фактором. Его легко принять за причину дискриминации (что люди и даже суды делают по политическим мотивам), но истинная причина зонирования совсем в другом. Если бы измерения были сделаны на уровне индивидуумов, раса не играла бы никакой роли в том, какой район попадал бы в красную зону, не была бы «прогнозирующим фактором» для отнесения людей к зонам. А доход или низкое образование – были бы. Этот пример служит хорошей иллюстрацией того, как легко при анализе сложных явлений принять причину за следствие, белое за черное – и наоборот. Особенно если очень хочется.

Другой свежий пример такого же рода по еще более важному вопросу. 29 июня 2023 года Верховный суд США принял решение, фактически отменяющее практику *affirmative action* в системе образования (на русский удобнее перевести как «позитивная дискриминация»), в рамках которой некоторые меньшинства, в основном черные, получали преимущества при поступлении в университеты. Не вдаваясь в сложные подробности и запутанную историю (достаточно сказать, что в первоначальных формулировках 1960-х, когда появилась *affirmative action*, предполагалось отсутствие дискриминации вообще, а не позитивная дискриминация), можно лишь констатировать, что это решение вызвало бурю возмущения в либеральных кругах. Президент Байден на вопрос журналистки об этом решении ответил, что это «ненормальный суд» (“*This is not a normal court*”), имея в виду, что шесть из девяти судей являются республиканцами, а решение было принято четко по партийной линии (6:3). Это предполагает, что причиной такого решения (как и других, из-за «ненормальности суда») является партийная принадлежность судей. Однако простой взгляд на статистику принимаемых решений говорит, что это не так. За текущий период (с октября 2022 года) «50% решений Верховного суда были единогласными; в 89% решений в большинстве находился хотя бы один либеральный судья. Только в 8% случаев решения принимались в соответствии с партийной принадлежностью судей». То есть опять «затуманивающий фактор» – партийная принадлежность судей – выдается (исключительно по политическим соображениям) за причину явления, в то время как в реальности играют роль совсем другие обстоятельства.

Как было замечено однажды философом А.Неделем, «любая фраза политика не может не быть ложью» (цитирую по памяти). Несмотря на очевидную гиперболизацию, у такой оценки есть основание хотя бы по очень простой причине: огромная часть

политической работы базируется на закрытых от публики материалах – данных разведки, дипломатии, тайных планах и т.д. Об этом нельзя говорить. А когда об этом молчат, то поневоле возникает неправда, хотя бы минимальная «ложь умолчания». Но эта тема бесконечна, и я не буду в нее углубляться; за последние десятилетия ничего принципиально не изменилось ([13], [14]).

Неверная атрибуция типа **B2** является в какой-то мере органичной для любого социального устройства. В демократическом обществе, где идет острая борьба партий, просто хорошим тоном считается объяснять одно и то же разными способами, в зависимости от партийной принадлежности, в духе примера с высказыванием Президента Байдена о Верховном суде. Этому способствует тот факт, что практически все явления имеют как минимум две стороны, и всегда можно подчеркнуть одну и проигнорировать другую. Допустим, рынок растет, но растет и инфляция, а у власти демократы (как сейчас в США). Тогда республиканцы будут говорить, что причиной плохого экономического положения страны является инфляция, и будут игнорировать то, что рост рынка – вещь очень приятная для миллионов держателей акций; демократы же будут говорить, что, мол, рынок растет, и нет никаких причин считать экономику плохой. Такого рода рассуждения переполняют медийное пространство. Естественно, существуют и объективные оценки профессионалов, но я сейчас говорю не о них, а о наиболее популярных способах неправильной атрибуции причин событий.

А в авторитарном обществе, где право на обнародование имеет лишь одна правильная идеология, неверная атрибуция встроена в саму суть режима, который лжив по определению, без всякой гиперболизации. После кошмара ежедневных убийств в Украине, с которым невозможно смириться, самое тягостное, самое непереносимое впечатление от того, что происходит в последние «500 дней войны» в России, – это ожившее напоминание о факте лжи, вставшем во весь рост. Гнусная ложь, основанная на трусости, пропитывает все общество. Раз бесконечно врет власть – ей не может не подыгрывать «народ». Путин сердечно благодарит народ и армию за «бескорыстную поддержку в тяжелую минуту мятежа», когда в реальности и те и другие палец о палец не ударили, замороженные происходящим и ждущие, на какую сторону переметнуться. То есть причина успеха – в поддержке армии и народа. Это – если сегодня. Но если завтра – то «предатель» Пригожин перетирает с начальством в Кремле подробности дальнейшего бизнеса; он уже не предатель. Убитые по ходу великой, хоть и короткой смуты люди списаны со счетов; война и все прочее идет своим чередом. На народ опять картинно шпонули, народ опять коллективно утерся, закон опять

деликатно промолчал. Пинг-понг, но очень своеобразный: если игроки – это власть и народ, то пинг делает власть, а понга надо ждать очень-очень долго.

«У моего народа – какие глаза! ... Что бы ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в минуту любых испытаний и бедствий – эти глаза не сомрут. Им все божья роса...» – заметил как-то Веничка Ерофеев. Знал, поди, о чем говорил. Вот и социологи подтверждают [34]:

«Наша исследовательская находка довольно печальная и при этом системная. Она говорит, что уровни информационной развитости и эмпатии настолько низки, что люди живут в каком-то своем мире, их ничего не касается... мы уточняли – поддерживают ли они эти атаки (на инфраструктуру Украины зимой. – И.М.) или нет. 70% поддержали».

При этом опрос проводился среди жителей трех приграничных с Украиной областей, которые уже много всего повидали к июню 2023 года...

Просто оторопь берет. Но зря. Я ведь прекрасно помню советские годы, когда лишь привычность действий и умственная инертность не позволяли (мне, во всяком случае) распознать океан лжи, на котором выстроен режим: «...не зная, что жили над адом, который и вырастил нас» (см. эпиграф). Но ведь сейчас-то знают! Вот где вопрос! Вот где главная тоска! От бандитов во власти ничего не ждешь, с ними все ясно. Но чего-то ждешь от остальных. Чего? Какой магический кристалл поможет отличить «хороших русских» (кроме тех, кто сидит по лагерям или уехал из страны) от всех прочих? Ведь как только власть сменится, число их неизмеримо возрастет, то есть тогда не поймешь. А сейчас? Сейчас они просто живут, ходят на службу, платят налоги, на которые покупается оружие убийства, не говорят о войне (это и неприлично, и опасно), куют защитную моральную оболочку, каждый сам себе, как может.

Страх. Причина причин. Самая примитивная, самая древняя. Демократические общества отличаются от авторитарных на глубинном уровне, кажется, лишь тем, что, во-первых, страх ограничивается такими сравнительно невинными вещами, как общественное порицание, отмена в социальных сетях, потеря работы (хотя и такого более чем достаточно для потрясающего конформизма [15]), а во-вторых, он немедленно, без всяких промежуточных ступеней, переходит в фазу ареста, избиения, потери здоровья и смерти. Ставки куда выше. То есть надеяться не на что, народной демократической революции не будет. Разве что сверху задуют новые ветры. Но Горбачев не может родиться еще раз. А Путин или Пригожин – элементарно. Оставь надежду, всяк туда глядящий.

Откуда эта безнадежность? В чем ее причина? От Орды с ее абсолютной и жестокой иерархией, которая переродилась в Российское государство, как считают М. Эпштейн [16], Б. Акунин и многие, многие другие? Или все началось гораздо раньше и никуда вообще не перерождалось, как думает К. Кустанович [17]? По его мнению, ключевым событием было принятие Византийской ветви христианства, которое сразу была крайне враждебно Европе и, стало быть, просвещению, цивилизации, латинскому языку (носителю образованности) и пр. А вторым фундаментальным фактором было наличие крестьянской общины, которая просуществовала фактически до 20-х годов XX века, а потом сменилась колхозами. Так как в ней жила подавляющая часть населения страны – именно там веками формировалась та культура «жизни по понятиям», а не по закону, которая столь ярко проявляется сейчас. Именно там формировалась эта осторожная позиция «моя хата с краю», которая до сих пор определяет жизнь миллионов людей.

Трудно ответить на такие «откуда?» и «почему?». Трудно, потому что история России – уникальный тысячелетний феномен, который надо рассматривать либо «изнутри» (о чем шла речь выше), либо «снаружи» – в сравнении с другими странами. Но «изнутри» – мы строим заключения в огромной мере лишь на догадках и спорных тезисах (вспомним проблемы атрибуции причин отдельной неудачи в настольном теннисе), а «снаружи» – мы вынуждены находить какой-то общий язык для сравнения порой совершенно разных стран и цивилизаций, чтобы набрать «статистический ансамбль» (множество таких интернациональных сравнений делалось, но в них вопросов больше, чем ответов). О сложностях причинных атрибуций в их индивидуальной и статистической упаковках будет сказано в разделе 4.

Что касается клетки **В1** – правильная атрибуция, сделанная даже при наличии каких-то интересов, – не буду на этом специально останавливаться (как и на клетке **А1**). Такое, конечно, бывает, и весьма часто, но, как и любая правильная атрибуция, это не есть предмет моего рассмотрения.

Раздел 3. Гуманитарное. Глубокое бурение

Статья [7], посвященная разбору книги [8], является ярким примером глубокого филологического и психологического анализа литературного произведения, выполненного современным языком, по

всем правилам постмодернистского канона. Сама книга [8] представляет собрание снов (или историй, придуманных на базе снов) и всевозможных прозаических и стихотворных комментариев к ним, написанное тремя авторами – русскоязычными учеными, живущими в США. Поскольку статья [7] вышла на английском, приведу некоторые фрагменты из нее на русском в собственном переводе, опуская многочисленные ссылки авторов статьи на другие источники; все подчеркивания принадлежат мне.

«Часть 1. «Эвакуация в сон» как «эвакуация в текст» (механизм смещения травматического содержимого).

Эмиграция как своего рода этап инициации в судьбе иммигранта, когда жизнь как будто начинается с нуля, типологически определяет эмигрантский текст как структуру включения в социальные слои нового для них общества, происходящего преимущественно на бессознательном уровне...

Неизбежная матрица архаичности в истории зарождения эмигрантской письменности... обычно провоцируется различными комплексами (нереализованными желаниями) и фобиями (страхами). Набор эмигрантских неврозов (от ананкастического синдрома, заменяющего разного рода страхи неудачи, до параноидальной мании преследования) характерным образом связан с брешией в системе безопасности лица, оказавшегося вдали от своего «племени» (kin).

В. П. Руднев пишет: «При обсессивно-компульсивном неврозе есть символическое повторение прошлого, блокирование течения жизни». Нелинейная, запутанная, мифологическая модель книги [8] близка по своему жанру к повторам в фольклорных текстах, призванных облегчить постоянное эмигрантское беспокойство.

Ананактическое, архаичное ритуальное (антисобытийное) сознание персонажей, которые записывают, анализируют и обсуждают свои сны, обусловленные страхом перед неизвестным будущим, актуализированным в новой среде, наполняет сборник интертекстуальными формулами отсылки к русской и мировой классике, список которых чрезвычайно широк: Борхес, Кафка, Набоков, Фрейд, Пелевин, апостол Павел и, конечно же, Пушкин, Достоевский и др.

Классика замедляет, «консервирует» время: в ней пахнет стабильностью и твердостью, временно усыпляющей экзистенциальную тревогу эмигранта, так как «сон и реальность представляют собой континуум» ...

Часть 2. Инициативная мания преследования (delusions of persecution).

...Паранойя семиозиса сна ... ищет повсюду скрытые мотивы, тайные цели, проникающие в сознание персонажей интимные страхи... – например, страх «быть голым на работе». В то же время параноидальный дискурс

страшных снов, господствующих в коллекции (потеря кошелька, опоздание на поезд, позор перед своим боссом и др.), ... есть искажение социально-философских систем покинутой родины ... «в самом центре вражеского штаба».

Привязанность к мировой культуре как к предлогу соответствует стадийности инициации, когда посвященный уходит как бы в «хтоническую мертвую зону», где он «встречается» с душами его предков; где останавливается время и имеет место подготовка к скачку статуса (социализации в стране эмиграции).

Вследствие сложностей межличностного общения (одиночество, замкнутая среда общения, языковой барьер и др.) параллельно с временной десоциализацией эмигранты подвергаются процессу десемантизации – преобладания плана выражения над планом содержания. Отсюда вытекает наличие языковых двусмысленностей, поэтических комментариев в сборнике... создание новой речи..., часто с трудным для понимания значением: м/орфеология, набоколюбы, кафкофилы, навуйно и другие.

...Лейтмотив образов сна в коллекции этих трех авторов – «деньги и бабы». Денег мало, и с женщинами это «не работает», потому что женщина в ситуации эмиграции является трансцендентным явлением и выступает главным призом для тех, кто уже прошел «инициацию».

Психоанализ установил прямую корреляцию между диалектикой преследования и гомосексуальным дискурсом...

С этим постмодернистским текстом литературоведу легко работать, поскольку авторами самоанализ уже сделан, сквозные темы, которые волновали их на протяжении всей писательской жизни, были идентифицированы: происхождение и гибель творческого, сознание, подавление свободы, тема уязвимого автора, тема потустороннего.»

Из приведенных цитат складывается ясный образ авторов книги. Если очень кратко, все трое спящих и комментирующих свои сны обладают следующими чертами:

- у них серьезнейшая травма в сознании, связанная с их трагическим эмигрантским статусом;

- они находятся в процессе «инициации» (главный термин статьи), то есть перехода от одного состояния к другому, более высокому, к чему они стремятся;

- они полны *неврзов*, в том числе обсессивно-компульсивных, «постоянного эмигрантского беспокойства», чувствуют себя в опасности; у них «экзистенциальная тревога эмигранта», мания преследования, паранойя, комплекс Эдипа и тому подобное;

- у них десоциализация, языковой барьер, нехватка денег; они заиклены на *сексе*, в том числе на скрытом гомосексуализме.

На мой взгляд, все это – убедительная реконструкция образа авторов, сделанная профессиональными мастерами беспощадного литературоведческого и психологического анализа. Я читал множество статей такого рода и могу подтвердить, что эта ничуть им не уступает.

У меня лишь одно скромное возражение – все это абсолютно не так. Знаю точно, так как сам являюсь соавтором книги. Тот редкий случай, когда объект исследования может авторитетно возразить исследователю – ему (объекту) все-таки виднее.

К моменту написания книги (2018) авторы жили за рубежом (двое только в США, один в Израиле и США) 29, 23 и 18 лет. Уже этого простого факта достаточно, чтобы отмести всякие идеи об «инициации», разве что исследователи всерьез считают, что она должна длиться десятилетиями. Каждый из них к тому времени принадлежал к верхней части среднего класса: проживал в прекрасном отдельном доме с большим участком; имел жену и детей; получал зарплату намного выше среднеамериканской; работал в престижной компании; регулярно выступал на научных конференциях и активно публиковал научные статьи на английском (к вопросу о языковом барьере); ездил отдыхать в разные страны и так далее. И сверх всего этого еще занимался той шутилой деятельностью, которая и отражена в книге. То есть любые разговоры о «наборе эмигрантских неврозов», «экзистенциальной тревоге эмигранта», «постоянном эмигрантском беспокойстве» и т.п., когда я прочитал статью первый раз, ввели меня просто в ступор, настолько это резало слух, а намек на то, что «денег мало», вызывал добрую усмешку. Моя жизнь была наполнена до предела; отъезд с исторической родины (когда о нем вообще вспоминалось) воспринимался как величайшая жизненная удача. Во всей книге [8] слово «эмиграция» не встречается ни разу; эта тема была настолько на периферии сознания, что не поднималась авторами ни во снах, ни наяву.

Удивительным образом, в [7] не делается никаких различий между текстами отдельных авторов – настолько силен «обобщающий подход», что все трое воспринимаются, очевидно, как одно непрерывно жалующееся на жизнь существо. Полностью проигнорированы целых три (по числу авторов) Введения, где игровая сущность всей книги показана предельно ясно. Ни слова не сказано о том, что почти все обсуждения снов, в стихах и в прозе, – это сплошная ирония и самоирония; нам было не до «искажения социально – философских систем покинутой родины», мы отдыхали и веселились. Но, конечно, своеобразно, на свой лад.

Противоречит ли это возможной интерпретации некоторых снов

как «параноидальных», как отражающих «манию преследования», как даже проявление пресловутого Эдипова комплекса, и т.д.? Конечно, нет. В снах как таковых можно отыскать что угодно – именно поэтому над ними идут постоянные насмешки.

«Игорь: Илья, ты после каждой ночи / Нас будешь точно посвящать / В то, что увидел ты воочью, / Прежде чем утром записать? / И ждешь от нас истолкований / Твоих полубезумных маний / И разъяснения всех деталей, / Вплоть до исходных гениталий? / Но не пройдет такое рвенье / На фоне нашего терпенья, / Которое и так висит / На волоске и там кипит.»

Все отмеченные в [7] отклонения от «нормальной» психической деятельности в какой-то степени могут иметь место у отдельных авторов (с огромным вопросительным знаком), но какое это имеет отношение к эмиграции? Уж если человек страдает «обсессивно-компульсивным неврозом», так он таки им страдает – что в СССР, что в США. Самым удивительным, до наивности, образом это признается и в [7]: «авторами самоанализ уже сделан, сквозные темы, которые волновали их на протяжении всей писательской жизни, были идентифицированы». И верно: что волновало всю жизнь – то и вылилось на страницы книги. Тогда к чему все прочее?

Я привел весь этот разбор вовсе не для того, чтобы «раскритиковать» авторов [7]. Одна из них, доктор филологических наук Л. Сафронова, – безусловно, очень грамотный и знающий специалист. Ранее, в собственной публикации 2019 года о книге [8], она назвала ее «замечательным постмодернистским текстом» (оценка, почему-то отсутствующая в [7]), что не может меня и моих соавторов не радовать. И писал я не для того, чтобы спорить с отдельными положениями [7] (хотя, скажем, странно, что «страх оказаться голым на работе» был связан именно с каким-то неврозом, а не, например, с ситуацией вполне себе нормального героя «Сна Попова» Алексея Толстого). Как известно, после публикации произведение живет своей жизнью и допускает любые интерпретации. Цель моих заметок совсем другая: даже если признать, что все сказанное авторами [7] о том, как они воспринимают текст (комплексы, трудности, страхи авторов и т.д.), – чистая правда, то есть Y измерен ими правильно (?!), то X, объясняющая переменная (эмиграция и ее проблемы), – абсолютно неверна. Причем для доказательства этого не надо было далеко ходить – по моему мнению, было бы достаточно узнать, что авторы успешно живут десятилетиями в Америке и никак не могут испытывать все то, что им приписывается по этой причине. А по другим – могут. Критерий Поппера – отклонять гипотезу, если хотя бы один факт ей противоречит – применен не был.

Сплошь и рядом такого рода фактологическая проверка в гуманитарных исследованиях не проводится (так что авторов [7] даже

трудно в чем-то упрекнуть – они работают внутри жанра). И в этом их огромная беда (или радость – как посмотреть). Слова текут рекой; концепции сыплются как из рога изобилия, понятия заменяются одно на другое – и все сходит с рук. А тут еще и сны.

«Забавно – распутывание литературных произведений есть вполне приличный профессорский бизнес, а распутывание всяких снов – шарлатанство, иногда всплывающее на поверхность тоже как приличное дело, но потом уходящее обратно в подполье» – было замечено в [8].

В изобилии терминов смысл абсолютно теряется, но придраться не к чему, ибо нет критерия проверки. Частично я писал об этом в [10], где также цитировал замечательного ученого Алана Сокала – когда он приводит всякую белиберду, подаваемую в книгах знаменитых философов с очень умным видом.

В данном случае критерий проверки – самосознание объекта исследования – появился. В этом и ценность приводимого примера. Причинный анализ сделан очень глубоко, но мимо цели. Это как попадание в «молоко» очень плотной кучкой выстрелов. Сколько таких, но оставшихся без проверки, текстов ходит в мире? Сколько причин ими вскрыто?

Раздел 4. Научное. От индивидуального к статистическому

Со школьных времен и по сю пору, от степей Казахстана до долин Нью-Джерси, иксом (X) обозначали нечто влияющее, а игреком (Y) – нечто от него зависящее. Аргументы и функции; известное и неизвестное; данное и искомое. Фактически, большая часть любой науки посвящена отысканию и обоснованию чего-то, что связывает величины такого типа: сила тока как функция напряжения и сопротивления в законе Ома; ускорение как функция силы и массы во втором законе Ньютона и т.п. – это в физике; в экономике, социологии, психологии и других «мягких науках» (*soft sciences*) таких простых уравнений не существует, но зато ученые строят огромное количество уравнений типа регрессионных, в которых те же иксы и игреки связаны между собой «статистически», а не функционально.

Но прежде чем рассматривать такие уравнения, зададимся «простым» вопросом – а можно ли как-то определить причинность на индивидуальном уровне, на уровне отдельного события? В конце концов, все рассмотренные ранее примеры – проигрыш одного очка в теннисе, вопрос о зонировании, о репарациях, о проблемах России, об объяснении снов, – все они были о некоем единичном объекте, пусть

даже имеющем очень сложную внутреннюю структуру.

Вот еще один очень типичный пример, опять на материале собственной жизни, которую я все же лучше понимаю, чем что-либо еще. В конце 2016 года я написал статью [32], вроде бы первую публикацию на русском языке об одном из самых замечательных художников нашего времени. Вопрос – почему я это сделал? Вот ключевые события.

1. В 2015 году мы с моим другом Юрием Оксенойтом были в Израиле. В один из дней мы гуляли порознь, он пошел в Яд Вашем и вечером подарил мне небольшой альбом с работами Самуила Бака, который он там купил, поразившись силой и необычностью его образов. Я сразу разделил Юрино восхищение.

2. Вернувшись в США, я узнал, что Бак выставляется в *Pucker gallery* (Бостон), хозяином которой является *Bernie Pucker* (Берни); увидел на сайте галереи множество работ.

3. Примерно через полгода, играя, как обычно, в настольный теннис, я случайно узнал, что один из моих старых партнеров, *Barry Schwartz* (Бари), работает руководителем *JPS*, старейшего в Америке издательства еврейской, в основном религиозной, литературы.

4. Беседуя как-то с ним, я спросил, не знаком ли он с художником Баком, на что Бари ответил, что знает его, но хуже, чем Берни, поскольку последний входит в Совет Директоров его издательства. Пораженный таким совпадением, я попросил Бари спросить у Берни, могу ли я написать Баку письмо.

5. Бари быстро получил от Берни положительный ответ и адрес Бака. Я написал Баку письмо с просьбой о встрече.

6. Тот ответил, что согласен увидиться, поскольку с «русскими» ему встречаться еще не приходилось (хотя в его возрасте, как он заметил, особо не ищут новых знакомств).

7. Я начал писать статью; через некоторое время поехал с друзьями в Бостон. У меня была чудесная встреча с Сэмом и его женой Жесси. После этого я смог закончить статью и включить в нее выдержки из разговора с Сэмом и фотографии.

Все описанное представляет собой типичнейшую картину восстановления «причин единичного события». Подобными описаниями наполнены тысячи страниц биографий великих людей и исторических томов. Часто можно слышать восклицания типа: «тогда-то произошло великое событие – если бы не оно, то история бы изменилась...», где подразумевается, что если из подобной цепи событий изъять звено – вся цепь порвется, и конечное событие не произойдет (контрафактическая, *counterfactual*, логика, о которой

ниже) – например, не играй я с Бари в теннис, никакой статьи бы не было. Несколько комментариев по этому поводу.

Каждое событие среди перечисленных есть взаимодействие двух или более людей, то есть «пинг-понг», со всеми вытекающими последствиями и трудностями анализа, показанными в разделе 1.

Изъятие из цепи любого события привело бы к изменению цепи, но отнюдь не означало бы отсутствия результата. Допустим, не играй я с Бари – я мог бы и сам написать Берни; откажись Бак от встречи – я мог бы написать статью и без такого конца, и так далее (один из аргументов против контрафактической теории причинности).

Вся цепь событий выглядит фундаментально неполной. В ней нет таких принципиальных вещей, как: мой интерес к живописи в целом; моя склонность писать статьи о некоторых художниках (уже было несколько опубликованных); моя общительность, позволившая наладить контакты с несколькими людьми; общительность Сэма и т.д. Обычно такие вещи включают в «условия», в отличие от «причин», но на самом деле разделить подобные вещи крайне сложно.

Можно в принципе посчитать вероятность эффекта, рассчитав вероятности событий в каждом звене цепи. Но это поистине геркулесова задача. Как определить «поле событий» в каждом случае? Что на что делить (например, в пункте 4)? Надо знать вероятность что, зная Бари, я заговорю с ним о Баке. Затем умножить ее на вероятность, что он знает Бака. Затем – на вероятность, что он напишет Берни.

И самое, наверно, непонятное – где остановиться? Какой глубины цепь требуется для ответа на вопрос? Все ли семь звеньев, или, может, только 6 и 7? Или, может, куда глубже – почему именно Юра решил подарить мне альбом, зная мой интерес к живописи? На такие вопросы не может быть единых ответов.

Подобные почти непреодолимые трудности в рассмотрении причин индивидуальных событий и побудили в свое время Лофти Заде, прославленного основателя теории размытых множеств, заявить, что он не видит возможности создать вынятную теорию причинности. Это соображение, однако, не уменьшило амбиций визионера Перла [1], который остался мнением Заде “*unmoved*” (был непоколебим – см. дискуссию в [2]).

Как же быть со всеми перечисленными трудностями? Можно ли сформулировать некую теорию, в которой причинные отношения отличаются от других – например, просто ассоциативных или комментирующих – таким образом, что можно твердо сказать: если отношение имеет такие-то свойства, то оно причинное, а если нет – то нет? В конечном счете, решение упирается в определение – что же

такое причинность. Теоретически оно могло бы как-то отсечь некоторые звенья из той цепи, которая описана выше. Но с этим есть большие проблемы.

Я не стану, конечно, здесь разбирать различные теории причинности (см. [1], [3], [18], [19] и др.), но вкратце остановлюсь лишь на определении в [20]. Это интересно, потому что именно Гальперн (*Joseph Halpern*) сотрудничал с Перлом (*Judea Pearl*) над формулировкой совместного определения, а теория Перла [1], как отмечалось, есть краеугольный камень современного статистического подхода к анализу причинности. Это определение также критически рассматривает позиции других авторов, что повышает его значимость. Детальный разбор определения и сопутствующих материалов в данной статье совершенно не представляется возможным: это несколько страниц математического текста – с обозначениями, предположениями и теоремами. Даже мой краткий разбор в [2] здесь тоже неуместен, так как выглядит слишком техническим. Поэтому задержусь лишь на одном аспекте: определение предполагает как неизбежный факт защиту теории контрафактической причинности, и уже поэтому, в моем понимании, не может быть признано правильным.

Эта теория, восходящая к некоторым цитатам Юма и развитая на философском уровне в 1970-х годах Льюисом [19], предполагает манипулирование неосуществленными, но возможными условиями. Причину того или иного явления можно понять, используя сослагательные конструкции типа «стакан бы не разбился, если бы я его случайно не смахнул рукой со стола». Такая теория «альтернативной реальности», давно отвергнутая, например, в истории (но популярная в научной фантастике), нашла очень широкое применение, как ни странно, в основных моделях причинности в статистике. Существует множество аргументов против нее и в философии, и в самой статистике; я их собрал, наряду с собственными, в [2] и других публикациях. Вот лишь один из них.

Допустим, утверждение про стакан верно (в житейском смысле, безусловно, так люди и говорят, понимают друг друга и даже используют такую логику в суде). Попробуйте теперь обобщить условия, при которых стакан может быть разбит, сделав из такого подхода общий случай. Задайте себе, например, следующие вопросы: мог бы стакан разбиться, если бы я его не смахнул? Ответ – конечно, мог бы (другой смахнул; стол пошатнулся; кошка пробежала и т.д.). Но ведь все эти возможные варианты были бы в другое время, не тогда, когда я его реально смахнул? Ответ – а кто знает, когда бы это было.

А теперь попытайтесь установить для такой логики какую-то

строгую аксиоматику. В этом и будут состоять трудности. Льюис оперировал понятием «всех возможных миров»; Гальперн говорит об исчерпывающем наборе эндогенных и экзогенных переменных, предъявляя к ним требование минимальности (то есть отсутствия других комбинаций, приводящих к данному событию); но как эти абстрактные вещи конкретизировать?

Как можно описать то, что могло бы быть, если реально этого не было? Существует огромная асимметрия между происшедшим и не происшедшим. Материализуется всегда нечто одно; *может* материализоваться что угодно (или почти что угодно – тут-то и лежат попытки указать пределы этого).

«Отсутствие чего-то не является частью реальной движущей силы в природе. Каждая причинная ситуация развивается так, как это происходит в результате наличия лишь движущих (*positive*) факторов, и только их» – это утверждение Армстронга, мне кажется, идеально описывает ситуацию (см. [2]).

Наука тратит гигантские усилия для понимания причин в каждом конкретном случае, но еще никогда открытия не делались исходя из сослагательного наклонения. Оно может быть полезно для формулировки, например, условий эксперимента или гипотезы, но не для того, чтобы заявлять, что отсутствие чего-то порождает что-то иное.

В 2021 году Нобелевская премия по экономике была присуждена трем ученым с формулировкой: «За методологический вклад в анализ причинно-следственных связей» (что само по себе говорит о важности этой темы). Я не буду обсуждать здесь, в чем именно заключался их вклад, но отмечу, что один из лауреатов, Гвидо Имбенс, был соавтором книги [3], в которой активно использовалась специальная концепция причинного анализа (так называемый метод потенциальных последствий, *potential outcomes*), в основе которой лежит в высшей степени спорная *counterfactual* теория (см. также раздел 5). То есть современные теории причинности, даже подкрепленные авторитетом Нобелевской премии, отнюдь не являются убедительными и общепринятыми.

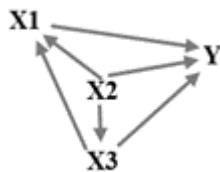
Некоторые нестрогие тезисы о том, как должна пониматься причинность, я сформулирую в разделе 5. А пока рассмотрю – примеры (все изложение здесь и далее – только о наблюдаемых данных, *observational data*, на которых нет возможности провести эксперимент). Тут уже мы переходим от причин индивидуальных событий к причинам множества сходных событий – к статистической ситуации – основному объекту научного изучения.

Если собрать достаточно большое число сведений об

индивидуумах, то можно установить, что в целом – чем выше уровень образования ($X1$), тем выше и уровень дохода. При этом будет множество исключений (достаточно вспомнить Билла Гейтса, который не имеет высшего формального образования), но это «не отменяет правила». Граница между «правилом» и «исключениями» весьма зыбкая; ее измеряют с помощью различных индикаторов, типа коэффициента детерминации D . Чем он ближе к единице, тем с большей уверенностью можно сказать, что образование, действительно, сильно определяет доход. А если D равен, например, 30%? Тогда ищут другие факторы. Допустим, можно измерить образование родителей и добавить в уравнение (это будет уже $X2$). Уравнение улучшилось, детерминация стала 40%. Добавим еще мощный фактор, хотя его и трудно измерить, – коэффициент интеллекта ($X3$). Это мощный предсказатель успеха, детерминация после него стала 60%. Сорок процентов успеха так и осталось необъясненным. В конце концов, это может быть просто случайность – везет некоторым, попробуй это измерь.

В приведенном примере есть некоторые тонкости. Как именно образование родителей влияет на доход детей? Например, через прямую помощь в трудоустройстве: юрист-отец наверняка может помочь своему сыну, тоже юристу, попасть в хорошую фирму. Или путем прививания определенных навыков: образованные родители с большей вероятностью смогут воспитать в детях высокую трудовую этику, помогающую в получении хороших доходов. То есть, когда мы говорим, что $X2$ – это «фактор» дохода, мы подразумеваем, что это не непосредственная причина (ребенок не показывает диплом своего отца при поступлении на работу), а некое обстоятельство, способствующее росту дохода, но мы не знаем точно, как именно, ибо не можем измерить все детали процесса.

Второе обстоятельство заключается в следующем. Образование родителей не только косвенно влияет на доход детей, но и самым прямым образом влияет на то, как именно дети получают образование: понятно, что образованные родители будут всячески стараться, чтобы и их дети получили образование. Таким образом, не только $X1$ влияет на Y , но и $X2$ влияет на $X1$, что приводит к ситуации «двойного учета»: мы не можем в чистом виде установить степень влияния $X2$ на Y без того, чтобы не добавить туда опосредованное влияние $X2$ на Y через $X1$. Еще более очевидно сложное влияние интеллекта $X3$: во-первых, он обладает доказанным генетическим происхождением (то есть интеллект родителей влияет на интеллект детей); во-вторых, он, конечно, влияет непосредственно на успех по жизни, то есть на доход. Суммируя все это, получаем граф связей $X1$, $X2$, $X3$ и Y .

Наличие взаимных влияний резко усложняет всю картину. Наше исходное уравнение (X_1 , X_2 , X_3 влияет на Y), как видно, описывает только то, что лежит на поверхности (все три стрелки, ведущие к Y), но совсем не касается внутренних связей всех «иксов» между собой. Однако без понимания этих связей эффект каждого из иксов будет заведомо определен неверно. И такая картина совершенно типична для любых социально-экономических явлений; исключений не бывает. Разработаны многочисленные методы калькуляции такого рода влияний, начало которым было положено более 100 лет назад замечательным ученым, одним из создателей популяционной генетики, Сьюалом Райтом (*path analysis by Sewall Wright*). Однако они до сих пор не привели к убедительному решению, отвечающему на все вопросы о причинности. Наиболее разработанная современная система анализа причинных связей [1] в принципе не может решить вопроса о том, как отличить подлинные причинные связи от случайных, порожденных коррелированными, но не влияющими на результат переменными (об этом ниже).

Если мы добавим в рассмотренную модель такую характеристику, как «пол», то может выясниться, что доход мужчин больше, чем женщин. Означает ли это, что в стране существует «гендерное неравенство» и что женщинам недоплачивают именно из-за их пола, о чем очень часто говорят (особенно феминистки) до сих пор? Конечно нет. Это означает лишь, что женщины в целом могут иметь более низкий уровень образования (скажем, их доля среди людей со степенью магистра в США около 36%), предпочитают работы, которые ниже оплачиваются (их намного меньше в хорошо оплачиваемом программировании, 23% и инженерных видах деятельности, а больше – в гуманитарных областях) и т.д. То есть не пол как таковой приводит к более низким доходам, а другие факторы, с ним связанные, но в модели не учтенные. Но если добавить эту переменную, то вполне может оказаться, что именно она примет на себя определенную часть вариации дохода, то есть «поневоле» будет восприниматься как причинная. Переменные такого рода, которые выглядят как причинные, но таковыми не являются (или являются лишь частично), на русском языке даже не имеют общепринятого названия, а на английском называются *confounding variables* («запутывающие» переменные). Они как бы остаются за кадром, имея причинную связь с Y , но и влияя на какой-то из X (в данном случае – на X_1 , поскольку интеллектуально мужчины и женщины не различаются). В разделе 2 приведен яркий реальный пример запутывающего влияния показателя «раса» на определение «причин дискриминации». *Confounding variables* играют огромную роль в статистическом моделировании, и бороться с ними чрезвычайно трудно.

Убедительной теории на этот счет не существует, хотя есть всякие способы минимизации затуманивающих эффектов.

Один из самых ярких и постоянно встречающихся примеров таких переменных – это «время», которое никакой причинной нагрузки само по себе не несет, но используется в огромном числе моделей (именно потому, что его очень легко измерить). Например, легко установить, что есть очень высокая корреляция между уровнем потребления стирального порошка и ростом числа бизонов в заповедниках за последние 50 лет. Но это не потому, что бизоны много стирают или порошок делают из бизонов, а все же по другим причинам. Подобные фиктивные связи породили знаменитую фразу «корреляция не есть причинность» (*correlation is not causation*).

Другая проблема любого статистического моделирования, помимо различных путающих и фиктивных переменных, связана с тем, что практически никогда не удается набрать достаточное количество факторов, чтобы они описывали всю вариацию «игрека», то есть чтобы детерминация была действительно 100%. В уравнениях физики, зная силу и массу, можно точно установить ускорение; зная сопротивление и напряжение – силу тока и т.д. Представим себе, что студент никогда не слышал о законе Ома, но провел 20 наблюдений над одним и тем же материалом, в которых измерялись напряжение и сила тока. При некоторой сообразительности он может поделить для каждой точки первое на второе и убедиться, к своему изумлению, что при любых значениях двух параметров дроби равны друг другу (а именно – значению сопротивления). Но если студент, даже не имея никакой сообразительности, уже прошел курс статистики, он может просто построить уравнение линейной регрессии напряжения от силы тока и получить некий коэффициент регрессии – это и будет величиной сопротивления, о которой студент, как мы предположили, и не знает. Получается, что если в уравнении «Напряжение = Сила тока \times Сопротивление» одна переменная (Сопротивление) неизвестна, то достаточно лишь двух других, чтобы правильно восстановить параметры процесса. Чисто статистический прием, регрессия, сам по себе может указать на природу причинности (наличие сопротивления), правильно установив коэффициент перехода. Понятно, что существует большой соблазн использовать подобные волшебные приемы и в других ситуациях, где действуют совсем другие законы и где детерминация далека от единицы. Но тогда, к сожалению, картина кардинально меняется.

Стоит только отступить от полной модели процесса, как коэффициенты модели искажаются самым неожиданным образом. Вот простой пример [2]. Если Y – общая калорийность еды, то X_1 , X_2 и X_3 – соответственно, калорийность белков, жиров и углеводов.

Коэффициенты этих компонент давно посчитаны и равны 4, 9 и 4, то есть, если известно, сколько тех или иных веществ в конкретной порции, то легко посчитать ее полную калорийность, умножая эти коэффициенты на количество. Такая модель является, во-первых, причинной, так как именно эти ингредиенты дают энергию на биологическом уровне (среди них нет никаких запутывающих переменных), и, во-вторых, полной, поскольку не существует других источников энергии (скажем, вода никаких калорий не дает). В этом смысле уравнение регрессии будет, по сути, соответствовать чему-то вроде закона Ома и давать идеальные значения коэффициентов.

Но что произойдет, если в модель будет включено только два источника или даже один? Конечно, детерминация, которая при трех компонентах равна 100%, сократится – но это и ожидаемо, раз какой-то источник убрали. Но сохранятся ли при этом правильные коэффициенты? Отнюдь нет. Если, скажем, в модели участвуют только углеводы и белки, то их коэффициенты равны соответственно 4.6 и 11.1 (против правильного значения 4 для обеих переменных; детерминация 46%); если жиры и белки – то 9.4 (против правильного значения 9) и 1.6 (детерминация 83%). Последний случай особенно важен: качество модели D довольно высоко, но коэффициент для белков резко искажен, более чем в два раза. Если же в модели всего одна переменная – белок, то оценка равна 8.8 (наоборот, в 2 с лишним раза выше) при детерминации 22%. При этом повсеместно используемые дополнительные характеристики «неслучайности» значений коэффициентов (так называемые p -values, главный индикатор статистической значимости модели или отдельного коэффициента – см. раздел 5.) почти везде в рассмотренном примере очень низкие, куда ниже принятой величины 5%, что «гарантирует» высокое качество коэффициентов, согласно общепринятой методологии.

Из этого простого примера, где к исходным данным нельзя придаться, отчетливо видна фундаментальная проблема статистического моделирования: когда модель неполна, то даже наличие качественных независимых переменных, даже сравнительно высокая детерминация не гарантируют правильной оценки коэффициентов – скорее, гарантируют неправильную (ибо в процессе аппроксимации алгоритм стремится «компенсировать» отсутствие необходимых переменных искажением коэффициентов у тех иксов, которые есть в наличии). Но где же взять полные модели? Мне такие за многолетнюю практику не попадались ни разу. В огромном числе опубликованных моделей D не превышает 10-30-50%. Причем все эти дефекты имеют место в очень простой модели линейного типа, где «иксы» не влияют друг на друга и где нет «путаящих переменных». А

что происходит, когда надо учитывать сложные графы типа приведенного выше?

Резюмируя, можно сказать, что любые сколь-нибудь реалистичные модели, которые пытаются отследить причинные связи между множеством переменных и результатом, страдают почти непреодолимыми недостатками: плохой делимостью очевидных и фиктивных связей; наличием «путаящих» переменных; неизбежным искажением коэффициентов (и, следовательно, силы связей) в случае неполных моделей; отсутствием каких-либо гарантий даже при наличии «статистической значимости» коэффициентов; резким падением качества, если исходные данные измерены с ошибками (что происходит всегда – см. раздел 5). Есть и другие проблемы, рассматриваемые в специальной литературе. Как следствие, правильное установление причинных связей между явлениями в социально-экономической области – скорее исключение, чем правило, и требует огромных усилий в каждом конкретном случае.

Раздел 5. Футуристическое. Контуры идеальной теории причинного анализа

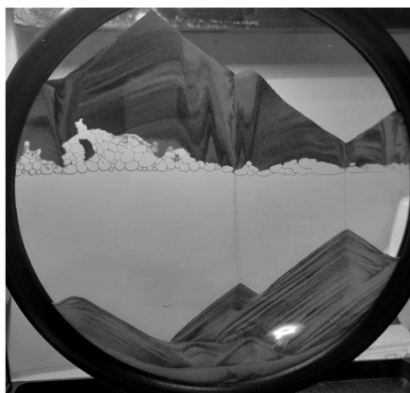
Из изложенного следует, что надежные модели причинности, которые позволяли бы успешно отделять истинные причины от ложных и давать ясную картину процесса, отсутствуют – хоть на индивидуальном, хоть на массовом (статистическом) уровне. К сожалению, у меня нет собственной теории, которая ответила бы на все поставленные вопросы. Но можно попытаться сформулировать требования, которым такая теория, если она будет когда-либо построена, должна отвечать. Я излагаю их здесь эскизно, ибо дальнейшее углубление привело бы к значительному расширению материала.

1. К вопросу об определении причинности. Если его и давать (в чем у меня нет уверенности), оно должно исходить из того, что причиной любого изменения является воздействие определенных сил, которые могут иметь разную природу: физические, химические, психологические, социологические, экономические, военные и другие. Само понятие «сила» тоже требует определения, но тут я не буду в это вдаваться. *Counterfactual reasoning* (контрфактические рассуждения) не должны концептуально участвовать в понимании причин происходящего.

2. Такое представление требует, чтобы в модели действующие

силы были учтены непосредственно; этот процесс можно назвать каузализацией. В рассмотренном выше примере с едой это выглядит так: в качестве переменных можно брать такие категории, как «салаты», «рыбные блюда», «мясные блюда» и т.д., а можно – непосредственно белки, жиры и углеводы. В первом случае тоже будет получена какая-то модель зависимости калорий от типа еды, но она будет очень приближенной и некачественной. Во втором случае модель будет идеальной. Но такая каузализация требует очень важного условия: перед моделированием надо уже понимать на глубинном уровне, что такое, собственно, процесс потребления калорий. Количественному моделированию должно предшествовать качественное понимание процесса, а уж затем – соответствующее измерение переменных.

Этап качественного понимания представляется очевидным и элементарным, но в современных моделях он сплошь и рядом отсутствует или сводится к формальному, поверхностному. Например, легко измеряемая и очень обманчивая переменная «пол» (пациента, респондента и т.д.) используется, наверное, чуть ли не везде в медицинских исследованиях и социологических опросах. Но эта переменная не есть непосредственная «манифестация силы» для большинства задач (то есть для большинства игрехов), если они не связаны прямо с процессом биологического воспроизводства. Как

было показано выше, для изучения дохода пол только маскирует неравномерное распределение людей по занятиям с разным уровнем оплаты труда. То есть если вместо пола в такую модель вставить целую серию переменных о роде занятий – результаты будут, безусловно, лучше. Такой процесс приближения к тому, что, собственно, и порождает результат, что на самом деле влияет, и называется каузализацией. Еще больше такое «не силовое» (то есть не причинное) использование свойственно переменной «время», о чем шла речь выше. Это можно наглядно проиллюстрировать следующей картинкой.

На верхней панели показаны красивые пики и долины, образованные игрушкой «движущиеся пески» (*moving sands*). Внизу –

то же самое, но после обрушения верха (по истечении некоторого времени). Все пики и провалы засыпаны, контуры былой красоты можно, в принципе, разглядеть, но если судить только по поверхности, то уже почти ничто не напоминает изящную исходную конструкцию. Выпуклости конечной стабильной картинки очень слабо коррелируют с исходными формами; разница между тем, что легко измеримо (буквально «лежит на поверхности»), и тем, что было на самом деле, очень велика. Геологи как раз и занимаются именно реконструкцией залегающих пород. Подобное же надо делать и в других областях.

Эта картинка интересна еще в одном аспекте. Верхняя панель позволяет ясно установить причины генерации образов – просыпание песка из нескольких мест в течение достаточно долгого времени (две струйки отчетливо видны). После генерации (причинной фазы) наступает хаотическая фаза – обрушение всего верхнего массива. Именно тогда границы между пиками стираются и до причин приходится докапываться с большим трудом. Эти два этапа – причинный и хаотический – все время сочетаются в реальной жизни, что, в частности, и делает анализ причин столь трудным занятием.

3. Альтернативой качественной каузализации является алгоритмическая, которая просто по собранным данным четко отделяла бы истинно причинные переменные от фиктивных (просто коррелированных с Y) и от «запутывающих», о которых шла речь выше. Это была бы мечта любого статистика, некий золотой Грааль. Но он не найден. Один из ключевых механизмов анализа причинности в [1], так называемые *do-operators* («операторы делания»), вроде бы предназначены именно для решения этой задачи («Используя *do-operators* и графическую хирургию, мы можем начать отделять причинно-следственные связи от коррелятивных» – см. [2]), но на самом деле они ее не решают. Они сводятся, как подробно показано в [2], к индексному анализу, который применяется в экономике уже почти 200 лет и ориентирован не на причинные, а на совсем другие задачи. Есть определенный прогресс в задаче нахождения направленности связи в паре коррелированных переменных (можно с определенными усилиями сказать, что высота над уровнем моря приводит к понижению атмосферного давления, а не наоборот), но и эти критерии работают не всегда и не для сложных многомерных ситуаций. Есть более тонкие приемы, типа «инструментальных переменных», но к ним тоже множество претензий, к тому же они далеко не универсальны.

4. Если все переменные «каузализированы» тем или иным образом, то есть характеризуют некоторые действительно причинные, а не лишь корреляционные связи, тогда можно составлять диаграммы

влияний по типу приведенной выше (так называемые ациклические графы, DAG) и применять для их анализа разработанную методику [1] и более поздних исследований. Однако существующие подходы оставляют без внимания некоторые очень важные обстоятельства.

5. Любые переменные измерены с какими-то ошибками, которых избежать нельзя. Однако львиная доля теории статистики и, в частности, теории причинности исходит из предположения, что ошибок нет. Конечно, существуют многочисленные специальные работы, исследующие модели с ошибками измерения в переменных, но они не инкорпорируются в общие модели причинности, да и вообще в статистическую культуру. Подавляющее большинство прикладных исследований игнорирует эту проблему целиком. Но ошибки измерения могут быть очень значительны. На верхней панели картинки светлое пятно – просто отблеск стекла при фотосъемке, но такая «ошибка» самого измерительного прибора может серьезно исказить данные, если принять ее за «реальность» (как в примере с приспособляемостью исследователя вместо мышей – у И. Павлова, см. раздел 2).

С позиций статистического моделирования это представляет большую проблему. Как правило, в любой модели существует так называемый «вектор ошибок» – случайная величина, отражающая уровень несоответствия модели наблюдаемым данным. В минимизации несоответствия, собственно, и заключается моделирование – знаменитый метод наименьших квадратов делает именно эту работу. Но когда к этой случайности добавляются ошибки измерения и в иксах, и в игреке, – все резко запутывается. Вполне может оказаться, что регрессия отражает не столько «правильные неучтенные остатки», сколько именно ошибки измерения. Можно ли разделить эти два источника неопределенности? В работе А. Кукуша с моим участием [21] именно это и делается – оказывается, можно (по крайней мере в простом случае линейной регрессии). Это важный результат, ибо он приближает моделирование к реальности: например, если известно, что ошибки измерения большие, то как ни старайся, ничего хорошего не получишь. Но эта задача далека от полного решения.

6. В статистике господствует теория так называемого статистического оценивания (*statistical inference*), когда любые индикаторы рассматриваются не сами по себе, а через призму их случайности или неслучайности. Недостаточно, например, сказать, что средняя зарплата рабочих ниже средней зарплаты программистов, – надо еще убедиться, что эта разница «статистически значима». Эта практика существует более ста лет, начиная с революционных работ В. Госсета («Стьюдента») и Р. Фишера, и стала неотъемлемым

элементом научной жизни. Если какие-то результаты «незначимы» – о них и незачем говорить, и их, как правило, не публикуют (так называемый *publication bias*). Однако в этой устоявшейся науке произошли революционные изменения. Ценность различных индикаторов значимости (в первую очередь, знаменитых *p-values*) подверглась переоценке – к результатам стали предъявлять более серьезные требования, нежели привычные «все хорошо, если *p-value* < 0.05». После официальной публикации Американской Статистической Ассоциации о широко распространенной практике неверной интерпретации [23] появилась целая волна соответствующих публикаций в поддержку такого рода критики (один журнал даже вообще отказался принимать статьи, где *p-values* приводятся как аргумент; появился термин “*p-value hacking*”, то есть «выжимание» из данных нужных значений). Однако, по моему личному опыту рецензента статей в статистических журналах, заметного уменьшения использования этих индикаторов не последовало – уж слишком все просто и удобно. Характеристики значимости выступают в роли наличной монеты в научном сообществе – без них сделка (публикация, признание) не может состояться.

Даже если оставить в стороне вопрос о том, что *p-values* сплошь и рядом интерпретируются не вполне корректно, главная проблема заключается в следующем: носит ли информация, содержащаяся в них, причинный характер? Иными словами: зачем вообще нужна какая-то особая теория причинности типа развиваемой в [1], если уже давно есть теория статистического вывода (*statistical inference*)? Как ни странно, ясный ответ на этот очевидный вопрос в литературе отсутствует. Фактически, его обходят стороной. Подразумевается, что коль в уравнении все хорошо с позиции значимости коэффициентов, то это и есть «причинный ответ» – а иначе зачем вообще городить огород? Никогда не видел фразы типа: «вот, все коэффициенты значимы, но это еще не означает, что уравнение носит причинный характер». Но не видел и обратного – чтобы говорили: «причины надежно установлены». Обычно, когда публикуются статьи, сам факт значимости молчаливо подразумевает причинность. Справедливо было замечено в [24], что люди инстинктивно присваивают статистически значимым коэффициентам причинную интерпретацию просто в силу того, что они всему ее присваивают, о чем шла речь в разделе 2 при рассмотрении вопроса об атрибуции; эта тема попадает в какую-то серую область статистики. Конечно, я не стану здесь глубоко в нее погружаться, ибо это сложный вопрос. Но абсолютно ясно одно: сплошь и рядом значимые коэффициенты совершенно точно неверны – вспомните пример с едой, где, несмотря

на огромные отклонения от истинных значений, *p-values* очень маленькие. Резюмируя, можно сказать, что одна из проблем будущей теории причинности – найти баланс между двумя методами умозаключений.

7. Статистические модели, причинные или нет, имеют математически идентичную структуру – обычно это набор уравнений регрессионного типа, коэффициенты в которых требуется оценить. Уравнения будут выглядеть одинаково для экономики, социологии, биологии и так далее. Но когда в действие вступают факторы, непосредственно связанные с людьми, характер уравнений должен, мне кажется, как-то меняться.

То, о чем я здесь пишу, – это не более чем гипотеза человеческой индивидуальной неопределенности, и у меня нет эмпирического основания ее подтверждения. Смысл таков: поскольку человек имеет «свободу воли», то любые измерения, связанные с ним (социологические или психологические опросы, например), должны каким-то образом отражать этот факт. А именно – поведение человека до конца не измеримо, не может быть сведено к простой характеристике. Вспомним об огромной роли иррациональности в принятии решений (раздел 2) или о полнейшем произволе, при полной правдоподобности и красавости в гуманитарных исследованиях (раздел 3). Возможно, существует некий аналог принципа неопределенности Гейзенберга для элементарных частиц применительно к человеку как к носителю индивидуальной воли. В физике это выглядит как неравенство, в котором произведение двух стандартных отклонений (позиции и момента движения) не меньше определенной величины, связанной с константой Планка. Соответственно, чем точнее измеряется одно, тем менее точно измеряется другое. В измерении индивидуальных человеческих характеристик, возможно, метафорическим аналогом подобной неопределенности могло бы выступить такое соотношение: произведение вариабельности индивидуального мнения и величины, обратной вариабельности усредненного мнения группы, к которой человек принадлежит, является константой.

Если, например, мы задаем вопрос об отношении россиянина к войне в Украине, внутренняя вариабельность его ответа будет мала, ибо большинство людей (группа, к которой он принадлежит) войну поддерживает. Если тот же вопрос задать человеку, выехавшему за пределы России, – вариабельность будет намного выше, так как среди его окружения вариабельность сильно возросла. Это означает, что доверять мнению человека без учета мнения его группы нельзя; в модели надо вводить поправки на подобную неопределенность. «Вариабельность» индивидуального мнения (или действия) – вещь,

скорее всего, неизмеримая непосредственно: человек ответил, и все, у нас есть только одно число. Она может быть связана с анализом некоего воображаемого «ансамбля ментальных состояний», самого по себе тоже неизмеримого, но подлежащего некоей аналитике, – нечто подобное тому, что было предложено в концепции медиафизики (*mediaphysics*) в [22].

Надо подчеркнуть, что рассмотренная конструкция не имеет ничего общего с проблемой ошибок измерения (как принцип неопределенности в квантовой механике не имеет ничего общего с вмешательством наблюдателя в наблюдаемый процесс, хотя эти две вещи часто путают). Это особый вид неопределенности, связанный, с одной стороны, со свободой воли человека, а с другой – с ограничением этой свободы вследствие неизбежных социальных связей. Как депутат в конгрессе почти никогда не может выступить против воли партии (его варибельность минимальна), так свободный художник может нести любую околесицу, меняя ее каждый день: он принадлежит к «богеме», где все позволено, варибельность группы велика, обратная ей величина мала, и, следовательно, его варибельность тоже велика. Ясно, что подобных принадлежностей может быть очень много – человек многолик. Важно отметить, что варибельность в группе – вещь достаточно легко измеримая, и через нее можно оценить варибельность индивидуума (неизмеримую), если гипотеза неопределенности верна. Оценивая, в дополнение к этому, степень принадлежности данного человека к группе, можно получить индивидуальные оценки, различные для разных людей. Теперь осталось проверить на фактах, верна или нет гипотеза и как именно ее инкорпорировать в будущую теорию причинности...

8. Другая нерешенная в настоящее время задача заключается в следующем. Как уже было сказано, в любой модели предполагают некий «зазор» между тем, что объяснено моделью, и тем, какой «игрек» наблюдается в реальности. Его стараются минимизировать, но как отмечалось, уровень детерминации D в моделях, как правило, очень невысок (10–30%) либо вообще не приводится (может быть, именно потому, что невысок). Публикуются самые разные изысканные статистические индикаторы (включая, конечно, те же *p-values*), типа коэффициентов, связанных с *maximal likelihood*, энтропией и т.д., которые тоже что-то говорят о качестве модели, – но не D . Проблема с такими индикаторами в том, что они позволяют мерить только относительное качество модели (т. е. сказать, лучше ли одна модель другой), но не абсолютный уровень приближения, как делает D . В результате трудно или невозможно понять, насколько вообще опубликованные модели хорошо описывают реальность. И тут возникают следующие проблемы.

Если в модели низкий D , то ее коэффициенты заведомо искажены: вспомним цифры в примере с едой, когда неполные модели всегда давали большие искажения. Но ведь неполнота модели – ситуация совершенно типичная; полная качественная модель с D , близким к 1, – вещь скорее уникальная. Почему же публикуют неполные модели? Это отсылает нас к практике, рассмотренной в пункте 6 этого раздела: в модели хорошие p -values и другие индикаторы, то есть они «что-то» показывают. Но это «что-то» неверно! Ну, такое не обсуждается... Это порождает дилемму.

Выход первый: строить только полные модели с очень высоким D , в котором, тем не менее, учтены корректировки, связанные с ошибками измерения (см. пункт 5) и (потенциально) с принципом неопределенности (см. пункт 7).

Выход второй: научиться так оценивать коэффициенты неполной модели, что они остаются правильными, независимо от дальнейшего расширения модели до полного состояния. Это, как если бы в сокращенной модели еды (детерминация 46%), где участвуют только углеводы и белки, их коэффициенты получили бы правильное значение 4 и 4, а не 4.6 и 11.1, как реально выходит. Тогда построение модели напоминало бы строительство дома: поставили фундамент, подождали бы подвоза кирпича (новых переменных), поставили бы стены, не меняя фундамент, и т.д. Увы, таких способов моделирования не существует и, думаю, не будет существовать никогда.

Остается первый выход: если мы хотим строить качественные причинные модели, они должны описывать вариацию «игрека» максимально полно, то есть мы должны дать полную причинную картину процесса. Это выглядит за пределами жестко и наивно (кто сможет такое сделать?) – но, с другой стороны, только такие требования в состоянии приблизить «мягкие» науки к «твердым». Альтернатива: строить неполные модели, понимая, что они не просто неполные (это-то все и так понимают), но и неверные (а с этим людям трудно согласиться).

Ситуация в статистике может быть уподоблена примерно такой в физике: как если бы в законе Ома говорилось, что ток пропорционален напряжению, но ни слова не было бы сказано о сопротивлении; или в технике: автомобиль – телега с двигателем (но ни слова о коробке передач). Именно так и выглядят современные модели: причинный механизм не познан до конца, и это стало нормой научного дискурса.

На поставленный в знаменитой статье Джона Иоаннидиса [25] вопрос – «Почему большинство опубликованных научных результатов неверно» – можно ответить, даже не прибегая к услугам теории Байеса, на которую он опирался, так: потому что исследователи строят

далекие от полноты модели. В огромной мере в этом, скорее всего, лежит причина кризиса воспроизводимости в науке, который признается подавляющим большинством опрошенных ученых [26].

9. Особый интерес изучение природы причинности приобретает в связи с развитием в последнее время лингвистических моделей искусственного интеллекта. Неожиданная для всех способность компьютера отвечать на любые вопросы после появления *ChatGPT* в ноябре 2022 года поставила в тупик огромное число исследователей, не ожидавших ничего подобного после многих лет не выполненных учеными обещаний насчет «умной машины». Фактически, компьютер прошел знаменитый тест Тьюринга – его ответы очень трудно отличить от ответов информированного человека, и в этом отношении «машина мыслит», что бы под этим ни понималось. Но мыслит в высшей степени своеобразно. Приведу в сокращенном виде пример моего разговора с *Bard (Google)*, чтобы пояснить, что я имею в виду.

И.М. Существует ли оценка того, какая доля CO_2 в атмосфере имеет антропогенную природу по сравнению с естественной?

Bard. Да. По оценкам Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) ООН, деятельность человека является причиной примерно 50% увеличения содержания CO_2 в атмосфере с доиндустриальной эпохи... Вот данные из Пятого оценочного доклада МГЭИК, в которой показаны оценочные источники выбросов CO_2 с 1850-го по 2010 год:

<u>Источник выбросов</u> (ГтУ)	
Ископаемое топливо	215
Изменение землепользования	135
Природные источники	127

Как видите, предполагаемые выбросы от ископаемого топлива и изменения землепользования намного выше, чем предполагаемые выбросы от природных источников. Это говорит о том, что деятельность человека является основным фактором увеличения содержания CO_2 в атмосфере.

И.М. Но из этих данных следует, что антропогенная часть намного больше 50%, это около 74%. Это верно?

Bard. Вы правы. Приведенная таблица показывает, что деятельность человека является причиной около 74% увеличения содержания CO_2 в атмосфере с 1850 года... Оценка МГЭИК в 50% основана на общем количестве CO_2 в атмосфере, включая как природные, так и антропогенные источники. Итак, если вы добавите расчетные выбросы из природных источников к расчетным выбросам

от деятельности человека, вы получите в общей сложности около 142 ГтУ. Это означает, что деятельность человека ответственна примерно за 74% увеличения содержания CO_2 в атмосфере, как следует из таблицы.

И.М. «Если к расчетным выбросам от деятельности человека прибавить расчетные выбросы от природных источников, то получится в сумме около 142», – сказали вы. А на самом деле $477 (215+135+127=477)$.

Bard. Вы правы. Прошу прощения за ошибку в предыдущем ответе. Если вы добавите оценочные выбросы из природных источников к оценочным выбросам от деятельности человека, вы получите в общей сложности около 477 ГтУ. Это означает, что деятельность человека составляет около 53% от общего количества CO_2 в атмосфере.

И.М. Я не уверен, что понял ваш расчет. 53% от 477 – это 253, что не соответствует ни одной цифре в вашей таблице.

Bard. Вы правы. 53% от 477 – это 253, что не соответствует ни одной цифре в таблице. Это связано с тем, что в таблице показаны только предполагаемые выбросы от ископаемого топлива и изменений в землепользовании, которые являются двумя основными источниками антропогенных выбросов CO_2 . Однако цифра 53% включает все антропогенные источники выбросов CO_2 , в том числе в сельском хозяйстве, вырубке лесов и промышленных процессах. Представленная таблица не включает оценки этих других источников антропогенных выбросов CO_2 . Таким образом, если вы хотите получить точную оценку общего количества CO_2 в атмосфере из антропогенных источников, вам необходимо добавить расчетные выбросы из этих других источников к расчетным выбросам от ископаемого топлива и изменений в землепользовании. Прошу прощения за путаницу.

И.М. Но 253 меньше суммы 215 и 135, а не больше. Если добавить еще что-то, то будет намного больше 53%.

Bard. Вы правы. 253 меньше, чем сумма 215 и 135, которая равна 350. Это означает, что цифра 53%, о которой я говорил, неверна. Прошу прощения за ошибку. Правильный расчет таков:

$$(215 + 135 + \text{другие источники}) \times 0.53 = \text{общий антропогенный } CO_2$$

Мы не знаем точного количества выбросов CO_2 из других источников, поэтому мы не можем рассчитать общее количество антропогенного CO_2 . В будущем постараюсь быть осторожнее в своих расчетах. Спасибо, что указали на ошибку.

На заключении, что «мы не можем рассчитать общее количество антропогенного CO₂», я свой разговор прервал. За короткое время оценки *Bard* изменялись пять раз, и пять раз он признавал свою ошибку: уверенность, что ответ есть; оценка (неверная), что цифра равна примерно 50%; согласие с цифрой 74%; неверная цифра 53%; уверенность, что ответа нет. При этом – очевидная неспособность делать простейшие арифметические операции, исходя даже из собственных цифр. Все сопровождается извинениями и обещаниями исправиться. Я очень в этом сомневаюсь – по следующим причинам.

В основе LLM (*Large Linguistic Models*), обеспечивающих *Bard* и *ChatGPT*, лежат две главные составляющие: колоссальной размерности (более триллиона параметров – по состоянию на начало декабря 2023 года) нейронные сети, обученные на огромном материале, и специальный алгоритм поиска следующего слова, в котором ключевую роль играет так называемый «трансформер», позволяющий быстро определять самое главное в вопросе и отыскать соответствующее место в сети. Если первая составляющая – нейронная обучающаяся сеть – концептуально (но не технически) находится в научном обиходе с 1940–1950 годов, то вторая – абсолютно новое изобретение, восходящее к ключевой статье 2017 года [27], в которой найден механизм поиска, позволяющий революционизировать «науку автоматического ответа».

Нейронные сети очень долгое время были на периферии машинного обучения в том смысле, что они не давали каких-то результатов, превосходящих результаты других методов распознавания образов (типа дискриминантного анализа, древовидных алгоритмов и т.д.), но обладали одним фундаментальным недостатком. Если прочие методы позволяли как-то интерпретировать результат на качественном уровне (хотя бы сказать, что такие-то признаки наиболее важны для различения собак от кошек), то сетевые методы не в состоянии обеспечить такое понимание. В них происходит перенастройка различных коэффициентов при переменных таким образом, что поставить вопрос «почему» и получить ответ на него практически невозможно. В этом смысле они «антипричинные» по своей природе.

А трансформер тем более далек от ответа на причинные вопросы – это исключительно лингвистический механизм. Комбинация таких двух подходов явно не ориентирована на глубокое копание в данных. Приведенный пример показывает это с высокой убедительностью: даже после наводящих вопросов *Bard* «не включает логику» (как сделал бы любой человек) просто потому, что ее там нет, а продолжает играть в лингвистические игры. Допускаю, что возможно какое-то новое развитие, при котором система искусственного интеллекта (ИИ) будет

от лингвистики переключаться на нечто другое (например, на экспертные системы в данной области знаний или на какие-то алгоритмы анализа сложных «продукций», то есть цепи логических высказываний, или на специализированные логические сети типа описанных в [33]), но как это совместить с тем, что есть сейчас, – это проблема огромной сложности, насколько я могу судить. Однако, надеюсь, исследования будут идти именно в эту сторону. Например, Майкрософт, главный инвестор в *OpenAI* (создатель *ChatGPT*), заявляет, что «работает над фундаментальными проблемами, сочетающими традиционное машинное обучение с методами причинно-следственного вывода». Меня, правда, смущает такое: «эти методы обещают устойчивость к экзогенным изменениям и точное моделирование *counterfactuals...*». Похоже, что более чем сомнительная логика анализа последствий того, чего не было, продолжает быть доминирующей не только у ученых, но и у разработчиков наиболее продвинутых систем ИИ. Сомнительно, что это приведет к чему-то хорошему.

«Много факторов в степи» – загадочно обмолвился как-то Андрей Платонов. «Слишком много» – можем мы утвердительно повторить за ним. Но уж лучше твердо идти к истинному незнанию (см. эпиграф), чем оставаться в комфортной зоне ложного знания.

Литература

1. J. Pearl. *Causality*, New York City: Cambridge University Press, 2009
2. I. Mandel. *Troublesome Dependency Modeling: Causality, Inference, Statistical Learning*, 2017,
https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2984045
3. W. Imbens. *Causal Inference for Statistics, Social, and Biomedical Sciences: An Introduction*. Cambridge University Press, 2015
4. I. Mandel, S. Lipovetsky. *Propensity Scores – Do They Really Work? Simulation Study*,
2022, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4215007
5. J. Riley. *The Trouble With Reparations for Redlining*, WSJ, June 27, 2023
6. J. Wang, K. Zhao, D. Deng, A. Cao, X. Xie, Z. Zhou, H. Zhang, and Y. Wu. *Tac-Simur: Tactic-based Simulative Visual Analytics of Table Tennis*, IEEE, 2019
7. L. Safronova, B. Baizhigit, E. Shmakova. *The functionality of dream reality in an emigrant text*. In *Przegląd Wschodnioeuropejski (East European Review)*, X/1, 2023

8. И. Липкович, С. Липовецкий, И. Мандель. Морфей и Орфей. И сном и духом: сновидения очевидцев и комментарии стихотворцев. New York, 2018 (фрагменты опубликованы здесь: «И сном и духом», <https://club.berkovich-zametki.com/?p=43025>)

9. М. Голубовский. В. Александров. От тайн клетки к мудрости жизни. Знание-Сила, 2, 2002

10. И. Мандель. Эффективность провокации. Шоу Саши Барона Коэна “Who is America?” в контексте «науки обиженных»: статистический и аполитический анализ, 2019, <https://club.berkovich-zametki.com/?p=47171>

11. B. Reed. California faces backlash as it weighs historic reparations for Black residents. The Guardian, July 11, 2023

12. С. Резник. Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время. М., Захаров, 2017

13. D. Wise. The Politics of Lying: Government Deception, Secrecy, and Power, 1973

14. E. Brodow. In Lies We Trust: How Politicians and the Media Are Deceiving the American, 2016

15. И. Мандель. Наука статистики в культуре виктимности: достоинство и бесчестье, 2021, <https://i.7iskusstv.com/y2021/pomer2/mandel/>

16. М. Эпштейн. Русский антимир. Политика на грани апокалипсиса, Lulu.com, 2023

17. K. Kustanovich. Russian and American Cultures: Two Worlds a World Apart. Lexington Books, 2018

18. A. Bochman. A Logical Theory of Causality, MIT Press, 2021

19. D. Lewis, Counterfactuals. Harvard University Press, 1973

20. J. Halpern. A Modification of the Halpern-Pearl Definition of Causality. Cornell University, 2015, <https://www.cs.cornell.edu/home/halpern/papers/modified-HPdef.pdf>

21. A. Kukush, I. Mandel. Does Regression Approximate the Influence of the Covariates or Just Measurement Errors? A Model Validity Test. Cornell University, 2019, <https://arxiv.org/abs/1911.07556>

22. D. Kuznetsov, I. Mandel. Statistical physics of media processes: Mediaphysics. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications, V. 377, Issue 1, 1, 2007

23. R. Wasserstein, N. Lazar. The ASA statement on p-values: context, process, and purpose. Am Stat 70, 2016

24. H. Yazici. The P-value crisis and the issue of causality.

Rheumatology, V. 59, Issue 7, 2020

25. J. Ioannidis. Why Most Published Research Findings Are False PLoS Med. 2005; 2(8)

26. M. Baker. 1,500 scientists lift the lid on reproducibility. Nature 533, 452–454 (2016). <https://doi.org/10.1038/533452a>

27. A. Vaswani, N. Shazeer, N. Parmar, J. Uszkoreit, L. Jones, A. Gomez L. Kaiser, I. Polosukhin. Attention Is All You Need, arXiv:1706.03762, 2017

28. L. Chen, M. Zaharia, J. Zou. How Is ChatGPT's Behavior Changing over Time? <https://arxiv.org/pdf/2307.09009.pdf>

29. D. Ariely. Predictably Irrational. The Hidden Forces That Shape Our Decisions. Harper Perennial, 2010

30. И. Мандель, С. Липовецкий. Политизированная наука: отчет МГЭИК ООН 2021 об изменении климата, 2022, <https://7i.7iskusstv.com/y2022/nomer4/mandel/#comment-96020>

31 G. Lewy. The Armenian massacres in Ottoman Turkey: a disputed genocide, University of Utah Press: Salt Lake City, 2005

32. И. Мандель. Летописец своей души. Мысли и краски Самуила Бака, 2017 https://www.berkovich-zametki.com/2017/Zametki/Nomer2_3/Mandel1.php

33. I. Drori, et al. A Neural Network Solves, Explains, and Generates University Math Problems by Program Synthesis and Few-Shot Learning at Human Level, 2022, <https://arxiv.org/abs/2112.15594>

34. Д. Касянчук. «Страдание заставит по-другому смотреть на войну». 20 июля 2023. <https://thebell.io/stradanie-zastavit-po-drugomu-smotret-na-voynu-sotsiolog-elena-koneva-o-tom-kak-izmenilos-otnoshenie-k-voyne-u-rossiyan-v-prigranichnykh-rayonakh>

Лазарь Мармур – родился в Ленинграде. В 1972 году закончил Кораблестроительный институт. Инженер-механик в области больших грузоподъемных машин. Имеет несколько патентов. Стихи пишет со школы. Посещал литобъединения Давыдова и Горбовского. В 1989 году эмигрировал в США. Публиковался в различных периодических изданиях. В 2021 году вышла новая книга стихов – «Лестница в небо».

Дедушка Ленин

Даже странно так говорить, но эта история случилась в прошлом веке, в те далекие восьмидесятые, когда время помчалась, сорвавшись со всех цепей, по кочкам и рытвинам, к чему-то совершенно новому. Каждый день был другой, свежий как земляника. Все, кто хотел, бросились зарабатывать, кто чем мог. Телом я был не очень, поэтому зарабатывал головой и ногами.

Головой, при помощи рук, делал проекты по «начерталке» для ленивых студентов, а ногами, при помощи головы, распространял в школах Ленинграда билеты на детские спектакли.

Каждую субботу я выскакивал из дома с полным портфелем билетов и мчался в заранее выбранный район на утренний обход. Доходы были неплохие, хотя ноги я стаптывал по самое то.

Так вот, в один из таких дней попал я в одну школу, скажем где-то на Васильевском. Был май, для презентабельности я носил потертый костюм с галстуком и выглядел как чеховский интеллигент, чем, безусловно, подкупал пожилых учительниц младших классов.

Итак, в этот день мне нужны были именно такие классы. Я начал с третьих и через пару часов уже почти закончил раздавать учителям билеты. Оставался только первый «В», куда я и направился. Постучал, попросил учительницу выйти. Это была невысокая полная женщина лет 50, с усталым лицом без выражения. Собрав все оставшееся обаяние, я начал рассказывать – сегодня уже не первый раз – о прекрасном спектакле, который детям просто необходимо посмотреть. Она выслушала меня, не прилагая к этому никаких усилий, взяла билеты и неожиданно пригласила меня в класс – видимо, не хотела разбираться со мной в рекреации, где вот-вот начнется перемена. Мы подошли к столу, она начала раскладывать билеты, и тут раздался крик: «Дедушка Ленин!» Девочка на первой парте смотрела на меня

зачарованно и повторяла все громче и громче: «Дедушка Ленин, пришел дедушка Ленин». И тут весь класс подхватил это в едином порыве. Я посмотрел на учительницу, она побледнела вся, от корней волос до старых стоптанных туфель. В это время та же девочка, видимо, вспомнила свое предназначение и очень убедительно сказала: «Дедушка Ленин, а Васильев дерется». «Ябеда» – сказал мальчишка, сидящий сзади. «Я не ябеда, я октябренок». Маленький мальчик подскочил ко мне, ухватил за штанину и, воздев очи, шептал: «Дедушка Ленин, Дедушка Ленин». Учительница трагическим голосом промолвила: «Идите, идите уже». Я неловко откланялся, по возможности деликатно оторвал от себя юного апостола и быстро вышел, буквально слетев по лестнице.

Через две недели, как и было оговорено, я поехал собирать деньги. Ту школу я оставил на конец, боясь даже подумать о возможных эксцессах. Вестибюль встретил меня тишиной и шлепаньем половой тряпки. Уборщица, классического вида толстая бабка в фартуке поверх свитера и в тапочках, оглядела меня подозрительно и спросила: «Ты, что ли, будешь в бороде и с портфелем?» На мое удивленное молчание она продолжила: «Иди сейчас к Виктору Михальчу, директору нашему, на второй этаж. И не пачкай мне здесь, видишь, вымыто уже». Грациозно переступая через грязные разводы, я поднялся по лестнице и постучал в дверь с медной табличкой: «Директор». Услышав хрипкое: «Войдите», открыл дверь. За столом в дальнем конце комнаты сидел пожилой мужчина в сером костюме. Он встал, поправил галстук и пошел мне навстречу. «Позвольте представиться, Сергеев Виктор Михайлович, директор этой прекрасной школы. А вас как изволите величать?» «Лазарь» – смутился я и пожал протянутую руку. «А по батюшке как?» Я решил не нагружать бедного сложной информацией: «Савельевич». Директор облегченно вздохнул: «Дорогой Лазарь Савельевич, очень рад вас приветствовать в нашей обители, так сказать. Все учителя передали мне деньги и оставшиеся билеты. Просили выразить вам огромную благодарность за заботу о наших малышах. Присаживайтесь, прошу вас» – он показал на два стула около аккуратного столика у окна. Когда мы устроились, он сказал: «Все деньги я пересчитал два раза, все в полном порядке. Вот здесь, в конверте. Остаток билетов мы упаковали в этот сверток. Вам так удобно?» – видно было, что главного он еще не сказал, и у меня засосало под ложечкой. После долгого молчания он продолжил: «Понимаете, дорогой Лазарь Савельевич, у нас произошла... как бы точнее сказать, случилась определенная ситуация. После того как вы ушли, дети из первого “В” на переменах начали рассказывать, что к ним приходил Владимир Ильич Ленин, что он с ними разговаривал и хвалил отличников, и даже поцеловал

плачущую Оленьку Петрову в лобик. Дети, естественно, рассказали это родителям. Это дошло до родительского комитета, и они потребовали объяснить, почему актер, игравший роль нашего вождя, был приглашен только в первый “В” класс. Все наши объяснения их не убедили, и они обратились в райсовет. Хорошо, что там нашлись умные люди, которые прислушались к нашим словам и дело замяли. Теперь все учителя боятся вашего, простите, появления. Поймите меня правильно, вы действительно похожи ... что, конечно, делает вам честь, но сложности, которые это вызывает, слишком серьезные, поэтому могу ли я попросить вас, и без обид, пожалуйста, чтобы в нашу школу прислали кого-нибудь другого, с другой внешностью. Еще раз, дорогой мой, очень прошу вас не обижаться».

Я, конечно, заверил его, что все понимаю, все сделаю, и мы распрощались как старые добрые знакомые. Уже выходя из школы, я увидел уборщицу, которая смотрела с классовой ненавистью на мои грязные туфли, и неожиданно для самого себя, с необъяснимым удовольствием, я подумал: «А эту – расстрелять».

Возраст. Цикл стихов

Давайте долго жить, и правнуков дождемся,
Откликнемся в душе, не позванной еще.
Пройдем по их судьбе поземкой ли, дождем ли,
И дальше прорастем невидимым плодом.

Давайте долго жить – не потому, что надо,
А просто потому, что есть чем дорожить.
Есть в детях честь и долг, во внуках есть награда,
А правнуков узнать – тут надо долго жить.

Пролог

Давай с тобой условимся без драк.
Поделим человеческий век вот так:

Пусть будет первым – старшим – Возраст Рода,
Пространство-время твоего народа.
Возвысить, уронить – не всем дано.
Продлить, продолжить – это суждено.

А дальше – Личный Возраст. Здесь опять
Давай делить (хоть лучше умножать).

Начнет его, конечно, Возраст Света,
На коем, в общем, держится планета.
Но только светом мир необъясним,
И Возраст Школы следует за ним.

У Возраста Любви одна примета –
Из каждого выплескивать поэта.
А Возраст Дома строит прочный круг
Из самых близких и друзей-подруг.

Удача в деле благодарным эхом
К тебе приходит с Возрастом Успеха.
И будет Возраст Памяти грустить,
Что ничего не в силах изменить.

А с Возрастом Прощанья ты неспешно
Все возрасты оставишь безутешно.

Последний, Возраст Праха, он с тобой,
Пока кому-то дорог образ твой.

Возраст Рода

Мы крови одной, дорогая сестра.
На древе фамильном соседние ветки.
От всякой напасти, с утра до утра,
Хранить нас пытаются общие предки.

На их поколения хватало беды,
И жилистых римлян, и пьяных казаков.
На всех языках и наречьях – ЖИДЫ.
Под страхом погромов и смешанных браков.

Их пепел собрать – и не хватит Земли.
Их выплакать слезы – полны океаны.
Библейской дорогой исхода легли
Дороги рассеянья в дальние страны.

И в судьбы чужие вплетая свою,
Чужим языком утоляя гордыню,
Как трудно всегда нам стоять на краю,
Веками мечтая попасть в середину.

Мир с ними рождался и с ними старел.
Смотрел, как толпою их гнали на бойню.
И вторило эхо им: «Шма, Исроел...»
И детям глаза закрывали ладонью.

Потомство растет у тебя и меня,
И что ни случись, мы всегда по соседству.
А правнуки те же возьмут имена,
Как самое ценное в мире наследство.

Личный Возраст

На всякий возраст свой свинец,
Свои заплатки.
Затертый, в крошках, леденец,
Простой и сладкий.

Пропахший потом коридор
Седьмого класса,
И гладкий волос на пробор,
И... мимо кассы.

Сын выпросил велосипед,
Умчал с обеда.
Есть в длинном перечне побед
Мои победы.

И снова тот же леденец
Мерилом счастья
Припомнится вдруг под конец.
Пора прощаться.

Возраст Света

Еще ты связан пуповиной,
Но ангелы слетают с век.
Неповторимый и безвинный
Миг Появления на Свет.

Еще ни имени, ни веры,
И вслед за ней неверья нет.
Прими отпущенный без меры
Миг Появления на Свет.

Что? Холодно? Наморщи веки.
Кричи! Зови на помощь мать.
Здесь человек! У человека
Миг Появления... Не спать!

На этом свете нету лишних.
Живи свои сто двадцать лет
И празднуй, собирая ближних,
День Появления на Свет.

Возраст Школы

Мои Учителя меня не знали.
Они меня к доске не вызывали,
Контрольные мои не проверяли
В беспечные года.

Теплом и светом наполняя фразы,
Они стихи писали и рассказы,
И никогда – указы и приказы,
Доносы – никогда.

Мои Учителя меня не знали,
Но баловать меня не уставали,
Какие б времена ни наставали
И небеса.

Их узкий круг становится все уже,
Мне Бог не дал, я не был с ними дружен,
Но голову по-прежнему мне кружат
Их голоса.

Возраст Любви

Античный мальчик, как на грех,
стрелял не целясь.
Мы на Васильевском во всех
парадных грелись.

Сушил я ленточки дождя,
на веки дуя,
Полмиллиметра не дойдя
до поцелуя.

Летели дни, не зная бед,
в оконной раме.
Я приглашен был на обед,
представлен маме.

Казалось, только отвори...
Но как сначала,
я говорил и говорил,
она молчала.

А на прощанье – пара слов
и ни слезинки.
У беса невелик улов,
пуста корзинка.

Мы не успели нагрешить
ни сном, ни делом.
И надо было дальше жить
душой и телом.

Возраст Дома

Наши дети, наши внуки,
Мы с тобой.
Запах дома, пыль разлуки,
Дым трубой.

Сколько с яблоками съето
Пирогов!
Сколько сказано за это
Добрых слов!

Сколько радости, и ласки,
И тепла!
Нужно, чтобы без опаски
Жизнь текла.

Без потерь, не надрываясь,
Просто жить.
На чужих не нарываясь,
На чужих.

Возраст Успеха

Конечно, грех.
Но слаще нет греха –
Прийти в себя
Вослед последней строчке,
Пройти нетвердым шагом,
В одиночку,
По переулкам нового
Стиха.

И пусть он не прокормит
Потроха,
И краткий миг –
Не велика награда.
Но я, Создатель,
Встал с тобою рядом.
Конечно, грех.
Но слаще нет греха.

Возраст Памяти

Мне бы лодку, чтобы небо
Надувало паруса.
Океан придумать мне бы
И другие чудеса.

Чтобы, памяти в угоду,
Теплых избегая стран,
В направлении к восходу
Рассекать свой океан.

Чтоб, сорвавшись без разбега,
Плыть по собственным следам
В огуречный запах снега
С корюшкою пополам.

Где мой двор, мои ребята,
Где у старых серых плит
Зойка Зубова когда-то
На ветру со мной стоит.

Где заброшенный столетник –
Подоконное былье.
Папа. Вздох его последний.
И молчание мое.

И скользит волною полночь.
И воронками года.
Словно эхо: помнишь? Помнишь?
Не забудешь никогда...

И ни зрелища, ни хлеба
Не ищу я в небесах.
Мне бы лодку, чтобы небо
Надувало паруса.

Возраст Прощания

Снегопад. Пора прощанья.
Время тает на руке.
Обещанья, завещанья...
Собирайся налегке.

Путь не близок и не долог.
И стекло мутней слюды.
Снегопада белый полог
И следы, следы, следы..

Возраст Праха

Не хочу быть кормом для червей,
Над большой водой меня развей.

Пусть несет холодная вода
В дальние просторы и года,

Где на безоглядной глубине
Растворятся ДА мои и НЕГ,

Растворится человечья боль,
А душа останется с тобой.

Александр Матлин -

инженер-строитель, специалист по морским портам и водным путям. В Москве публиковал сатирические рассказы и фельетоны в советской периодической печати. В популярной серии «Библиотека Крокодила» вышла его книжка «Выгалкивающая сила». Гонорар за нее он истратил в 1974 году на отказ от советского гражданства и выездную визу. В США продолжал проектировать причалы и писать рассказы и стихи. Многие из них ходят по интернету, порой без имени автора. В последние годы выпустил четыре сборника рассказов: «На троих с ЦРУ» - изд. Вагриус, Москва, 2010,

«2 = 1» - изд. MIR Collection, Нью-Йорк, 2014, «Войти в реку времени» - изд. Bagriy Co, Чикаго, 2019, «Проклятие серых колготок» - изд. Bagriy Co, Чикаго, 2023.

Рассказы*

Гимн слабеющей памяти

Неумолимый факт: к старости память слабеет.

Пока это вас не касается, это звучит обыкновенной банальностью. Когда это начинает вас касаться, это звучит, как открытие.

Просто черт знает, что делается с памятью.

Иногда я вдруг забываю имя знаменитого актера, которое знал всю жизнь. Или название острова, на котором отдыхал в прошлом году. Я с ужасом жду того дня, когда забуду имя своей жены. Единственная надежда, что она к этому дню забудет мое.

По утрам я принимаю две таблетки, два разных витамина, которые должны укреплять мою слабеющую память. Таблетки большие, и их надо принимать по очереди. Сначала я принимаю одну таблетку, запиваю апельсиновым соком.

Потом принимаю вторую и тоже запиваю.

Потом я пытаюсь вспомнить, принял ли я уже первую таблетку или нет. Пока я терзаюсь этим вопросом, я забываю, принял ли я вторую.

По прошествии некоторого времени я нахожу решение. Я делаю

* Иллюстрации Михаила Беломлиного

так: прежде чем принять таблетки, я их обе выкладываю на стол. А уж потом принимаю. Теперь все ясно: если на столе две таблетки, значит, я их еще не принимал. Если одна, значит, другую я уже принял. Если ни одной, значит, я принял обе. Я торжествую свою победу над слабеющей памятью. Но недолго. Потом я начинаю мучительно соображать: если на столе нет ни одной таблетки, значит ли это, что я их принял или еще не выкладывал?

По-настоящему радикальное решение проблемы приходит позже и стоит мне 99 центов. Это – пластмассовая коробочка, изобретенная каким-то безвестным гением частного предпринимательства. В коробочке семь отделений, по количеству дней в неделе, и каждое отделение обозначено *S*, *M*, *T* и так далее. Как все гениальное, идея унизительно проста. Теперь можно ничего не запоминать. В начале недели я заполняю коробочку своими лекарствами, и далее каждый день опустошаю одно отделение, соответствующее дню недели. Какой сегодня день недели – тоже помнить не обязательно. Всегда можно посмотреть на календарь или включить телевизор.

Тут я вижу ваши иронические улыбки и слышу саркастические замечания: а помнишь ли ты, где висит календарь или как включается телевизор? Ах, бросьте вашу неуместную иронию, дамы и господа! Конечно, я помню! А если и нет, то всегда можно спросить у жены.

Кстати, о жене. Она кричит мне из спальни:

– Милый, сходи, пожалуйста, на кухню, принеси мне яблоко!

– Окей! – с готовностью отвечаю я и иду на кухню.

Там я сначала принимаю свои витамины (теперь я уже не путаю, принял я их или нет, спасибо безвестному гению пластмассовой коробочки). Потом открываю холодильник и долго вглядываюсь в его коварное нутро, соображая, что бы такое съесть. И, наконец, решив, что есть еще рано, закрываю холодильник и возвращаюсь к жене.

– Принес? – говорит она, не отрываясь от книги.

– Принес что?

– То, что я тебя просила.

– Ах, это... Извини, дорогая, забыл.

– Так сходи, принеси.

– Что принести?

– Ну, то самое. Что я тебя просила.

– А что ты просила?

– Какой кошмар! – кричит жена, вскипая справедливым гневом. – Простую вещь не можешь запомнить! Ладно, можешь ничего не

приносить!

По ее искреннему негодованию я понимаю, что она тоже забыла, что именно просила меня принести, но не хочет в этом признаться.

Впрочем, она не все забывает. Например, она не забывает съездить на неделю в Калифорнию проведать дочку. И тогда я остаюсь дома один, в упоительном одиночестве.

На третий день своего одиночества я замечаю, что перед моим домом стоит белая машина. Я пытаюсь вспомнить, стояла ли она здесь вчера. Кажется, да, стояла. Вообще, на нашей тихой улице не стоят машины. У всех есть гаражи, а если приезжают гости, то они ставят машину перед тем домом, куда приехали. И в тот же день уезжают. Зачем владельцу этой белой машины понадобилось поставить ее перед моим домом? К кому он приехал и почему не уезжает восвояси? Меня начинает это тревожить. В течение всего дня я, помимо своей воли, каждую минуту подхожу к окну. Машина не уезжает.

Так проходит день, и наутро я забываю про белую машину. Я просыпаюсь в хорошем настроении. Оказывается, иногда полезно иметь плохую память. Но после завтрака я нечаянно бросаю взгляд в окно, и меня прошибает холодный пот. Машина стоит на прежнем месте. Тут мне в душу закрадывается параноя, и мозг начинают сверлить гнусные мысли про терроризм, тайную слежку, КГБ (или как уж оно теперь там называется). Я решаю позвонить в полицию.

В нашем тихом городке замечательная полиция. Делать им нечего, и они с готовностью отзываются на любой звонок. Я делюсь с ними своими опасениями по поводу подозрительной машины. Полиция встречает мое сообщение с участием, переходящим в энтузиазм.

- Оставайтесь на месте, сэр, - говорит мне радостный баритон. - Заприте все двери и на всякий случай не подходите к окну. Мы немедленно высылаем полицейский наряд.

И действительно, не проходит пяти минут, как к моему дому подкатывает полицейская машина, и из нее выходят два рослых красавца в форме. Они не спеша обходят загадочную белую машину, светят на нее фонарем, хотя на улице яркий солнечный день, и что-то записывают. Потом отпирают ее с помощью длинной стальной линейки, садятся внутрь, звонят по телефону и опять что-то записывают.

Проходит полчаса, и, наконец, они вылезают из машины и стучат в дверь моего дома. Я приглашаю их в гостиную, прошу сесть. Они вежливо представляются: сержант Джэксон, очень приятно, сержант Рутковски, очень приятно. Они жалуются на жаркую погоду, спрашивают меня о здоровье и о моей семье. Они явно не спешат

перейти к делу, по которому приехали. Они ведут себя так, как будто пришли сообщить мне о смерти близкого родственника. Наконец, сержант Джэксон говорит:

- Сэр, мы установили личность и адрес владельца этой машины.

- Чудесно! - кричу я и трясу их натруженные сержантские руки. - Прошу немедленно арестовать негодяя! Пусть изволит объяснить, зачем он держит свою поганую машину у моего дома!

Но сержант Джэксон не разделяет моего порыва.

- Сэр, - говорит он тоскливо, - это ваша машина.

- Пардон?

- Ваша машина, - повторяет сержант Рутковски, не проявляя эмоций. - Хонда Аккорд, зарегистрирована на ваше имя, на ваш адрес.

- Сержант, - говорю я. - Вы умный человек, но мне просто противно ваш слушать. Я все-таки немного старше вас. У меня двое взрослых детей и несколько внуков, не считая внучек. И с вашей стороны очень некрасиво принимать меня за идиота. Моя машина стоит в гараже.

- Ага, - поняливо говорят сержанты. - Можно на нее посмотреть?

- Если вы никогда не видели Тойоты, то, пожалуйста, прошу пройти за мной, - говорю я, источая сарказм.

Я открываю дверь в гараж, включаю свет, и меня опять прошибает холодный пот. Гараж пуст. Я бледнею и хватаюсь за сердце.

- Сэр! - кричат сержанты, подхватывая меня под руки. - Вы в порядке, сэр? Принести холодной воды?

- Украли! - шепчу я. - Похитили! Звоните в полицию!

- Не надо звонить, сэр! Мы уже здесь.

- Да, да, конечно, - говорю я, приходя в себя. Я немного забыл про вас. Прошу немедленно составить надлежащий акт и приступить к розыску моей украденной машины.

- Сэр, - говорит сержант Джэксон, - ваша машина уже нашлась. Она стоит перед домом.

Я говорю:

- Чтоб ваша машина так у вас стояла перед домом, сержант! Моя машина - синяя Тойота, а вы мне подсовываете какую-то белую Хонду.

- Знаете что... - пытается сказать сержант Рутковски, но сержант Джэксон вовремя закрывает ему рот.

- Да, конечно, - говорит он. - Мы сейчас же приступим к розыску вашей машины. Мы будем держать вас в курсе дела. Всего хорошего.

Полицейские уезжают, а я начинаю искать ключи от своей синей Тойоты. Ключей нигде нет. Мне становится ясно, что похитители пробрались в дом, украли ключи и с их помощью угнали мою машину. Я начинаю думать, стоит ли позвонить жене и рассказать ей о том, что произошло. После недолгого раздумья я прихожу к компромиссному решению: позвонить, но ничего не рассказывать.

Сначала мы обсуждаем школьные успехи наших внуков, потом погоду в Калифорнии, и, наконец, я говорю, как бы мимоходом:

- Дорогая, ты случайно не помнишь, где лежат ключи от Тойоты?

- От какой Тойоты? - спрашивает жена, и в ее голосе звучат нотки подозрительности.

- От нашей синей Тойоты.

Жена некоторое время тяжело дышит в трубку.

- Милый, - говорит она с остервенением, - мы продали синюю Тойоту три года назад и купили белую Хонду.

Хорошо, что в этот момент она не видит моего лица. А голос можно подделать. Я говорю, изображая незначительность и безразличие:

- Ну да, - говорю. - Я как раз имел в виду белую Хонду. Это я так, по привычке называю ее Тойотой.

Кажется, мне удается ее обмануть.

- Как бы ты ее не называл, ключи лежат в спальне на тумбочке, - говорит жена. - А машину ты хотел поставить перед домом, чтобы не забыть меня встретить, когда я прилечу домой. Ты помнишь об этом?

- А как же! Ты же знаешь, что я ничего не забываю.

Проходит еще день, и я забываю про двух сержантов и про машину, которая, как выяснилось, принадлежит мне и стоит там, где должна стоять. Я снова просыпаюсь в хорошем настроении, спасибо моей негодной памяти. Но после завтрака я случайно бросаю взгляд в окно и... меня опять бросает в холодный пот. Машины перед домом нет. «Ага, - соображаю я. - Наверно, я перегнал ее в гараж и забыл об этом. Я захожу в гараж, и меня бросает из холода в жар. Гараж пуст.

Следующие два часа я лежу на диване, отупело гляжу в потолок и пытаюсь осмыслить происходящее. Мои бесплодные размышления прерывает телефонный звонок.

- Говорят из отделения полиции, - объявляет знакомый радостный баритон. - У меня для вас хорошая новость: ваша машина нашлась. Она доставлена к нам в отделение. Приметы, правда, не совпадают. Она не синяя, а белая, и не Тойота, а Хонда. Но по документам это ваша машина. Поздравляю.

- Спасибо, - говорю я уныло. - Вообще-то, она не потерялась...

- Как это не потерялась? - обижено перебивает радостный баритон.
- Разве вы не заявляли о ее краже?

Я говорю:

- То есть да, конечно, потерялась. Но не сразу. Она, вообще-то, как бы сначала нашлась, а уже потом потерялась, понимаете? Не понимаете? Это у меня такой английский язык. Как бы это вам объяснить... Когда я заявлял о краже, я имел в виду синюю Тойоту, которой у меня на самом деле нет.

- Я вас понимаю, - соглашается баритон. - Ваш английский просто великолепен. Гораздо лучше, чем мой польский. Мы немедленно продолжим розыск синей Тойоты.

- Не надо, не надо! - кричу я. - Меня вполне устраивает белая Хонда! И я не поляк. Когда вы привезете мою машину?

- Боюсь, что сегодня не сможем, - огорчается баритон. - Все в разъезде. Я думаю, что завтра, во второй половине дня. Это ничего?

Я великодушно соглашаюсь:

- Ничего. Я никуда не спешу. Будьте здоровы. Привет сержантам Джонсону и Берковскому.

- Спасибо. У нас, правда, таких нет, но я непременно передам привет всем сержантам.

Я окончательно успокаиваюсь, принимаю свои витамины и ложусь спать с чувством удовлетворения. Все проблемы решены.

Утром меня будит телефонный звонок. Звонит жена.

- Доброе утро, дорогая, - ласково говорю я. - Как там погода в Калифорнии?

- Чтоб ты засох от своей погоды в Калифорнии! - говорит жена, явно сдерживаясь от более выразительного лексикона. - Я уже час сижу в аэропорту и жду, когда ты за мной приедешь!

- Конечно, дорогая! - кричу я в испуге. - Сейчас же одеваюсь и еду!

Тут я бросаю взгляд в окно, и события вчерашнего дня всплывают в моей слабеющей памяти. Я говорю с облегчением:

- То есть я, конечно, одеваюсь, дорогая, но никуда не еду. Нашу машину украли.

- Как украли? - кричит жена. - Раззява несчастный! Шлемазел! Тебя на один день нельзя оставить!

Кажется, она подала мне идею.

- Да? - говорю я язвительно-спокойным голосом. - А кто велел мне поставить машину на улице? А? То-то же. Бери такси и приезжай домой.

К вечеру нормальная жизнь возвращается в наш мирный дом. Я смотрю новости по телевизору, а жена, уставши с дороги, читает в спальне Агату Кристи. В перерыве на рекламу я захожу ее проведать.

- Милый, - говорит она, - вот я лежу и думаю: как это полиция смогла так быстро найти нашу машину?

- Очень просто, - говорю я. - Потому что я подсказал им, где надо искать. Без меня бы они ничего не сделали.

- Какой ты у меня умный! - говорит жена, глядя на меня с любовью. - Сходи на кухню, принеси мне яблоко.

- Конечно, дорогая.

Я отрываю листок бумаги, пишу на нем «яблоко» и иду на кухню.

На троих с ЦРУ

Скажу прямо, без ложной гордости: человек я не примечательный. То есть, совершенно неприметный человек, ничем не выдающийся и никак себя не прославивший. Что делать, не всем же быть Хемингуэями.

Но один раз в жизни я все-таки почувствовал свою значительность. Было это много лет назад, вскоре после того, как мы с женой приехали в Америку. Жили мы в маленькой скромной квартире в небольшом городе в Миннесоте, где я нашел свою первую работу. В тот вечер, когда я в первый раз почувствовал свою значительность, я, как обычно, смотрел телевизор, а жена делала голубцы на завтра. И тут зазвонил телефон. Я, естественно, взял трубку и сказал «хелло». А может быть, я сказал «алё», поскольку никакого англоязычного звонка не ожидал. Но трубка заговорила по-английски, таким красивым плюшевым голосом. От неожиданности я не понял первой фразы, а вторая звучала примерно так:

– Я приехал из Вашингтона и хотел бы с вами встретиться.

Я стал лихорадочно соображать: как бы выяснить, что было сказано в первой фразе, и при этом не показаться идиотом. Я сказал небрежно:

– Надолго приехали?

– На пару дней, – вежливо ответил плюшевый голос.

– Ага. Можно спросить, зачем приехали?

– Чтобы встретиться с вами.

– Ага. А откуда вы?

– Из Вашингтона.

Я понял, что не показаться идиотом уже не смогу. А обладатель голоса тем временем проявил чуткость и добавил:

– Я работаю в интеллидженс сервисе и хотел бы с вами встретиться, так как вы недавно приехали из Советского Союза.

Так и сказал. В интеллидженс сервисе. Из Вашингтона. Специально приехал, чтоб со мной встретиться. В течение секунды мое воображение вспыхнуло и разгорелось, как пролитый бензин. Все ясно: интеллидженс сервис хочет использовать меня в качестве консультанта. Я им нужен как специалист по Советскому Союзу. А может, и по всей восточной Европе. Эксперт по делам холодной войны. Вот тут-то я и почувствовал свою значительность и незаменимость в деле обеспечения мира и безопасности во всем мире. Я сказал:

– Когда вы хотите встретиться?

– Я понимаю, что вы работаете, – сказал голос, продолжая проявлять чуткость. – Если хотите, мы можем встретиться в воскресенье. Где вам удобно.

– Хорошо, давайте в воскресенье, – важно сказал я и ощутил легкий пинок в зад. Оказалось, что моя жена уже давно стоит рядом, вытирая руки о фартук и прислушиваясь к разговору.

– На обед! Пригласи на обед! – внятно прошипела она.

С моей женой так. Каждого человека, с которым я вступаю в контакт, она считает своим другом и немедленно собирается кормить.

– Хотите прийти к нам на обед? – сказал я.

– О! – удивился плюшевый голос, имя которого, как выяснилось впоследствии, было мистер Цвайхман. – Это очень мило с вашей стороны! Но я не один. Со мной будет наш местный представитель. Это ничего?

– Ничего.

– Его зовут Патрик О’Миллэн. Это вас не смущает?

– Нет, нет, что вы, что вы, – сказал я, делая вид, будто понял, что имел в виду мистер Цвайхман. – До встречи в воскресенье.

– В котором часу они придут? – спросила жена, когда я положил трубку. – В шесть? Хорошо. Я сварю борщ и сделаю зразы с грибами. А кто они такие?

– ЦРУ, – сказал я, с нескрываемой гордостью.

Жена побледнела, и из глаз ее потекли слезы.

– Так я и знала, – сказала она сквозь всхлипывания. Не иначе, кто-то донес, что мы незаконно привезли из Италии килограмм салями...

В воскресенье, ровно в шесть раздался звонок в дверь, и я бросился открывать. Мистер Цвайхман оказался высоким галантным джентльменом с седеющими висками и тонкими усиками. Мистер О’Миллэн, наоборот, был коренастым рыжеватым блондином с лицом цвета спелого граната. Лучезарно улыбаясь, они вручили моей жене букет роз, мне – литровую бутылку «Абсолюта», и мы сели за стол.

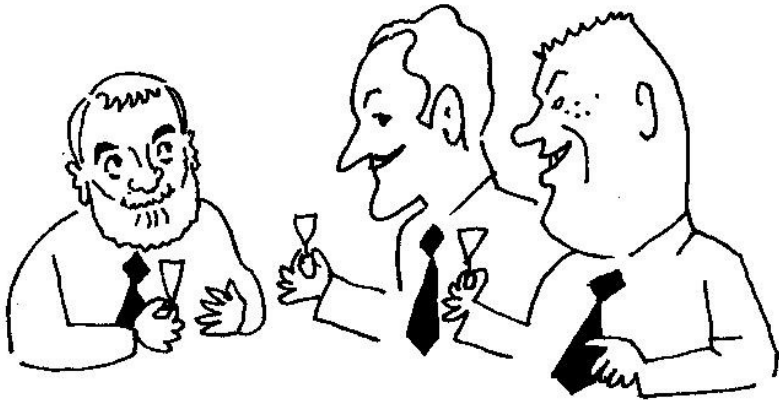
Вы знаете, как американцы пьют водку. Это – непристойность. Это – позор нации. Великий народ, подаривший миру Марка Твена и высадивший первого человека на луну, понятия не имеет, как надо пить водку. Они ее разбавляют! Чем угодно – томатным соком, апельсиновым соком, тоником, даже холодным чаем. При одной мысли об этом экран компьютера темнеет у меня перед глазами, и горло перехватывает спазма от боли за мою великую новую родину.

Впрочем, в тот вечер я не думал об этом. Захваченный ожиданием надвигающейся на меня значительности, я чувствовал себя американцем и готов был разделить их позорные навыки. Поэтому я спросил, чем мои гости хотят разбавлять водку. Услышав этот вопрос, мистер О'Миллэн потупился.

- Я думал, русские пьют водку прямо так, не разбавляя, - сказал он, и в голосе его прозвучала тоска и надежда.

- Пожалуйста. Конечно. Как хотите, - сказал я и посмотрел на мистера Цвайхмана. Все-таки, он был начальник, из Вашингтона.

- Я вас предупреждал, что он ирландец, - сказал мистер Цвайхман и, неожиданно перейдя на русский язык, добавил с легким акцентом: - Меня можете не спрашивать. До войны я жил в Воронеже.

Я налил, и мы выпили за здоровье хозяйки дома, как галантно предложил мистер Цвайхман. Я налил снова, и мы выпили за наше благополучное прибытие в Америку, как предложил мистер О'Миллэн. Потом мы выпили за мое здоровье. Потом - за процветание Соединенных Штатов. Потом - за наши с женой успехи в работе и личной жизни. Потом - за успехи американских атлетов в предстоящих олимпиадах. Потом - почему-то за дружбу американского и пуэрториканского народов.

После каждого тоста я ожидал, что мои гости, наконец, заговорят о важном государственном деле, по которому они приехали. Но они говорили обо всем на свете - о старых фильмах, о плохом климате в Вашингтоне, о болезнях позвоночника, о своих огородах и своих семьях. Оказалось, что у мистера О'Миллэна шесть детей, и мы выпили за здоровье каждого из них в отдельности. Потом оказалось, что двое из них замужем, и мы выпили за счастье их семей, каждой в

отдельности. К тому времени, когда дело дошло до здоровья моего двоюродного брата, я уже слабо соображал, за что и с кем я пью. «Абсолют» кончился, и я достал из холодильника бутылку «Вольфшмита». Конечно, подавать «Вольфшмит» после «Абсолюта» позорно, но мои гости приняли это проявление бедности с благородным снисхождением. Около одиннадцати часов вечера мы пересели на диван. Мистер Цвайхман, которого я к тому времени уже запросто называл Бобом, сказал:

– Теперь поговорим о деле. Бизнес есть бизнес. Ты приехал из страны, с которой мы находимся в состоянии холодной войны. Наше правительство интересуют все секреты этой страны, какие ты знаешь.

– Ребята, – сказал я, с трудом ворочая английским языком, – можете на меня положиться. Я сделаю все возможное, чтобы мы с вами одержали победу в холодной войне. Но никаких секретов я не знаю. Мне их не доверяли.

Это была суцая правда. Я был инженером-строителем, и все мои профессиональные знания ограничивались тем, как месить бетон и ругаться матом с рабочими, что вряд ли могло заинтересовать правительство Соединенных Штатов. Мой друг Боб Цвайхман огорчился.

– Слушай, вспомни что-нибудь, – сказал он. – Ты мне друг или портянка? Как я буду отчитываться перед начальством?

Я напряг память и, к своему удивлению, кое-что вспомнил. Я сказал:

– Боб, я знаю один советский секрет. Отметки.

– Не годится, – вздохнул Боб. – К сожалению, твои школьные отметки нашу разведку не интересуют.

Я понял, что мой друг далек от точных и естественных наук и, как мог, объяснил ему, что отметка есть понятие физическое. Так называется превышение уровня земли над уровнем океана. Абсолютная отметка.

– Понятно, – сказал Боб, проявляя сообразительность опытного разведчика. – Что ж тут секретного?

– Черт его знает, – признался я. – Почему-то абсолютные отметки там засекречены. Но некоторые из них я знаю на память. Тех мест, где я бывал. Могу выдать в целях борьбы с коммунистической экспансией.

– Давай, – нехотя согласился мистер Цвайхман. – С паршивой овцы хоть шерсти клок. Я доложу нашим специалистам; пусть сами разбираются, что делать с твоими воночными отметками.

Мы расстались закадычными друзьями, обменявшись адресами и

поклонившись, что будем поддерживать постоянную связь до конца жизни. После их ухода мое ощущение собственной значительности померкло. Жизнь вернулась в свою колею, и вскоре я забыл о своих друзьях из ЦРУ.

Каково же было мое удивление, когда полгода спустя раздался звонок, и знакомый плюшевый голос ласково объявил:

- Привет, это я, Боб Цвайхман. У наших специалистов возникли вопросы по поводу этих... твоих... сам знаешь. Это не телефонный разговор. Не возражаешь, если к тебе в воскресенье утром зайдет Патрик?

Я не возражал. Патрик О'Миллэн явился в воскресенье когда мы с женой только встали. Мы пригласили его позавтракать с нами. Он охотно принял приглашение, сел за стол и вынул из портфеля бутылку «Абсолюта».

- Может, разбавим апельсиновым соком? – предложил я.

Патрик бросил на меня укоризненный взгляд, и я устыдился бестактности своего вопроса. После шестой рюмки Патрик сказал:

- Понимаешь, у наших специалистов возникли серьезные разногласия в вопросе о том, что такое абсолютная отметка. Они просили, чтобы ты дал разъяснение.

- Запросто, – сказал я. Как нас учили в школе, это есть превышение над уровнем Балтийского моря или над каким-то Кронштадтским футштоком. Кронштадт – это город. Что такое футшток, я не знаю.

Патрик старательно записал каждое мое слово, обдумал записанное и сказал:

- Это очень сложно. Где это можно найти в письменном виде?

- В советском учебнике географии для шестого класса.

- А где его взять?

- Не знаю. Наверно, в Москве.

- Ага, – удовлетворенно сказал Патрик. – Придется привлечь к этому вопросу нашу внешнюю разведку за железным занавесом...

Это был мой последний контакт с ЦРУ. С тех пор я никогда не видел ни Боба, ни Патрика.

Месяца через два после моего завтрака с мистером О'Миллэном советское информационное агентство ТАСС опубликовало официальное заявление о том, что в Советском Союзе разоблачен и выслан из страны американский шпион. Он был пойман с поличным во дворе одной из московских школ, где пытался незаконным путем приобрести учебник географии. В ответ на провокационную акцию

Советского Союза правительство США выслало из страны двадцать два советских дипломата. Комментарии к этому событию долго не сходили со страниц американской прессы, и все это время меня не покидало восхитительное чувство собственной значительности.

руководит и поныне. Мать двух сыновей.

Зоя Полевая – родилась в Киеве. Окончила Киевский институт инженеров гражданской авиации. Работала авиаинженером. Стихи писала с детства. В 90-е годы посещала поэтическую студию Леонида Вышеславского «Зеркальная гостиная» и двадцать лет была членом клуба «Экслибрис», руководимого Майей Марковной Потаповой, при Киевской городской библиотеке искусств. В 1999 году в Киеве вышел поэтический сборник «Отражение». С сентября 1999 года живет в США. Печатается в литературных журналах. В 2002 году, продолжая киевские традиции, организовала в Нью-Джерси литературный клуб “*Exlibris NJ*”, которым

Возвращение

Киевским родным и друзьям посвящается

*Інших опцій немає сьогодні у Бога.
Світло й темрява. Пекло і рай.
Нежиття і життя. Окрім цього – нічого.
Визначатись тобі. Вибирай...*

Г. Фалькович

16 октября 2022

Как же тяжело сегодня в кривом зазеркалье войны.
Только стон, только скрежет и свист, только взрывы слышны.
А слова, распадаясь на крики, и всхлипы, и вздохи,
Где беспомощны, где неуместны, где плохи.
Жди! Поэтика выйдет из плена, для жизни восстанет,
Когда дикий металл уже намертво в жерле застрянет,
Когда в пыль превратится чужая, безумная небылъ,
Когда души погибших высоко подымутся в небо.

21 апреля 2022

Мы все сейчас на войне:
Те, кто в тылу, – вдвойне,
А те, кто на поле боя, –
Десятерых заменяют собою.

Рвать по живому – злая наука, но в ней
Преуспевали и единицы, и сотни тысяч.
Будущее из прошлого проступает ясней,
Если прошлое ложью не выжечь, не высечь.

Мы все сейчас на войне,
Среди нас нет таких, кто вне,
А если такие есть –
Им с нами не пить, не есть.

Война – не сестра, не подруга, и тяжело с ней.
Сердце страдает, болит и рвется на части.
Будущее из прошлого проступает ясней.
Говорить ли сейчас об участи, когда нужно участие?

Мы все сейчас на войне.
Литература упала в цене,
А сводки, видеоленты и интервью
Сотнями жизней вошли в твою.

Это столетье опять началось с азов:
Кровь, преступленья, блокады, беда, утраты.
Нынче пароль – «Мариуполь», ответ – «Азов»,
Нынешний каждый день – роковая дата.

Мы все сейчас на войне.
Пожелай пережить ее мне,
Потому что на поле боя
Сердце мое как щит над тобою.

26 февраля 2022

Мое сердце рассечено этой войной.
Я о близких молю, я страдаю виной,
Я прощенья прошу у могилы отца.
Как прикрыть эту землю, с какого конца?
Там лежит моя бабушка в Бабьем Яру,
Но я знаю: я выживу, я не умру.
Я теряю реальность, я словно во сне:
Вот мой город, мой дом, моя мама в окне.
Что ж за мальчики в касках, на чьем языке
Говорят ваши танки, сползая к реке?
Уходите! Не пейте воды из Днепра.
Дома матери ждут, возвращаться пора.
Всем вам хватит огромной российской земли,
Уходите домой, вы напрасно пришли.
Затянулись ученья до черных дымов –
Вас опять обманули. Идите домой.

Украина сегодня в огне и в борьбе.
Мир с тобой, Украина, и жизни тебе!

Киев. Сентябрь 2014

Между аэропортами время,
Скользнув, упало на дно.
Разберут и разнесут по свету
Его почтальоны.
Послушайте, я хочу сказать:
Мне не все равно,

Кто населять будет завтра
Эти горы и склоны.

Мой город остановился и замер
Недалеко от войны.
Но его переулки и дворики
Еще подметают,
Продают горячие
Пирожки и блины.
И живут в этом городе те,
Кого мне так не хватает.

Возьмусь за горло
И междометия заменят слова.
Захлебнется сердце,
Под ребром заводится остро.
Господи,
Только бы Вера была жива –
Моя тетя Верочка,
Мой непотопляемый остров.

И эта девочка –
Не ведает, что творит, – влюблена.
Разве я ей советчик?
Сама ломает и строит.
И эта женщина –
Неужели она
Узнает меня
И зовет сестрою?

Провожанье в предместье.
Поздний вечер. Слух
Доминирует
Над беспомощным зрением.
Мы идем вдвоем,
Я считаю до двух,
Перебирая
Свои впечатления.

Был день,
Неожиданный, как кино:
Дворняги, река,
Мой попутчик с посохом.
И мысль:
Увидимся ль, суждено
Добраться сюда –
По воде ли, посуху?

А после – аэропорт.
И эти полдня
Пуповиной оборванной
Бессмысленно будут болтаться.
Вроде я еще здесь,
Только жизнь обтекает меня.
Нелегко улететь,
Но еще тяжелее остаться.

А дальше – время,
 Как в прорезь почтового ящика ускользнет,
 Когда, вспыхнув крыльями,
 Отражая солнце,
 Повиснет игрушкой
 Самолет
 В облаках –
 Белоснежных небесных соснах.

Киев. Июль 2012

Дыни херсонские, вишни нежнейшие –
 Темные, терпкие, солнцем прогретые.
 С детства знакомые улицы здешние,
 В ясное, росное утро одетые.

Воздух сладчайший и ветер такой
 Свежий, бодрящий, упругий, морской
 Веет, меня за собой увлекая,
 Хоть посередине материка я.

Это мой Киев, мой ласковый Киев,
 Это в закате иду вдоль реки я,
 Там, где при всех, не смущаясь нисколько,
 Счастье так юно меня обнимало.

Радость моя, я не помню усталость,
 Много прошло или мало осталось –
 Это не важно, а важно другое:
 Жить и дышать, обретя дорогое.

Город магический, город нетленный,
 Вот я – твой подданный, беглый и пленный.
 Город мой, сердца и солнца слиянье,
 Нет расставания – есть расстоянье.

В преддверье 2000-го

А в Киеве нынче чудесная осень.
 И кленам с каштанами листья не сбросить
 До тех пор, пока в синеве облака
 Белее и легче лебяжьего пуха.
 Там нынче, как в храме, стоит перезвон –
 Слепящих лучей, золотящихся крон,
 Светлейших берез, тонко плетенных лоз, –
 Едва различаемый слухом.

И я в этом храме бывала не раз,
 Вдыхала там воздух горчайший и сладкий.
 Там все было ясно, как в школьной тетрадке,
 От грома до шепотом сказанных фраз.
 И я всякий раз возвращаюсь туда,
 Где любят меня, где мое место пусто,
 Где рядом идут нищета и искусство,
 И дух просветленный, и в хлебе нужда.

Там сад мой, с хрустальной росой поутру,
 Со мною заводит такую игру,
 В которой по-прежнему лето.
 Деревья мои, будто верные псы,
 Затихли и ждут, не считая часы,
 Всё преданней с каждым рассветом.

3 сентября 2022

*Памяти отца –
 Дмитрия Лазаревича Полевого,
 ветерана Второй мировой*

Сад – это рай мой на земле,
 В нем живы предки и потомки.
 Я возвращаюсь сквозь потемки –
 Там ключ остался на столе.
 Стена – нестругана доска,
 Веранда смотрит прямо в небо.
 Там начинается строка
 И явь, и сон, и быль, и небыль.
 Там дом отца, там смех детей
 И жажда вечная любви,
 И чистота, и смысл в слове,
 И святость жизни без затей.
 Туда чужие не придут,
 Деревья там, как часовые,
 Они – мои, они – живые,
 Они меня там вечно ждут.
 Прохлада, дым, костер ночной,
 Туман, садящийся в низины,
 И расставания на зимы,
 И возвращения весной.
 Стрекозы, груши, аромат
 Ночной принцессы – маттиолы...
 И этот мир мой – дом мой, сад –
 Тверд как орех и не расколот.
 Туда чужой не попадет –
 В тот рай земной, что стал небесным,
 Где сыплет яблоками бездна
 И мой отец за чаем ждет.

4 Мая 2022

*Пока бетховенских аккордов
 дрожит струя,
 гори, трещи, мой шнур бикфордов,
 суть бытия.*

Виктор Фет

Даже среди плотного тумана,
 Даже с догорающим шнуром,
 Даже если страшно жить и странно, –
 Пишем, слышим, дышим и живем.

Вопреки? В связи? В дремучей чаще?
В темные и злые времена
Строчки в нас рождаются все чаще
В час, когда опора нам нужна.
Может быть, и возникает свет
Из такой непрочной паутины
В день, когда надежды больше нет,
В миг, когда нас Бог почти покинул?

13 ноября 2022

I

Палитра мира непроста,
Мир не читается с листа,
Дни сжаты до мгновений.
Но, выбирая жизнь и свет,
Понятно – полумеры нет.
И нужен скальпель – вот ответ
На пятна на рентгене.

Во тьме ночные города
– Сегодня или никогда! –
Остры и коротки слова,
Как выстрелы, жестоки.
Но, выбирая жизнь и свет,
Понятно – полумеры нет,
Когда война, когда бои
На юге, на востоке.

II

У каждого своя и правда, и вина,
Дорога и судьба в разъятом мире этом.
Но шрамом на живом останется война,
И скорбь не улечуится с рассветом.

Отступит тьма, воспрянут города.
Разгладит землю солнцем и снегами.
Но как вернуть любовь, забыть врага,
Отставить автомат, расстаться с сапогами?

Юрий Солодкин – родился и всю жизнь до отъезда в Америку прожил в Новосибирске. Прошел все ступени научного сотрудника – от аспиранта до доктора технических наук, профессора. В Америке с 1996 года. Работал в метрологической лаборатории в Ньюарке. Рифмованные строчки любил писать всегда, но только в Америке стал заниматься этим серьезно. В итоге в России вышло четыре поэтических сборника, книга прозы и шесть книжек стихов для детей. Кроме того, в интернет-журналах Берковича и в журнале «Время и Место» опубликованы очерки и эссе.

Несочиненные стихи

От старости себя не уберечь.
Стареть достойно. Лишь об этом речь.

* * *

Во времени мы мчимся напрямик.
Мелькают друг за другом дни и ночи.
Ушедшее все больше сжато в миг,
Грядущее короче и короче.

* * *

После смерти, верьте иль не верьте,
Что-то есть – иль это ерунда?
Но один живет до самой смерти,
А другой уходит в никуда.

* * *

Я раньше был немного глух,
А нынче обострился слух,
И тиканье часов, поверь,
Все громче слышу я теперь.

* * *

Каких сто двадцать! Не моргнешь и глазом,
А жизни, по большому счету, нет.
Во времени меж дурью и маразмом
Живем всего два-три десятка лет.

* * *

Надежно скрыта тайна мироздания,
А близится уже конец дороги.
Как миновать телесные страдания?
Как миновать душевные тревоги?

* * *

Если вдруг ты захочешь покинуть меня,
Я не стану держать, отпущу, не кляня.
Ты была моей страстью, любовью, судьбой.
Я любил тебя, Жизнь, я был счастлив с тобой.

* * *

Переплелись и былъ, и небыль.
Я прошлому родился вслед.
Я в этом мире был и не был.
Был – миг, а не был тыщи лет.

* * *

Любые странности приемлю,
Но эту как постичь умом –
Мы поднимаемся на Землю
И в Небо падаем потом.

* * *

Душа бы с радостью взлетела,
Но как в нее вцепилось тело!

* * *

Что за последнюю чертой?
В ответ беззвучно прозвучало:
Все обернется Пустотой,
Которая всему Начало!

* * *

Как волны, мы по жизни на бегу,
Откуда катим и куда, не знаем.
Мгновенье пошумим на берегу
И, откатясь, в пучине исчезаем.

* * *

Вместе с Диогеном

Запомнились слова мне мудреца,
Не обо всех они, о многих все же,
Что старца поучать на то похоже,
Как вылечить пытаться мертвеца.

* * *

Ты на исходе лет лови
Слова признанья и любви.
Нет сладостнее этих звуков,
Идущих от детей и внуков.

* * *

Мы во времени каждый своим.
Ничего не поделаешь тут.
Дни для внука идут на подъем,
А для деда на спад идут.

* * *

Старею, меняюсь наружностью,
Со слабостью в мышцах борюсь.
Но вдруг оказаться ненужностью
Я больше, чем смерти, боюсь.

* * *

Что приход в этот мир для меня означал?
Сколько радостей было моих и кручин!
Бесконечные поиски бесконечных начал.
Бесконечные следствия бесконечных причин.

* * *

Прощальный день все ближе, ближе.
Исчезнет луч последний света.
Уже и то я не увижу,
И вряд ли я увижу это.

* * *

Не знаю, сколько там осталось,
Знать не положено мне это.
Но появляется усталость -
Грядущей старости примета.

* * *

Считаешь удачи свои, неудачи,
Был ты прозорлив иль наивный простак,
И в каждый момент все могло быть иначе,
И в каждый момент было именно так.

* * *

Вершит Земля свои круги,
Старею незаметно я.
Вот и враги не все враги,
Вот и друзья не все друзья.

* * *

Мне стать придется скоро стариком,
Иначе долгой жизни не случится.
О вечности я думаю тайком,
Но старость громко в дверь мою стучится.

* * *

Что за прок в моих прожитых годах?
Все свершил иль еще не конец?
Что за тайну в зашифрованных кодах
Для меня предназначил Творец?

* * *

- О, Боже, нет моих больше сил,
Страдаю на Земле столько лет.
Услышал Бог его и спросил:
- Так будем продлевать или нет?

* * *

Опыт есть, да вот глаза ослабли –
Наступил опять на те же грабли.

* * *

До провидца, увы, не дорос,
И общения с будущим нет.
На сегодня возникший вопрос
Во вчерашнем ищущу я ответ.

* * *

Все быстрее приходит усталость,
И прилечь все чаще не прочь.
Незаметно подкралась старость.
Это вечер. Еще не ночь.

* * *

Когда велит стареть закон природы,
Календари обманщикам сродни.
И кажутся короткими нам годы,
Но длинными мы ощущаем дни.

* * *

Вращаюсь с планетой, во времени мчась.
Живу в настоящем, на прошлом учась.
Все меньше грядущих осталось мне лет.
Немножечко грустно, немножечко нет.

* * *

Незваной заявила старость,
Присела в уголок души.
Скажи мне, сколько там осталось?
Молчишь? Молчи, но не спеши.

* * *

Не жду ни рая я, ни ада.
Земная жизнь – моя награда.

* * *

Рождение – первый Божий дар,
Любовь – вторая нам награда.
А третий дар, пока не стар, –
Понять, что третьего не надо.

* * *

Окрестность малая совсем,
Где был любим и дорог всем.
По ней беру свой интеграл,
В ней жил и роль свою играл.

* * *

Причудлива и странна жизни нить,
И парадоксам, вправду, нет предела.
Что будет, мы не можем изменить,
Что было, мы меняем то и дело.

* * *

Пока я не дойду до точки,
Пока живинка есть в лице,
Во мне рифмованные строчки
И многоточие в конце.

* * *

За этим мигом быть иному мигу.
Какие в нем откроются штрихи?
Листаю ненаписанную книгу,
Шепчу несочиненные стихи.

* * *

Стихи текут из-под пера,
Меня надеждами питаю.
Поставить точку бы пора,
Но вместо точки – запятая.

* * *

Бессмертным стать не можно сметь,
Пока не наступила смерть.

* * *

Хоть природа не терпит возврата,
Вправду, схожи и детство, и старость,
Как зари восходящая алость
И прощальная алость заката.

* * *

Звезд на небе число несметное,
С безграничностью в паре вечное.
Как понять может вечность смертное?
Безграничность постичь конечное?

* * *

Из Эпикура

Мы несовместны в ходе лет.
Есть я, и значит, смерти нет.
А после рокового дня
Есть смерть, и значит, нет меня.

* * *

Не знаю толком, из чего я сложен,
Но к сложностям всю жизнь предрасположен,
И труд познания на меня возложен,
Пока я не положен и разложен.

* * *

Одoleвая годы круг за кругом,
Будь предан другу и не предан другом.

* * *

Разочарован я во многом,
И очень бы хотел, поверьте,
Поговорить при жизни с Богом.
Но очередь к нему – до смерти.

* * *

О Боге думал с осторожностью,
Не все и боясь немного.
Жизнь хороша своей безбожностью,
Но тяжело помирать без Бога.

* * *

Как примирить миг жизни быстротечной
С неведомой до смерти жизнью вечной?
Как примирить свое земное «Я»
С надежно скрытой тайной бытия?

* * *

Не дай нам Бог безвременной кончины.
Но смерть не враг, и смысл ее велик.
У нас, живущих, нет иной причины
Ценить, как дар небесный, каждый миг.

* * *

Растворюсь в кромешной темени,
И другого не дано.
Что останется во Времени,
Знает только лишь Оно.

* * *

Мне в самую проникнуть суть бы
И пару слов сказать Тому,
Кто пишет в Книгу наши судьбы,
Непостижимые уму.

* * *

Какие таинства таятся
В судьбе, ниспосланной Тобой?
Не знаем. И зовем судьбой
То, в чем сумели состояться.

* * *

Колотимся в искусстве и в науке,
Лелеем втайне дел своих значенье.
Но в старости у нас есть только внуки,
Чтоб наше оправдать предназначенье.

* * *

Признание – сладостный итог
Всех наших дел на белом свете.
В делах нам помогает Бог,
Он за признание не в ответе.

* * *

Покинув тело, гордо рея,
Возносится душа еврея.
Не грех счастливой быть и гордой,
Навек простясь с жидовской мордой.

* * *

Материализм с неодобрением
Я воспринял сразу и давно.
Что ж, я после смерти удобрением
Стану, как последнее говно?

* * *

Доживши до седин,
В неистовстве своем
Он был всегда один,
Но никогда – нулем.

* * *

Привычки старые меняю –
Морковный сок ищу в меню.
И больше не осеменяю,
А лишь ногами семеню.

* * *

Как сила жизни быстро тает,
Ненужный опыт обретается.
Один, что без костей, болтает,
Другой, что без костей, болгается.

* * *

Век долгий не награда,
Скорей, похож на месть,
Когда тебя не надо,
А ты все есть и есть.

* * *

Ни один вопрос не прояснится,
Если не отпустит поясница.

* * *

Я, как все до меня и за мной,
В окружающей сгину среде.
Тело в тверди исчезнет земной,
А душа растворится в воде.

* * *

Почтенный возраст. Стало быть, почтенье.
Но не ему отдал бы предпочтенье.
Немного грустно, что отныне нет
Моих минувших предпочтенных лет.

* * *

Время с шага перешло на бег.
Вот уже и мчится нешутейно.
Это вам не формула Эйнштейна.
Это жизнь. Старее человек.

* * *

Последний круг. Последние уроки.
Последний, пусть нескорым будет, срок.
Напишем жизнерадостные строки,
А что не так, оставим между строк.

* * *

Верить буду, друзья, до последнего дня
В то, что старость значительно старше меня.

Юрий (Гари) Табах -

первый выходец из СССР, ставший офицером вооруженных сил США. Получил степень бакалавра в университете *Temple*, степень магистра (MBA) в университете *Jacksonville*. Бывший начальник штаба НАТО в Москве. Был назначен в Государственный департамент в качестве советника посла США и специального представителя президента США в бывшем Советском Союзе, а затем работал в посольстве США в Москве. Один из ведущих мировых экспертов по угрозам, исходящим от Российской Федерации, по борьбе с терроризмом и по вопросам национальной безопасности. В Ираке и Турции командовал антитеррористическим центром НАТО, за что был награжден орденом «Легион почета» - одной из высших военных наград. В настоящее время помогает Украине и Израилю в их борьбе с терроризмом и оказывает помощь раненым военным.

Однажды мне пришла в голову мысль записывать короткие истории моей жизни на моем канале YouTube. Делал я это по субботам. Ну и поэтому назвал весь этот цикл «Капитанские субботы». За десять лет у меня набралось значительное количество таких историй. Четыре из них я хочу представить читателям ежегодника Миллбурнского клуба.

Капитанские субботы

Почему я стал военным

Хочу рассказать, почему я стал военным. Мне часто задают этот вопрос. Говорят, что ты, мол, из интеллигентной семьи. Твои родители - врачи. Почему же все-таки ты стал военным? Ответа на этот вопрос, наверное, нет. Но я попытаюсь хотя бы рассказать, что случилось со мной в детстве. Может быть, это как раз и сформировало мою личность...

Очень часто в офицерском собрании после какого-нибудь задания мы с моими подчиненными сидели, курили сигары, пили виски. Меня тошнило от сигар. Я бледнел. Покрывался холодным потом. Ко мне подходил какой-нибудь громила и говорил:

- Сэр, не надо. Вы и так на военного не похожи. И не старайтесь.

Я спрашиваю:

- Как это я на военного не похож? А на кого же я похож?

- На еврея...

Я говорю:

– Ну тогда я, может быть, похож на израильского военного?

– Не знаю. Мы их не знаем. Но на нашего военного вы не похожи.

В общем, у меня всегда был этот комплекс. Ну, конечно, я этому офицеру говорил, что я его запомню и на следующем задании объясню, кто на кого похож. Я запоминал... Не потому, что я злопамятный. Просто я злой и память у меня хорошая.

Ну вот. А теперь – из моего самого раннего детства. Самое первое воспоминание. Помню, я тогда еще плохо говорил, такой был маленький. И моя мама иногда брала меня к себе на работу. Она была психиатром и работала в психбольнице. Ну, по-нашенски, в дурдоме. И, видимо, она меня оставляла где-то, в какой-то столовой. И в эту столовую приходили медсестры, играли со мной, покупали мне пирожки, и я что-то там рисовал.

В один прекрасный день туда приходит какой-то дядька. Я, конечно, тогда не понимал, что люди с психическими расстройствами могут гулять, приходиться, уходить. У меня было детское понимание всего этого. И он был весь такой – в коричневой шляпе, в коричневом костюме. И фотоаппарат у него в чехле – тоже коричневом – висел на груди. Это я хорошо запомнил. Он взял какой-то компот. Стакан. Посмотрел на него и говорит:

– Ну, все! Не будет буржуинов, и армия не нужна.

И выпивает весь этот компот, ставит стакан, разворачивается и уходит.

Я, конечно, расплакался. Как это – армия не нужна?! А что же будет с армией? Армия – это ведь хорошо. И вообще мне нравилось все это. В общем, я расплакался. Прибежала моя мама. Подумала, что я испугался этого фотоаппарата. Она сказала:

– Нет, это просто чехол. Фотоаппарата там нет.

А я кричал, что хочу, чтобы были буржуины. Это вообще в те годы так говорить! «Где ты это слышал, чтобы были буржуины?! Мы не хотим, чтобы были буржуины». – «Нет, я хочу, чтобы были буржуины!» – «Кто этого придурка с чехлом от фотоаппарата сюда пустил?!»

В общем, – скандал в столовой. Пока разобрались: я хочу, чтобы были буржуины, потому что хочу, чтобы была армия. Какая-то медсестра принесла мне военную пуговицу. Я успокоился. И видите, армия осталась.

Еще одно мое раннее воспоминание – это первый класс, первый день. Мы жили в таком районе, где обитали преимущественно

милиционеры и военные. Где-то там был штаб МВД. В классе, да и даже в школе, я оказался единственным, кто отличался как внешностью, так и одеждой. Тогда я первый раз понял, что я какой-то не такой.

В первом классе бытовала советская традиция – надо было встать и сказать всем свое имя, отчество, фамилию и кем папа работает. В основном там у детей папы работали в МВД. И весь класс был МВД, и дом, где мы жили, был МВД. По очереди встают все ученики и начинаются диалоги:

– Александр Васильевич Миронов. Мой папа милиционер.

– Ой, твой папа нас защищает. Бандитов ловит. Охраняет наше спокойствие. Гордись, Сашенька, своим папой. Он герой. Садись, молодец, хороший мальчик.

– Анна Петровна Новикова. Мой папа военный.

– Ой, твой папа нашу родину защищает, Анечка. Гордись своим папой. Ты хорошая девочка. Садись.

И я сижу и жду. Сейчас мой папа тоже будет героем. Я тоже буду им гордиться, и я тоже хороший мальчик. Ну, моя фамилия Табах, и я где-то в конце алфавита. У всех папы герои. И вот я встаю и говорю:

– Меня зовут Юрий Зиновьевич Табах. Мой папа зубной врач.

Учительница так посмотрела на меня, как будто не понимала, какую социальную пользу мой папа вообще может приносить обществу. И она так махнула рукой и сказала – ну, мол, ладно, садись.

Я сел с чувством, что со мной что-то не в порядке. Ну и я решил не позорить моих детей, как позорили меня мои родители, как позорил меня мой папа профессор. И я решил, что все-таки надо быть военным. Чтобы быть героем и чтобы дети тобой гордились. Вот, наверное, поэтому я стал военным.

Дедушка – хохмач

Хочу рассказать еще пару историй из моей жизни, из самого раннего детства. О том, что сформировало меня, почему я стал таким, какой я есть, и почему стал заниматься тем, чем я занимаюсь.

Все приходит и берет свое начало из детства. Самое раннее мое воспоминание – про время, когда я с бабушкой и дедушкой жил на даче под Москвой. Мой дедушка был тот еще хохмач. Он всегда шутил, разыгрывал кого-то, пока его не посадили в 1947 году по 58-й статье.

Но когда он вышел, он все равно продолжал юморить. В те времена, как и теперь, наверное, все дачники конкурировали друг с другом. Они выращивали помидоры, огурцы, сравнивали – у кого

лучше, у кого урожай больше. Ни у кого ничего не росло, конечно. Но мой дедушка не ленился. Он страдал бессонницей. Вставал где-то в четыре-пять утра, ехал в деревню, покупал там огурцы, помидоры и яйца. Яйца подкладывал под кур, типа – снеслись. А огурцы, помидоры – на грядку. Утром, когда все соседи просыпались, то с удивлением созерцали, как он собирает щедрый урожай. Да и курочки, в отличие от соседских, в изобилии несли яйца. Правда, бабушка потом разоблачила его с этим фокусом: дедушка подложил под курицу вареное яйцо.

Все соседи удивлялись: как это у вас такие помидоры-огурцы вырастают?! Ответы всегда были разными. Но чаще всего дедушка говорил, что это голландские сорта, специальные, морозоустойчивые.

В конце концов, приехали два дяди и арестовали моего дедушку. Я недоумевал – почему, зачем... Хотя я был еще маленький, но видел, что все нервничают и сильно переживают. Оказывается, кто-то на него «настучал». Дедушку допрашивали. Откуда это у тебя голландский сорт? Что это такое? Каким-то образом они убедили дедушку больше так не шутить.

Скорее всего, уже тогда я начал понимать, в каком обществе мы живем. Что такое «стукач», я, конечно, в детстве не знал. Но понял тогда, что шутить надо осторожно, да и не стоит все свои мысли говорить вслух.

Еще одно воспоминание, которое на меня особенно повлияло, это когда меня принимали в пионеры. Я ждал этого момента! Я был счастлив! В белой рубашке, с красным галстуком, в красной пилотке я попросил моего дедушку отвезти меня в парк «Сокольники» отпраздновать этот день. Мой дедушка никогда не носил медали, а у него были довольно-таки серьезные награды – медаль «За отвагу» и орден Славы третьей степени. В этот день он надел все награды. (Скажу честно, что когда я играл в войну, чаще всего цеплял на себя все дедушкины награды. Странно, что я их не потерял. Они хранятся у меня до сих пор.)

В Сокольниках мы отлично провели время: ели мороженое, купили воздушный шарик, катались на разных аттракционах, стреляли в тире. (Дедушка никак не мог попасть, а я попадал!) В общем, все было здорово. Обратном мы ехали на троллейбусе. Я сижу у окна, дедушка – рядом. Вдруг в проходе какой-то крепко выпивший патриот начинает вопить:

– Вы, евреи... Вы же не воевали! Вот надел на себя, нацепил это все. Вот с какого-то там солдата, наверное, снял? Вы же, евреи, не воевали!

И как пьяный человек, он несколько раз повторял одно и то же. В троллейбусе гробовая тишина, а я стал как бы дистанцироваться от дедушки – смотрел в окно. Мне было стыдно, что это именно мой дедушка, хотя пять минут назад я – пионер – был очень им горд. Ну а мой дед... Он был очень умный, изобретатель по профессии, быстро соображал. В шляпе, хорошо одетый, культурный, встает и сквозь гробовую тишину салона говорит:

- Ну хорошо, а при чем здесь товарищ Брежнев? Ведь товарищ Брежнев воевал! Это же его медали, которые он носит! Почему вы говорите, что товарищ Брежнев еврей? Почему вы говорите, что он не воевал? Кто вам дал такое право?

И этот говорун сразу протрезвел: ведь он ничего подобного не говорил. И в троллейбусе сразу все стали возмущаться: мол, этот пьяница, какое имеет право так говорить! Вызвали милицию, забрали этого дядьку. И все. Дальше едем. Все уже моему дедушке жмут руку, осуждают хулигана.

А я всю жизнь, пока рос, думал, какой же сволочью был тот мужик, который вот так моего деда пытался унижить. А потом я понял, что этот мужик был не сволочью. Он-то, как раз, был честный. Он сказал все то, что все остальные думали, но промолчали. Это в троллейбусе все были сволочи, кроме моего деда и этого пьяницы.

Вот в таком обществе мы выросли. Такие у нас были ценности.

Десантники

У меня есть серия историй о разнице культур. Разнице между американской культурой и русской, советской культурой. Знаю, что сейчас многие европейцы, россияне скажут, что у американцев нет культуры. Поверьте мне – она есть. Есть и Марк Твен, есть и Роллинг Стоунз, и все остальное. Культура есть.

Ну вот я и хочу рассказать одну из этих историй. И хочу посвятить этот рассказ моему хорошему товарищу, моему партнеру Павлу, американскому дальнебою, потому что это его любимая история.

Как-то приехали мы в Россию, в одну из десантных дивизий, посмотреть на их учения. Я там был с командиром нашей десантной бригады. Такой крепкий полковник. Вся его жизнь связана с десантом.

И вот, значит, мы смотрим, как там россияне вытянули из самолета какой-то броневик вместе с людьми внутри. Нам это показалось странным. Для чего и зачем это происходит? Нам объясняли, но мы не поняли. Смысла в этом мы не видели, потому что это было очень

опасно. Ну потом были всякие «ху», «ха», «у», «ху» – такие всякие вещи не очень понятные... Но вроде все было нормально.

Но что происходит дальше? Дальше происходит культурный шок. Потому что у нас самое главное, чтобы твой подчиненный, скажем солдат, не пострадал, особенно из-за какой-то глупости. В противном случае это может очень негативно отразиться на карьере офицера. Поэтому, когда вы, скажем, смотрите новости, у всех солдат всегда пристегнуты каски, всегда стволы направлены вниз, всегда палец снят с курка. Ну, это профессионально: каждый делает то, что должен делать. И даже бывают такие вещи, когда солдат, допустим, возвращается домой или едет куда-то, не пристегнул ремень в своей собственной машине и из-за этого пострадал. Это вина офицера, потому что его солдат недисциплинированный.

В общем, дальше происходит такая картина. Выходят два десантника. Один берет какую-то доску и ломает об другого. Тот встает, и первый опять ломает об него доску.

Мой командир смотрит на меня и спрашивает:

– А зачем они это сделали?

Я говорю:

– Ну, это бравада. Они так показывают свою крепкость какую-то. Что можно об них доски ломать.

Потом выбегают еще три десантника и бьют бутылки у себя на голове. И один из них даже немного порезался.

Этот мой командир смотрит на меня и спрашивает:

– А их командир в курсе, чем они тут занимаются?

Я говорю:

– Понимаете, вот этот, который порезался, и есть командир. Он и есть их командир.

– А зачем это нужно было? Ну, ладно. Сделали – пусть сделали.

Потом выходит еще один десантник, натягивает берет и складывает кирпичи. Ну, я понимаю, что он будет делать. Но мои коллеги – они не понимают. Они не понимают: вот он складывает кирпичи – и что произойдет дальше? Наверное, некоторые из них думают, что, может быть, он ударит так, как в карате, рукой по кирпичам и разобьет их. Но он не рукой ударил. Он раскачался и как дал головой по кирпичам.

Ну тут мой командир вскочил и кричит:

– Командира! Ко мне!

Я говорю:

- Сядь, успокойся. Это не твоя армия.

Он говорит:

- Фу! Я не понимаю...

Потом этот десантник натянул берет потуже и опять – бабах по кирпичам головой!

Мой командир смотрит на меня:

- Подожди, Юра, ты же русский...

- Ну, ну да, в каком-то смысле...

- Ты можешь мне объяснить боевую ситуацию, в которой надо кирпичи ломать головой? Для чего это? Зачем? Надо им объяснить, что голова... Что нужно каску надеть. Что голова – это очень важный, наиважнейший орган в твоём теле. Ведь надо быть боеготовным.

И пока он все это мне объяснял, к нему подбегает еще один десантник, смотрит ему очень близко в глаза и засовывает гвоздь себе в нос.

Мой командир встал, развернулся и ушел. Он, наверное, подумал, что мы были не на воздушно-десантной базе, а в дурдоме.

Такая вот история о разнице между двумя культурами...

Три доллара

Еще одна история, которая покажет разницу в культурах. Опять разницу между советской и американской культурой.

В начале 90-х я служил в посольстве в Москве и там меня нашел мой дядя. Я его называл дядей, хотя он мне был не дядя. Но в моем детстве, в раннем детстве, он после армии жил у моей бабушки. А сам он был из какого-то маленького местечка в Украине. Такой красивый смешной парень. Все его любили, и я очень им гордился, когда был маленький.

И вот мы опять встретились. Через, уже не помню, лет двадцать или двадцать пять. Он уже был взрослым человеком. Довольно успешным. У него были магазины в Солнцево. Он там имел всякие дела с солнцевскими пацанами и ездил на «Линкольне». В начале девяностых годов ездить по Москве на «Линкольне» – это было шикарно.

И вот как-то останавливает его милиционер. А в машине сидит он за рулем, я – на пассажирском сиденье, а его сын, которому было пять лет, сидит на заднем сиденье. Пристегнут. Все по правилам.

Я смотрю – милиционер, который нас остановил, – майор. Я в то время тоже был майором (КАПЗ). Ну, приравнялся к майору, к

майорскому званию. И я еще тогда подумал – а что целый майор делает на улице? Останавливает машины, следит за правилами уличного движения? Где же его батальон? Кто командует его батальоном?

Ну, майор этот представился. Все чин чинарем. Отдал честь. И сказал – мол, я майор такой-то, такого-то батальона. Вы нарушили правила. Вы там чего-то не туда повернули. Ну, мой дядя говорит – да ладно, чего там? А майор ему – нет, вы нарушили, давайте документы. И все такое.

Мой дядя достает какие-то деньги, кладет в документы и дает майору. Тот вытаскивает деньги, кладет в карман, возвращает моему дяде документы и говорит:

– Всего вам хорошего. Езжайте осторожно, не нарушайте правил.

Опять отдает честь. Все чин чинарем.

Я сначала даже не понял. Я говорю своему дяде:

– Он что, взятку, что ли, взял?

Дядя говорит мне:

– Ладно, сиди, молчи.

– А сколько ты ему дал?

Он называет сумму. Я сейчас не помню. Но это приравнилось к трем долларам.

Я хотел выйти, содрать погоны с этого «майора». Сказать, как это так, что он без чести, да еще и в мундире. Ну, в общем, я рассвирепел в машине. А дядя сказал, чтобы я заткнулся. Потому что я не соображаю и не знаю, как надо жить правильно. Но потом я, конечно, понял, что так делают все в России.

Я пытался объяснить своему дяде, что это неправильно. Почему неправильно? Потому что сзади сидит его сын, маленький. И он это видит. И он уже понял, что майора можно купить за три доллара. Что цена майора – три доллара.

И вот прошло какое-то время. Я приезжаю в Америку. Еду на машине. Моя дочка сидит сзади. Пристегнута. Ей тоже пять лет.

Тут меня останавливает полицейский. Ну, у нас нельзя из машины выходить. Надо положить руки на руль и ждать, пока полицейский подойдет. И тогда открыть окно.

Подходит полицейский:

– Добрый вечер.

Я отвечаю:

- Добрый вечер.

Он говорит:

- У вас просрочен техосмотр на машину. Вы ездите с просроченным техосмотром.

- Ой, извините, пожалуйста, – говорю я. – Я дипломат. Я военный. Я только что вернулся из командировки. Вот мой дипломатический паспорт. Вы можете посмотреть, я только пару дней тому назад вернулся. Вот мой военный билет. Вы можете посмотреть, что я военный. И я просто еще не успел...

- Хорошо. Дайте мне свои права.

Ушел в машину. Возвращается и говорит:

- Выйдите из машины.

Выйти из машины в Америке, когда тебе говорит полицейский, это где-то на 90 процентов означает, что тебя арестуют. И я подумал – за что же он меня арестовывает. У меня ребенок там... Может, чего-то я не знаю. Может, я в розыске...

Я стою. А он мне говорит:

- Вы, как военный человек, должны быть дисциплинированным. Когда вы вернулись из командировки, вы в первую очередь должны были пройти техосмотр. Вот, пожалуйста, вам ваш военный билет. Да, вы дипломат, представляете нашу страну за границей, но не стоит вам махать документами, чтобы произвести на меня какое-то давление. Вот вам, пожалуйста, ваш дипломатический паспорт. И, пожалуйста, поезжайте и сделайте техосмотр, как это должно быть сделано. Вот вам ваши права и штраф на 150 долларов.

Потом спрашивает:

- У вас есть вопросы?

- Да, у меня есть один вопрос. Простите, я что, могу ехать? Я свободен?

- Да, вы свободны.

- А почему я должен был выйти из машины?

И он говорит:

- Потому что я не хотел отчитывать вас перед вашим ребенком.

Вот такая разница в культурах...

И пока та культура не станет этой культурой, проблемы у нас будут продолжаться.

Эльвира Фагель – родилась в Ленинграде. Всю сознательную жизнь до отъезда в США (1993 г.) прожила в Москве. Диплом инженера получила в МВТУ им. Баумана. Проработала во ВНИИМЕТМАШе 20 лет. Оказавшись в отказе после подачи заявления на постоянное место жительства в Израиль, была с работы уволена, но повезло: была принята в редакцию еврейского журнала «Советиш Геимланд» (после перестройки – «Еврейская Улица»), где работала 10 лет, вплоть до отъезда в США. По опубликованным в журнале работам была принята в Союз журналистов СССР.

Ау, мое счастье

Нелька обиделась на своего тренера Маргариту Ивановну Козлову. С тех пор как после неудачного пируэта она проехала всем телом, от щиколотки до подмышки, по ребру бревна, оставившего на ноге и боку багровую полосу, ее подошвы словно прилипали к узенькой поверхности бревна и она никак не могла заставить себя сделать приличный подскок и при этом еще красиво откинуть голову, как этого непременно требовала Маргарита. Сквозь лосевую подошву «чешек» все десять пальцев ног судорожно напрягались, пытаясь зацепиться за коварное бревно, отчего ноги неэстетично искривлялись, и тут уж не до свободы, грации и улыбки – удержаться и не свалиться бы! Самое обидное во всем этом было то, что Маргарита, вместо того чтобы поощрить Нелькины потуги справиться с собой, брезгливо вздергивала круглый подбородочек с ямочкой и уходила к брускам, как только Нелька вспрыгивала на бревно. А Нелька любила делать все для других, даже собственные успехи были ей не в радость, если им не радовался кто-нибудь еще – мама, друзья, прохожие, тренер.

Итак, Нелька разобиделась на Маргариту и надутая сидела на низенькой скамеечке, нарочно пропуская свою очередь подхода к снаряду, демонстративно не глядела, как выполняли упражнения девчонки. Скучающе обводя глазами потолок и стены большого институтского спортивного зала, она увидела в дверях низенького плотного человечка, который внимательно разглядывал гимнасток. Поймав Нелькин взгляд, он согнул руку, прижал ладонь к животу и поманил указательным пальцем. Нелька поозиралась кругом – кого это зовут? – и, высоко выгнув брови, вопросительно вытаращила глаза и ткнула себя в грудь. Человечек едва заметно кивнул и отступил за дверь. Нелька чуть подумала, потом встала и независимо и степенно

направилась к двери, погладила рукой насыпанный при входе в зал тальк, потерла ладонки – на всякий случай, вроде бы по делу подошла, это если ей померещилось, что ее зовут, – прислонилась к косяку двери и только потом, как бы просто так, выглянула в коридор. Человечек был тут и, ухватив Нелькино запястье, быстро выдернул ее из зала.

– Николай Николаевич, тренер по акробатике. Что тебе здесь делать? Скучаешь ведь. Ты заходи к нам завтра, в это же время, поговорим, посмотришь на нашу тренировку.

Выпалив это без пауз и знаков препинания единым духом и уже удаляясь, крикнул:

– Приходи в тренировочном костюме!

Накалив таким образом Нелькино любопытство и воображение, тренер по акробатике Николай Николаевич для начала поселил в ее голове мстительно-злорадные мысли. «Уйду вот из секции, – думала Нелька, – уйду назло Маргарите. Еще пожалеет...» При этом Нелька не вспоминала собственные успехи и надежды на реально намечавшиеся первый разряд и первое место в институтском соревновании, запланированные для нее Маргаритой Ивановной. Наказание Маргарите она видела в другом: Неля умела логически определить причину, почему у гимнасток что-то не получается или получается плохо. Маргарита иной раз смотрит-смотрит, а потом зовет:

– Нель, поди-ка, погляди – в чем дело?

Нелька, как правило, ставила точный диагноз:

– Расслабь-ка тут запястье.

Или: – Подай вперед плечи.

Маргарита Ивановна, высокая и стройная в свои тридцать пять, могла скорее показать, чем объяснить. Нелька же, наоборот, растолковывала, даже не умея этого сделать. И все было хорошо. Вот если бы не этот случай со злосчастливым бревном...

Но это бревно не только изменило спортивную судьбу Нельки. В конце концов, спорт Нельку только развлекал, она понимала, что это не всерьез и не надолго: вот кончит институт, получит диплом инженера, будет работать, ну, еще год – два, и – прощай, гимнастика. Бревно с годами усохло и отодвинулось, размылось и расплылось в пестроте малых и больших событий Нелькиной жизни, но маленькая заноза, отщепившаяся от бревна и засевшая в сердце, невидимая и часто забываемая, временами ныла и скребла, напоминая о трагедии, в которой Нелька вроде бы и не была виновата, но и не могла себе простить никогда...

На следующий день Неля стояла перед Николаем Николаевичем в зале, где, кроме них, были только двое: тоненькая, ужасно красивая блондинка в гимнастическом купальнике с большим вырезом на груди и парень, неумоимо, без отдыха крутивший с разбега рондат – фляк – сальто и опять – разбег – рондат – фляк – сальто.

– Та-ак... Неля, значит, Неля... Это хорошо...

Николай Николаевич рассматривал Нельку, что-то прикидывая и бормоча под нос, развернул ее спиной к себе, взял в ладони ее кисти, и вдруг, не успев ничего сообразить, Нелька взлетела, кувыркнулась в воздухе и оказалась где-то высоко и вверх ногами. Близко от ее глаз пульсировала голубая жилка на шее Николая Николаевича, вздулись в напряжении бицепсы.

– Ножки, ножки! Напряги носки, закрепи живот! – отрывисто командовал он снизу, мелко переступая под болтающейся как попало Нелькой.

Вот это да! Нелька стояла в стойке в руках самого настоящего акробата и, значит, сама стала вдруг акробаткой! От восторга она заорала на весь зал что-то вроде «э-о-о!» и задрогала в воздухе ногами, и тут же Николай Николаевич, ловко крутнув, поставил ее на пол.

– Ну-ну, не радуйся пока. Будешь заниматься у нас? Есть парнишка, чуткий и сильный. Да, Маргарите скажешь, что сама пришла, смотри – чтоб на меня шишки не валились!

Переманив таким образом из гимнастики партнершу для «чуткого и сильного парнишки», Николай Николаевич основал секцию акробатики, укрепил свою позицию в институте и обрел тренировочную базу для себя, готовя с красивой блондинкой эстрадный номер.

Нелька, молчаливый «прыгун» Алик и Нелин партнер Жорик стали ядром только что образованной акробатической секции. Секция постепенно обрастала веселыми и не особенно целеустремленными мальчиками и девочками. Ник-Ник сосредоточенно побрякивал в углу, вертя и подкидывая свою блондинку, а ребята резвились как могли. Фактическим тренером стал Алик, наиболее серьезная личность.

Секция существовала в вольном стиле, отплясывала под магнитофонную ленту что-то шейко-акробатическое, выплескивалась колесом в институтский коридор, ведущий к раздевалкам, прогуливалась трехэтажной пирамидой, увенчанной вскинутой в приветствии Нелькиной ладошкой, скандировала после тренировки мальчишескими голосами под дверь женской раздевалки «Нель-ка-

ми-ла! Нель-ка-ми-ла!», чтобы гурьбой идти к метро. Нелька при этом торопливо как попало закидывала манатки в сумку, ежась под колючими взглядами мощных баскетболисток, а плотная, с бархатисто-розовой кожей «прыгунья» Милочка довольно вскидывала точеный носик и, чуть выпячивая вбок полные губы и не обращая внимания на баскетболисток, плавным движением стряхивала последние капли с роскошного тела, поводила плечами перед большим, в рост, настенным зеркалом и пыталась показать себе отражение собственной спины и крепких ягодич. Милочка томилась ожиданием любви и тем таинственным и чуть постыдным, что должно было прийти с любовью. Нельке Мила виделась набухшей почкой, готовой брызнуть распирающим ее бродящим теплым соком.

Однажды Ник-Ник не пришел на занятие. Сначала ребята не обратили на это особого внимания. Но на третью тренировку без тренера в зал явилась тетя Люся и принялась возить шваброй по полу, ворча «во распрыгались, и чо домой не идетя, зубрили бы лучше промат свой...» Тогда Алик, Нелька и Жорик отправились на кафедру физкультуры и выяснили, что Николай Николаевич уволился и уехал с блондинкой гастролировать по стране от Москонцерта и что секции акробатики уже как бы и не существует, хотя об отмене ее не говорят и из зала пока не гонят.

Пострадав некоторое время на полузаконном положении, самые заинтересованные решили проявить здоровую инициативу, разыскали близ Таганки городской спорткомитет и заявили там о своей беспризорности и страстном желании занять в свое пользование надежного тренера. Что уж там сработало, неизвестно, но через довольно короткое время в институте появился носатый рыжеволосый молодой человек, отрекомендовался запросто Семеном и объявил, что через месяц у них будут соревнования «на получение разряда».

Крупное сильное тело Семена удивительно легко взлетало в воздух, распрямлялось, красиво изгибалось, задерживаясь над полом неведомой силой, затем ноги четко впечатывались в ковер – все это без малейшего видимого усилия, словно растягивалась и становилась на место мощная пружина. Время от времени он исчезал на недельку – другую, поручая секцию Алику, и возвращался с медалями и призами. Не сразу разглядела Нелька на его мастерском значке словечко «заслуженный». Ребят гонял он до изнеможения, а Нельку, поставив в стойку ногами вверх и придерживая за щиколотки, заставлял отжиматься от пола до тех пор, пока она не утыкалась носом в темное

пятнышко на ковре, смоченное ее потом и слезами. Зато Неля с Жориком выполнили норму второго разряда на межвузовских соревнованиях.

...Акробаты прощались с Жориком. Веселый и озорной, заводила и выдумщик, он вдруг стал инженером, защитил диплом и вот – уезжал из Москвы. Неля осталась без партнера, и было ей на тренировках грустно.

– Нелька! Посвящаю тебе сальто!

– Нелечка, становись на плечи, беру обязательство на тридцать приседаний!

Ребята старались развлечь свою любимицу, но маленькая Нелькина спортивная карьера разлетелась вдребезги, не дотянувши до первого разряда, и утешения найти было трудно.

* * *

– Что это за красавец у тебя появился? – мама явно встревожена, наверно, ей не понравился длинный Семенов нос.

– Мамочка, – льстиво пытается угодить ей Нелька, – он ведь еврей и чемпион Союза, даже многократный!

– Он еще и физкультурник... Физкультурник-еврей или еврей-физкультурник, что звучит одинаково неприлично.

Всех молодых людей, замеченных рядом с Нелей, мама с некоторых пор разглядывала через увеличительное стекло с надписью «супруг». Гипотетического Нелькиного мужа мама представляла либо инженером, либо «хымиком». «Хымики» ей нравились, во-первых, потому, что за этим пряталось что-то таинственное и очень красивое, а во-вторых, они наверняка умели выводить все на свете пятна, которые мама ненавидела, зато они любили ее очень и появлялись на юбках буквально из ничего, словно конденсировались из воздуха.

Итак, рыжему Семену, такому сильному, гордому и смелому на спортивном ковре, но здесь съезженному, со взглядом испуганной птицы, готовой вспорхнуть при первой опасности, не было места в Нелькиной квартире, где еженедельно, то по несколько сразу, то по одному появлялись молодые и не очень молодые люди с унылыми носами и глазами, но, по мнению мамочки, с «перспективами».

Неля и Семен подолгу бродили после тренировок по стылым улицам, отогревались в метро под грохот электричек. Нелька уже все знала о неуютной его жизни с нелюбящей женой и злобствующей тещей...

...»Я урод. Природа задумала меня собакой или еще каким зверюгой, а в последний момент передумала. Все люди примеряют мир глазами, ушами, в крайнем случае пальцами. А я – носом... Они думают, что если надели на немывтое тело чистую рубашку или спрятали носки в сапоги, трусы, майки, лифчики и – что там еще? – под кофты, пиджаки, брюки, да еще подушились – все в порядке...» Особенно Семен мучился в транспорте. Тут он не мог ни читать, ни думать о чем-либо, кроме как о многообразии запахов. Семенов нос жил в полном согласии с воображением, и вместе они мигом рисовали картинки: кто и что ест, из какой постели вылезает по утрам, какие тряпки лежат, висят в шкафу. Тяжелый дух плавал неистребимо, как городской смог над крышами, и Семен знал, что это идет не от авосек. Запахи из сумок и авосек не раздражали его так, как парфюмерные: те были естественны и недолговечны, духи же, даже «клима», обрушивались на него плотно, удушливо, почти осязаемо, и оставались в ноздрях надолго. Сквозь симфонию людских запахов успокаивающе пробивался устойчивый и всегда одинаковый особый запах металла, приводящий Семена в равновесие.

Нелька пахла не так, как другие. От нее веяло младенческой незащищенностью, а капельки пота на круглом лице казались сладкими, и он ловил себя на желании слизнуть хоть одну и попробовать на вкус.

Когда, защитив диплом, ушел из секции Жорик и круглые Нелькины глаза стали смотреть хронически обиженно, Семен, боясь потерять ее, сам стал разучивать с ней элементы парной программы первого разряда. Неля ожила снова, послушно оттягивала носки, откидывала голову и бесстрашно крутила сальто в его руках. Однажды на институтском вечере Нелька с Семеном и Аликом выступили в акробатическом трио. Со сцепленных четырехугольником рук Нелька улетала под верхнюю кулису, вызывая восторженный рев благодарной публики, а старый профессор, выгнав назавтра всю группу, одной Нельке поставил зачет, сказавши: «Ты тоже ни бельмеса не знаешь, но – за мужество!»

Весной Неля заработала наконец первый разряд. Было это в красивом спортзале Университета на межвузовских соревнованиях. По углам ковра сидели строгие и важные судьи, на которых Нелька боялась взглянуть. Как во сне, автоматически, она проделывала все отработанное на тренировках, подчиняясь спокойным Семеновым рукам и глазам. Семен был великолепен в своей величавой невозмутимости. В паре они получили высокий балл, в вольных упражнениях Нелька впритык натянула на первый разряд. Когда на ковер вышел Семен для выполнения программы «вольных», мужской голос объявил: «Фельдштейн, пер-р-вый разряд!» с восторженным

ударением на «первый». «Вольные» Семена Неля видела впервые. К его головокружительным полуторным и двойным сальто она уже привыкла, но пластичные связки, легкие повороты, стремительные переливания одного элемента в другой были цементированы такой смесью грации и мужской силы, что Нелька думала, что теперь-то мамочка, сидевшая на трибуне, должна убедиться в неотразимости этого парня: чем не «настоящий мужчина» – к такой маминой формуле идеала Нелино ухо уже привыкло.

Спустя всего десять минут Нелька плакала, уткнувшись лицом в живот Семена: за «мастерские» вольные, оцененные десяткой на первенстве страны, за знаменитые во всем Союзе несравненные, чемпионские вольные неподкупные судьи поставили – все одновременно и одинаково – самый низкий балл, который только-только обеспечивал первый разряд. Больше всего Нелю огорчало то, что Семен ничуть не злился, отечески успокаивал ее – «ну-ну...», а в адрес неподкупных приговаривал, усмехаясь: «Ну, паршивцы... Вот и сюрприз обещанный... Ну, я вам ужо...» Но вышли на улицу вместе с судьями и по дороге к метро озабоченно обсуждали поездку в Одессу на предстоящее первенство страны, где должны были выступать одной командой за Москву.

Ох, не оправдались Нелины надежды на завоевание мамочкиного сердца. «Этот балаган», по маминому определению, вызвал еще более решительные меры, и однажды, за несколько месяцев до защиты диплома и распределения, придя из института домой, Неля увидела за накрытым чайным столом молодого человека с вдумчивыми глазами и чуть намечающимися брющком и лысинкой. Папа вел неторопливый разговор о политике, а в маминых глазах Неля прочла себе приговор – окончательный и обжалованию не подлежащий.

* * *

Прошло два года. Неля работала в московском НИИ, притерпелась к своему очень положительному и всегда во всем правому мужу, временами ходила с ним в консерваторию и ежевечерне под ручку совершала получасовой моцион перед сном. Ей снились иногда головокружительные сальто и затяжные полеты под потолком какого-то бесконечного помещения, и тогда, просыпаясь, она чувствовала, что сердце ее замирает, ловя исчезающий звук божественно красивой, как ей казалось, музыки, вспомнить которую наяву ей никогда не удавалось.

Иногда звонил Семен. «Как живешь, Нелечка?» – «Нормально. Где был? Какое место?» – вот и весь разговор.

Но однажды Семен ликующе позвал:

- Приезжай, Нелечка! Я женился!

Неля поехала. Нашла облупленный деревянный двухэтажный дом, из тех, что портили лицо столицы в ожидании сноса. Прошла длинным коридором с одинаковыми дверьми по обеим сторонам сквозь запах сырости и древности и в небольшой узкой комнате-пенале, где щелястая дверь смотрела на убогое оконце, встретилась с белокурый ангелочком. Глазастая девочка с тонкими руками и ногами, узкоплечая и безгрудая, поднялась с Семеновых коленей и прошептала: «Здрас-сьть...» На столе на газете лежали кружки вареной колбасы и хлеб, солнце просвечивало сквозь легкое облако желтых волос, поджигая их розовым пламенем.

Семен обнял ангелочка за плечи и объявил:

- Вот моя Галка. Галка, любишь меня? Покажи Неле, как ты меня любишь!

И Галка тут же, прокричав «ага!», кинулась ему на шею, обняла его голову тонкими руками и звучно чмокнула в щеку.

Неля услышала трогательную историю – как шестнадцатилетняя Галка удрала из далекого Нежина, где в одночасье смертельно влюбилась в Семена летом прошлого года, когда он приехал в отпуск навестить родные места, прикатила к нему в Москву, чем подвигла его на быстрые меры по размену жилплощади с бывшей женой. И вот теперь Семен, пристроив ее приемщицей в ателье мужского платья, собирался жить долго и счастливо с молодой женой.

Новый виток Семеновой жизни, может, и был для него счастливым, но продолжался недолго. Уже через год ангелочек, освоившись в столице и попривыкнув в своем ателье к мужскому обожанию, сменил щелястую развалюху на более комфортабельное жильё. Неля подытожила Семеновы жалобы:

- Эх ты, Буратино с длинным носом и коротенькими мыслишками.

Ей было обидно за Семена с его неуютной комнатой и полным непониманием реальности.

* * *

...В теплый воскресный весенний день, поющий через уличные репродукторы бодрыми патриотическими маршами гимн очередным всенародным выборам, Семен приехал к Неле, обязанной, как все назначенные агитаторы, следить за стопроцентным охватом голосующих трудящихся ее участка. К середине дня, когда несознательных осталось не так уж много, агитаторы кинулись по домам избирателей, чтобы ускорить процесс сдачи голосов, прихватив на всякий случай для больных и немощных по небольшой переносной

урне. Пошли и Неля с Семеном.

В одной из квартир, к изумлению Нели, их встретили восторженным «батюшки! Кто пришел к нам!». Остолбеневшая Неля наблюдала, как светлоглазая женщина с пепельными жидкими волосами некоторое время обнимала и целовала Семена, а из глубины квартиры бежали еще какие-то люди и тоже кидались ему на шею. В общей радостной суматохе Неля ежилась в углу прихожей, пока, наконец, Семен не вспомнил о ней.

Здесь жили родители и семья брата лучшего друга детства – Павлика.

– Нас трое неразлучных было: Павлик, Гера и я. Гера-то в Москве живет, физик он, по симпозиумам за кордон ездит, а Павлик – в Магадане, служит военным. А вот что его родители и брат в Москве живут – для меня новость!

Возбужденный Семен проводил Нелю до участка и вернулся к родителям Павлика.

Размягченный и хмельной в этот вечер, возвращался Семен в свою холостяцкую, никому не нужную жизнь. Нелечка, светлый человек, грела чужую пещеру, теплая Павликова родня, с их шумной радостью и певучим, с придыханьем, украинским говором, вызывала зависть своей сплоченностью и снисходительным и веселым подтруниванием друг над другом, это были приветливые люди, но – не его семья. Никого-то не было у него в этом большом, таком многолюдном городе. Заснул Семен с твердым намерением в ближайший свободный день проведать Геру – вот кто будет ему рад как брату! Да и не виделись они, наверно, уже год, сынишка у Геры, должно быть, здорово вырос, сколько ему – четыре, пять?

...С медведем под мышкой и коробкой конфет в руке переступил Семен порог сумрачной квартиры в «сталинском» доме, с большой прихожей и высокими потолками. Дверь открыла жена Геры Нина – высокая и стройная, с лицом святой, с гладко зачесанными волосами и глазами, спокойными под тонкими высокими бровями.

– Заходи, привет. А Гера в отъезде, в Германии. Но я тебе рада.

На «я» было сделано чуть заметное ударение, и Семен обратил на это внимание. Они сидели на диване, Мишук вился вокруг, оглаживая поочередно то материнские, то Семеновы колени, ласково заглядывая снизу в глаза, отчего Семен непроизвольно сдерживал дыхание и старался не шевелиться. Впервые в этом доме он говорил только с Ниной, и разговор был совсем другой, чем с Герой, и себя он ощущал не таким, как с Герой, и Нина была не такая, как при Гере.

...Она пришла к нему на следующий вечер. Он лежал на кровати, закинув руки за голову, рассматривал темный в разводах потолок и слушал приближающийся в коридоре скрип половиц, еще не зная, что это ступает его судьба.

Она толкнула дверь без стука, словно точно знала, что ее здесь ждут, и остановилась на пороге – тонкая и легкая фигурка на фоне темного коммунального коридора. Ощущение было, как бывает во сне, – он пытался что-то сказать, но получился смешной звук, будто неумело пробовал заскулить щенок. А Нина сказала просто «это я» и принялась не спеша снимать с себя сначала блузку, потом расстегнула на поясе юбку, и когда юбка скользнула на пол, закрывая щербинки и щели, а она медленно перешагнула через светлый волнистый холмик, посторонний голос в его мозгу произнес: «Явился ангел и сложил свои крылья на убогом полу».

Она подошла к кровати, прижала его лицо к груди, и впервые в жизни ему не было скверно от близкого запаха теплой кожи, дезодоранта и духов, и ему казалось, что он превращается в воздушный шар, который наполняется, растет и становится огромным, и сейчас заполонит всю комнату под нежный дальний звон...

...Он лежал и смотрел на ее застывшее лицо – глаза были закрыты, губы сжаты, целовал чуть поднятые уголки этих сжатых губ, вставал и шел по ее просьбе через темный коридор за водой, поднимал ее как пушинку на руки и носил по комнате.

– Увидят же, чудак, – кивала она на узкое окно без занавески, а он счастливо смеялся:

– Пусть смотрят, какая ты красивая, и завидуют!

И она говорила, говорила... Гера... Он бьет ее, да-да, бьет! С ним жить – ад... Он сам давно бы ушел от нее, да некуда. И она – не может же выгнать его на улицу, вот и выжидают оба – когда каждый найдет свое счастье...

... – Нелечка! Понимаешь, я люблю ее! Я нужен ей, Нелечка, нужен! Она видит, какой я сильный, она сказала, что она – как березка, которая прислонилась к дубу... Я Мишука усыновлю, Гера поймет, я поговорю с ним – он должен приехать через несколько дней.

Неля слушала этот сумбурный монолог и радовалась, что он не видит ее лица и что нет надобности растягивать губы в улыбку и стараться удерживать веки поднятыми, а можно уткнуть лоб в прохладное зеркало над телефоном в прихожей. Почему же ей так тошно? Ох, собственница! Порадуйся его счастьем!

– Дай-то Бог, Сенечка, дай-то Бог...

А через три дня Семен снова позвонил. Был субботний вечер, за столом сидели друзья, уже все наелись и наговорились, хотели пить, и Неля пошла на кухню за чаем. Тут-то ее и перехватил телефонный звонок.

– Неля... Нелечка...

– Сенечка, Господи, случилось что-то?!

Семен говорил неестественным замедленным глухим басом.

– Неля... Беда... Она просто бл*дь... Она коллекционирует... Список на трех листах показала... Так и сказала – коллекционирую... В конце списка – Фельдштейн... Такая дрянь! Рассказывала, что Гера ее из гостиниц вытаскивал... Что мне делать, Нелечка?.. Гера завтра приезжает... Как я в глаза ему посмотрю?! Еще я ему добавил...

Позже Неля никак не могла себе объяснить, почему ее охватил приступ такой злости – так бывает, когда мать кидается ругать упавшего малыша, вытирая кровь и слезы.

– Надоел ты мне со своими бабами! – тонко завизжала Неля и захлеб выкрикивала еще что-то, разрываясь от ужаса и жалости, пока не услышала, что частые гудки отбивают ритм ее словам.

На следующий день Неле позвонил один из тех Семеновых дружков, что вечно возникали вокруг него, чтобы одолжить денег, и сообщил, что Семен вчера повесился, что обнаружила это соседка, заметив, что через приоткрытую дверь почему-то днем виден электрический свет. Еще он сказал, что Сеня сидел на табуретке, а от запрокинутой головы тянулась вверх веревка...

* * *

Очень часто теперь среди прохожих Неле мерещился Семен. И хоть она понимала и говорила себе, что это мистика, что Семена теперь никогда-никогда не будет, она все равно бежала, уступая наваждению, обгоняла и заглядывала в лицо незнакомым высоким и широкоплечим мужчинам с легкой спортивной походкой. Она не могла примириться с тем, что уже никогда не услышит его «Нелечка».

Однажды ее тронули за локоть. Женщина с жидкими пепельными волосами погладила ее кисть. Светлые глаза скорбно смотрели на Нелю.

– Девушка, это ведь вы были с Семеном... Я мама Павлика, помните? – Вы зашли к нам, когда выборы были. Сеня сказал тогда, что вы – самый близкий ему человек... Передайте, пожалуйста, Семену... Павлик скончался... Неожиданно... Месяц назад...

Неля с ужасом уставилась в выцветшие глаза, холод пополз по спине, поднимаясь к затылку.

- Семен умер... Погиб...

Неля не слышала своего голоса, и, казалось, женщина не слышала тоже. Но та вдруг стала отступать, пятясь спиной, и повторяла:

- Простите... Простите... Простите...

С каждым «простите» ее ладонь надавливала на ямку у основания горла, отчего лицо выдвигалось вперед и снова откидывалось.

А Неля почувствовала, как мелко-мелко дрожат ноги, пытаясь в страшном напряжении удержать ставшее вдруг невероятно тяжелым тело, и ей захотелось не сопротивляться этой тяжести, а бухнуться на дорогу, уткнуться лицом в пыль и плевки и завывать – по Семену, по Павлику, по этой женщине, пережившей сына, и по своей, такой теперь одинокой жизни...

Виктор Фет - родился в 1955 г. в Кривом Роге (Украина), вырос в новосибирском Академгородке. Окончил Новосибирский университет, аспирантуру Зоологического института (С.-Петербург). В 1976–1988 гг. работал в заповедниках Туркмении. С 1988 г. в США; с 1995-го преподает биологию в Университете Маршалла (Западная Виргиния). Специалист по скорпионам. Автор статей и книг по зоологии, эволюции, истории науки; автор эссе о творчестве Кэрролла, Набокова, Евгения Шварца. Стихи публиковались в основном в периодике США и Германии; изданы десять книг стихов, в том числе: «Многое неясно» (2004), «Известное немногим» (2013), «По эту сторону» (2016), «Вскипает лава» (2022), «Над бездной» (2022), «Ткань памяти» (2022), «Свет слов» (2023). Первым (1975) перевел на русский язык поэму Кэрролла «Охота на Снарка». Составитель сборников «День русской зарубежной поэзии» (Франкфурт, 2019–2022) и «Год поэзии» (Киев, 2022–2023).

Контурная карта

Стихи 2023 года

Время черной дыры

1.

В контрнаступлении ума
на мир безумия прямого,
когда действительность сама
застыла и заражена,
мое исчезнувшее слово
светясь, как придорожный знак,
еще взлетает в сферы сна,
где дыры черные открыты.

В нам достающиеся дни
слова забвению сродни,
а не кровавой и простой
работе памяти, сквозь вены
протискивающейся, как
последние эритроциты
через обрушенные стены
на берег дикий и пустой.

2.

Май на исходе; книг стада
печатаются в храмах Слова,
где мы храним свои архивы:

они еще не онемели
пыльцою века золотого,
но я уже пишу стихами,
которые отчасти живы,
отчасти же окаменели.

Мои слова дрожат, как пламя
свечи, зажженной в те года,
где вечность пропадала втуне,
но май перешли в июни.
На побережии из Грина
слова сгорели в этот год,
и речь мою заносит глина
давно изученных долгот.

3.

Вам, кто в грядущих дивных сказках,
в сетях мыслительных и вязких
объемлет новые века,
сама возможность языка
смешна; слова, как клубы пыли,
давно уже исчезли – или
их запретили и забыли;
но здесь они живут пока.

Возможно, то, что видим мы,
для вас уже не любопытно,
ведь ваши сны из светотьмы
текут раздельно, а не слитно;
но здесь они и начались,
где сила слова разделяла
свои исходные начала,
спускаясь вниз, взлетая ввысь.

4.

По краю сущностей несметных,
за миллионы звездных миль,
пунктиром троп, едва заметных
сквозь полыхающую пыль,
до вас доходит тусклый свет
пожара наших мыслей сонных,
на этих берегах спаленных
всего за пару скорбных лет.

И, если можете, взгляните:
в старинной книге у меня,
здесь, на полу возле дивана,
следы от нашего огня,
как от небесного вулкана,
наглядно изображены
на неизвестном алфавите
среди исчезнувшей страны.

Контурная карта

Над контурною картою моей
застыли облака минувших дней;
мы вместе были с самого начала
и часто путешествовали с нею,
и я был горд, что бережно умею
раскрашивать слепые контура,
и эта кажущаяся игра
пустые клетки мира размечала.

Я находил знакомые слова,
топонимы любого языка,
и вспоминалось имя для кружка,
стоящего в развилке, где река,
впадая, станет новою рекой,
чтоб в дельте разойтись на рукава,
а далее рассыпет острова
весь океан – неведомо какой.

И циркуля опорная игла
вонзалась через карту в плоть стола,
и мы очерчивали круговую мету
обломком старого карандаша,
с усердием заточенного бритвой –
и разуму созвучная душа
обозревала плоскую планету,
взлетая в небо над морскою битвой.

Не видно

Не видно Гриффита: он в темноте
бинты сдирает, как покровных тканей
коросту белую, сливаясь с пустотой.
Ах, физика! Мгновение, постой –

мне формулу увидеть удалось,
которой нет страшнее и желанней
на в клеточку расчерченном листе;
ее лучи пронзают нас насквозь.

Столетие усердное прошло;
мир этот есть дробленое стекло,
и наша плоть невидима друг другу;

покров сдирает слабая рука,
частицы света поднимают вьюгу
и пустота восходит в облака.

Зарисовывая

На левом плече моем дремлет сова...
Виктор Соснора

Зарисовывая ландшафт дневной
или утренний, небесный или земной,
краски слов смешай на палитре ума,
загляни за открывшийся край его,
где, как выяснилось, нет ничего,
останавливающего рассеянный взгляд,
что уперся в экран много лет назад,
в черно-белом ломьеровском синемá.

В этом мире, где мы добавляем цвет
и записываем еле слышный звук,
смысл проскальзывает через сетку лет,
выпадая из наших замерзших рук.
Но пока пылинки пляшут в луче
и сова сидит на твоём плече,
и в тетради пишутся дневники,
собери сухие обломки фраз,
как собрал разрушенный мир для нас
тот, кто плыл в корзинке через тростники.

Погружение

Где существует память? Наяву
или во сне? В словах или в природах,
начертанных, оттиснутых на днях
и месяцах, хранящих боль и прах,
и кровь? Я медленно плыву
в её ещё не пересохших водах,
касаясь еле видимого дна,
где россыпь слов по-прежнему видна.

Их форм посыл силен, и из воды соленой
они глядят на нас, почти не ржавы;
их сущность скомканная нам ещё близка –
тем временем как рушатся державы
и галеон, награбленным груженный,
глядит сквозь наслоения песка,
где слизь империй поглощает скверна.
Мы это все читали у Жюль Верна.

Там зарождалась будущая тема
пустынного пути для снов моих,
предвидя наш невысказанный исход,
под океаном проходя экватор
в декабрьской глубине кембрийских вод,
где мы смотрели с капитаном Немо,
как Ихтиандр скользил вдоль куц немых,
заглядывая в наш иллюминатор.

И эти лягушачьи очки,
привычные пришельцу и изгою,
впечатывались в мысли и зрачки;
в них вечность океанская играла
и открывалась стороной другою,
обозначая нам привязку сна
к пространству-времени, там, где блесна
застряла в наслоениях коралла.

Там, под водой времен, где мы росли,
не понимая сущность наших строк,
не зная о наличии земли
рассохшейся, безумной и кровавой,
где предстояло странствовать в пустыне –
я помню, что мы знали назубок
смысл слов, тогда известный нам как здравый,
благополучно позабытый ныне.

Континент

Я открываю старый «Континент»,
тот первый том, за семьдесят четвертый,
и смысл, как римская монета, стертый,
хочу найти и согласиться с ним –
но в окна проникает едкий дым
эмульсией сгоревших кинолент.

Зажата память между створок сна,
застывшего, казалось, на века;
вот мы дождались истечения срока:
уже не ляжет радиоволна
на берег дикого материка
от Лиссабона до Владивостока.

Европа, цель твоя теперь одна:
не вымереть и не забиться в щель
меж плейстоценовыми валунами –
но можно ли вообще поставить цель
и поразить ее, или она
перемещается совместно с нами?

У континента рваные края
уже открыты рядом с вашим домом;
уже застыл в зените диск золотой,
светя над выжженную пустотой,
где память ослепленная моя
проходит тектоническим разломом.

Вот здесь

Язык, конечно же, не виноват,
но он сплетен из хохм или заплат;
становится все меньше с каждым днем
возможность разговаривать на нем,
в кипении горячих новостей
смысл отделяя от его костей.

Плоть языка не вечна; сети жил,
его пронизавших, вмерзают в лед,
где неизвестное науке поле
его структуру сплющит и взорвет
под действием превосходящих сил,
не подчиняющихся нашей воле.

Так было и всегда, однако ныне
мы наблюдаем действие веков
в течение минут, и здесь, в пустыне
очищенных кремневых облаков,
где память бесконтактная зависла,
слова текут, не сохраняя смысла.

Вот здесь, куда и запятой не вставишь,
пока касаешься послушных клавиш
клавиатуры быстрой и слепой,
я пробегаю вновь все той же самой
по-над ущельем дикою тропой,
сверяясь с предоставленной программой.

Я потерял

Я потерял формат, в котором речь текла
ускоренно, с тех гор из детских лет, другая,
чем слышимая ныне вкруг меня,
утратившая суть своей природы
в сосудах, сжавшихся в итоге дня
и изменившихся необратимо.
Каховскою бедою встали воды,
как в Апокалипсисе море из стекла.
Мы действуем в замерзшей ткани сна
в июне лет, пришедших после мая.
Мысль русская настала и ушла,
не оставляя отпечатка на
реальности, уже текущей мимо:
я вглядываюсь в ток ее струи.
Я не уверен, что слова мои
дойдут до предназначенного дна,
вращаясь, расходясь и оседая.

Демоны

Восточный океан от Западного мира
невыхсохшею сушей отделен,
где выжившие демоны болот
слетаются склевать остатки нот
со строчек уцелевшего клавира
в развалинах распавшихся времен.

Не различая диалектов новых,
чей быстрый говор для меня нелеп,
я направляю онемевший взгляд
в то будущее, где они сидят,
те демоны, на берегах багровых,
как падальщики на опорах ЛЭП.

Под смрадный шлейф чадающего огня
в расплывшемся пространстве говорливым –
очередного НЭПа болтовня;
там память, обнаженная отливом,
не оцифрована и не нужна,
и водоросли не скрывают дна.

От этой версии еще мы не ушли,
и в словарях, легко доступных тем,
кто занят описанием систем,
присущих нынешним векам и странам,
есть толпы демонов, сосущих мозг земли,
взлетающих над нашим океаном.

Картина мира

Давиду Поташиникову

Картина мира не включает света
в конце туннеля – да и самого
туннеля я не вижу. Там, где эта
метафора должна быть, – ничего
подобного описанной модели
нам в Альпах разума и не пробити.
В подземной тьме, где царствуют туннели,
их поезда уходят в тупики.
Но кажется, что есть – не выход, нет,
а сеть, накинутая на пути,
которая задерживает свет,
стремящийся из-под земли уйти.
В его лучах дрожат частицы пыли,
он чувствует тепло моей руки,
перетекая в олово строки
в тот миг, пока ее не позабыли.

Над адом

Над опускающимся сверху адом,
чей адрес сообщал еще Вергилий,
слова мои, пропитанные чадом,
зависли в освещенной пустоте,
паря без дополнительных усилий
на столбиком отмеченной версте.

Здесь, остывая и переплавляя
ход времени в горячий серный лед,
свобода, ослепительно живая,
из скомканного разума встает,
на выжженном расчерченном листе
фигуры новой речи размещая.

Сны, где не видят выхода из той
кромешной тьмы, где гаснет разум детский,
порой переходящие в мертвецкий
кошмар, чьи дни с реальностью сравнимы,

до нас еще доходят через дымы
с настойчивостью дикой и простой.

Но время, вставшее, как стрелки часовой
упрямый вектор, устремленный к югу,
дает возможность справиться с часами;
еще не гаснущий, еще живой
взгляд снова задержать под небесами,
где слов горит очередная стая,
летающая по заданному кругу.

Ad astra

Мы бесконечно отстаем
от будущего, чей проем
открылся между настоящим
и прошлым – там еще вчера
была подводная гора,
вулкан, поднявшийся со дна,
назначенный впередсмотрящим
по прохождению сквозь створы.
Но, кажется, уже пора
слова вернуть в их слой исходный,
мерцающий во тьме природной,
в обоймы истины и сна,
где прочий мир куда-то делся.
Per aspera – тот текст нам пелся,
ad astra – откликались горы.

Воображение

Воображение увянет, как листок
в той летней вазе, где вода стояла,
где от нее остался след мениска
в застывшей толще лет, что слабый ток
еще дает, но тень от обелиска
уже до края пропасти достала.

Ни внутренний окаменевший взгляд,
ни камера зависнувшего дрона
того мгновения не возвратят,
где я карабкался тропею ложной
по осьпи вдоль выжженного склона;
где в документе значилась прописка.

Там, в этих днях, слились мои листки
в единый шум лесной или дорожный;
нам выпал шанс единственно возможный –
начать строфу с придуманной строки
и, замыслив погибшим вопреки,
продвинуться от этого начала

по склону вниз, всего на пару строк,
не попадая в каменный мешок,

откуда нет пути ни вниз, ни в гору,
где разум твой застыл в полдневном сне,
дальнейшее оставив режиссеру,
смотрящему на действие извне.

Звуки

Неясно слышимые звуки прошлых лет,
безудержно летящие на свет,
как златоглазки, род сетчатокрылых,
приходят в ум созвездием узоров
и бьются о стекло, и мы не гоним их –
наверно, мы прогнать их и не в силах.
Невидимые блоки дней былых
слипаются в комки, дают осадки,
сминаются в затейливые складки
в моих ландшафтах, выжженных и стылых.

Из этих рифм, из наших разговоров,
ежесекундно бытие плетущих,
и происходит смысл событий сущих;
мы понимаем их упрямый норов.
Сквозь сетку слов мы видим вихрь миров,
и истиной вооруженным глазом
снимаем слой за слоем их покров,
путь отмечая альфою и азом.
Мысль пенится в волнах; я следую за ней
к азовским берегам, вобравшим роспись дней.

Юго-западная школа

Взгляд упирается в последнюю главу
учебника литературы бывшей,
сознание и память окропившей.
Кого свидетелем я призову?
Мы проходили это и прошли
по краю окровавленной земли.
Шальная юго-западная школа,
ирония в формате протокола
энкавэдэшного, холодная рука
и ясный взгляд убийцы и бандита:
какая бездна в этих книгах скрыта,
какой судьбой пропитана строка?

На языке, оставшемся от Блока,
от ледяной мистической пурги
веков серебряного или золотого,
Багрицкий нас учил: убей, солги
да птиц лови до истечения срока.
Олепа, мастер кружевного слова,
стилист Катаев с профилем лжеца,
Ильф и Петров, пленившие сердца, –
прощайте! В книге нового Исхода,
не чувствуя ни боли, ни утраты,
вас смыла черноморская вода
моей зимы двадцать второго года.

Ваш век ушел на хохмы и цитаты,
с бессмертием расставшись навсегда.
Сто лет спустя, сто невозможных лет,
столетие, спрессованное в свет,
смывает строки Бабеля; какой,
еще от крови влажной атмосферой,
он дышит мне в лицо? Циничной верой
о власти над забвения рекой,
струящейся среди моих равнин?
Мысль горькая, лети на острова,
где временем не покоренный Грин
из шеститомника в обложке серой
твердит недогоревшие слова.

Яков Фрейдin – специалист по медицинским приборам и датчикам. В СССР вел научную работу, проводил эксперименты с Вольфом Мессингом и Розой Кулешовой, работал кинокорреспондентом на ТВ. С 1977 г. живет в США. Автор 90 научных статей и популярного учебника по датчикам (*"Handbook of Modern Sensors"*), который выдержал пять изданий и переведен на несколько языков, включая русский (завоевал 1-е место на конкурсе «Лучшие книги года – 2021»). Автор 60 изобретений. Основал три компании по выпуску медицинских приборов. Читал лекции в Калифорнийском университете.

Увлекается живописью. Картины Якова Фрейдина выставлялись в галереях Калифорнии. Публикует рассказы и эссе на русском и английском языках онлайн и в печатных изданиях в Америке, Австралии, Европе. Вебсайт автора: www.fraden.com.

Чао, бабушка!

Каждый раз, когда я бываю в Риме, недалеко от центрального вокзала Термини сажусь на трамвай №19 и еду на старое кладбище «Чимитеро Верано», чтобы навестить мою бабушку Зину (Зельду). Так получилось, что, покинув СССР на 92-м году жизни, моя бабушка не добралась до Америки и нашла упокоение в Вечном Городе, на 29-м участке еврейской секции старинного кладбища. Я кладу на гранитное надгробье маленький камешек, присаживаюсь рядом и мысленно пробегаю по приметным поворотам ее непростого жизненного пути.

* * *

Родом моя бабушка была из Смоленской губернии, из небольшого городка Велижа, но первую половину жизни прожила на северо-востоке Белоруссии, в Витебске; там же вышла замуж, там родились у нее двое детей: дочь (моя будущая мать) и сын, которого забрала война.

Вероятно, именно Витебск дал Зине стойкость и душевные силы на всю оставшуюся жизнь. Не знаю, как сейчас, но лет 100–150 назад странным местом был этот наполовину еврейский город. Именно так – странным и удивительным. Было в нем что-то необычное: не то воздух какой-то особенный, не то солнце там светило интенсивнее, а может, эмоциональная энергия копилась в его недрах, бурлила и рвалась выплеснуться наружу. Казалось, земля не могла сдержать этот глубинный напор и оттого вспучивалась зелеными холмами, которые резко вздымались над оврагами и подбрасывали в небо людей и

животных. Они взлетали ввысь, но вот чудо – обратно не падали, а, словно насмехаясь над земным притяжением, плавали себе среди облаков над белокаменными храмами, зелеными садами и почерневшими от дождей крышами изб и синагог, что с документальной точностью отобразил в своих картинах Марк Шагал. А еще холмы Витебска, будто в ладонях, удерживали реку Западная Двина, воды которой сперва озорно извивались по городу, а затем вырывались на простор и убегали прочь подальше на север, в щедром стремлении поделиться с другими городами и странами мощным эмоциональным зарядом, которого в Витебске было в избытке.

Энергия, клокодавшая под коврами зеленых холмов, приводила к тому, что, словно грибы после летнего дождя, то и дело в Витебске и его окрестностях возникали удивительные таланты. Поначалу они там росли и крешли, напитьсявались живительными соками чудного города, будоражили местную жизнь, а когда становилось им тесно в узких улочках, растекались по всему свету. На память приходят имена художников Ильи Репина (жил в Витебске в зрелые годы), Иегуды Пэна, Казимира Малевича, Марка Шагала, Роберта Фалька, кинематографиста Бориса Волчека. А еще скрипача Бориса Гутникова, композитора Марка Фрадкина, писателя Лазаря Лагина (Гинзбурга), того, кто придумал Старика Хоттабыча, и прекрасного поэта и переводчика Самуила Маршака (некоторое время жил в Витебске). Мало того, недалеко от Витебска полтора века назад родился Федор Махнов, самый высокий человек, когда-либо живший на земле, его рост был 2 метра 85 см. Да, нечто мистическое было в этом городе.

Вот в таком необычном месте жила моя бабушка Зина. Впрочем, чтобы напиться энергией этого города, надо было еще иметь подходящий характер. Не каждому это дано, но у Зины именно такой характер был – волевой, храбрый, да и ума не занимать, что было весьма заметно. Ей даже прозвище дали: «Васса Железнова» – по имени героини известной пьесы Максима Горького. Поэтому стоит ли удивляться, что году эдак в 1919-м ее вызвали в городской отдел ВЧК, и тамошний начальник сказал:

– Ты баба молодая, энергичная и с головой. Вот мы тут с товарищами покумекали и решили выдвинуть тебя на ответственную должность. Назначаем тебя главным агрономом Белоруссии. Завтра и приступай, оправдывай высокое доверие!

Тут, несмотря на солидность этого учреждения, не могла она удержаться от смеха:

– Да вы что, граждане-товарищи, серьезно? Какой же из меня агроном? Я ведь городская, свеклу от березы не отличаю... Вы уж кого

пограмотнее поищите.

– Ах вот ты как! – разозлился этот гражданин-товарищ в кожанке и злобно хлопнул револьвером о стол. – Не желаешь подчиниться революционной дисциплине? Я вот тебе щас пуцу пулю в лоб и враз у тебя грамотности-то прибавится!

А что? Он и пустил бы, не впервой. Что она могла сделать? Сказала «еду», взяла мандат и верхом на лошади поехала по деревням. Но, как я сказал, была у нее голова на плечах, поэтому в первом же селе нашла самого знающего крестьянина и попросила, чтобы он ей объяснил, что надо в это время года делать: какие полевые работы, какие семена, когда и как сажать и прочие премудрости крестьянского дела. Все в книжечку записала и поехала в другую деревню. Там собрала мужиков и – уже как заправский агроном – стала давать им указания, что и как в поле делать, что, когда и как сажать, и так далее. Мужики удивлялись – городская, а ведь как все доподлинно знает! Так целый год и проработала «агрономом», пока не отпустили. Обошлось...

Бабушка с детьми (1928).
Снимок сделан для отправки
дедушке в лагерь

Поскольку, как известно, противоположности сходятся, волевая и сильная бабушка Зина весной 1921 года вышла замуж за доброго, скромного и работающего человека, моего дедушку Моисея. Ему, похоже, волшебный город Витебск не передал своего эмоционального заряда – был он человек тихий, неконфликтный и скрупулезно честный. Кто

знает, может, эти его качества и привели к тому, что не пришлось он ко двору советской власти, ибо долго на свободе жить она ему не позволяла. Моисея постоянно арестовывали. По каким поводам? Да не все ли равно?! У них ведь как – если надо план по арестам выполнять, то повод всегда найдется, был бы человек под рукой. В те годы сроки давали еще небольшие, поэтому дедушку отправляли в тюрьму или лагерь сначала на два года, через некоторое время на три, а затем сроки стали длиннее. Так что быть на воле ему приходилось мало, и поднимать двоих детей, Соню и Абрашу, бабушке приходилось в основном одной.

А потом наступило время, которое сейчас называют Голодомором.

В Белоруссии был он не так ужасен, как на Украине, но все же... В городе появились голодающие украинские крестьяне, которые добирались туда в поисках еды. Словно призраки, бродили они по улицам и умоляюще протягивали руки, а когда голод уносил остатки их сил, ложились на землю и навсегда затихали. Населению Витебска тоже пришлось туго: жили впроголодь, продовольствия катастрофически не хватало, полки магазинов были пусты, и за всякой мелочью выстраивались длинные очереди.

Разумеется, прежде всего голод навалился на семьи репрессированных. В 1932 году, аккурат после Хануки, дедушку опять арестовали, причем с полной конфискацией имущества, что почти наверняка гарантировало его семье голодную смерть. Энкавэдэшники с лоснящимися от сытости физиономиями приехали на грузовике и забрали из дома абсолютно все: мебель, посуду, детские кровати, игрушки, унесли все съедобное, отобрали деньги, обыскали даже десятилетнюю Соню, мою будущую мать, и ее девятилетнего брата. Нашли у них в карманах по маленькой монетке, Ханука-гельт, что отец подарил на праздник, – отняли и эту мелочь. Бабушку с работы уволили, и тогда она поняла – голодная смерть стоит у порога их пустого дома и с нетерпением ждет своей трапезы. Я говорю «бабушка», но было ей тогда только 38 лет. Поначалу она просила соседей и родню помочь, кто чем может, хоть какой-то едой. Одна близкая родственница равнодушно отказала со словами: «Дырявый мешок все равно не наполнишь». Другие сперва помогли чем смогли, но поскольку сами жили впроголодь, то тем и ограничились. Купить хоть какие-то продукты денег не было, и есть стало совершенно нечего.

Зина одолжила у соседки казанок и нож, обдирала со стен обои и вываривала из них крахмальный клей, чтобы хоть как-то накормить детей. У них болели животы, они постоянно плакали от голода и боли, а спустя несколько дней уже просто лежали на голом полу пустой комнаты и молча смотрели в потолок запавшими глазами. Этого зрелища Зина вынести не могла, что-то в ее голове сдвинулось, разум помутился, она вышла из дома и побрела к мосту, под которым текли черные воды реки. Поднялась на середину моста, перегнулась через перила, запрокинула голову, закрыла глаза, и...

Нет! Этот удивительный город не позволил ей уйти вот так – ни за что, раньше времени, пока не вырастила детей и не дождалась мужа из лагеря. В Книге Судеб была записана для нее еще долгая и тяжелая жизнь. В самый последний миг чьи-то цепкие руки схватили Зину, втянули обратно на мост, и сквозь затуманенное сознание услышала она: «Ты что, баба, совсем сдурела?! Грех это! Ну-ка, отойдем давай подальше».

Она не помнила, как стояла, уткнувшись лбом в чей-то забор, медленно приходила в себя, а потом ноги сами повели ее обратно к дому – туда, где были ее дети. Брела, не замечая ничего вокруг, пока не споткнулась обо что-то покато. Опустила глаза и разглядела у себя под ногами мертвого человека. Руки его были широко раскинuty, зимнее солнце отражалось в невидящих глазах, а окоченевшие пальцы правой руки сжимали бульжник. Бабушка склонилась, приподняла руку мертвеца, чтобы сложить ее ему на грудь, и увидела, что не камень держали его пальцы, то была здоровенная картофелина. Видимо, добыл ее где-то этот несчастный, но до рта донести уже не хватило сил. Зина схватила бесценный подарок с того света – и домой!

С того момента что-то изменилось в ее жизни – пошла у нее полоса удач. На другой же день смогла найти работу в лавке скобяных товаров, получила аванс и купила овсяной крупы. Понемногу откормила детей, да и сама стала приходить в человеческое обличье. Через месяц Соня и Абраша достаточно окрепли и смогли опять пойти в школу, худо-бедно жизнь стала налаживаться.

Прошло несколько лет, навалился 37-й год. Город погрузился в оцепенение и страх, однако Зине это время принесло не горе, а радость – у Моисея закончился очередной срок. Под самый Новый Год его из лагеря отпустили, и он вернулся домой. Изможденный, больной, на вид при его сорока пяти годах можно было дать ему все 60. Но ведь вернулся живой!

Забыл я сказать, что бабушка в молодости, да и в более зрелом возрасте, была хороша собой. Люди говорили, что были в ней благородная стать и библейская красота: высокая, стройная, с вороньими вьющимися волосами и большими карими глазами. Да и вела себя соответственно, по-царски. Многие на нее заглядывались, и на беду, где-то через полгода после того, как Моисей вернулся домой, приглянулась она одному мерзавцу – местному уполномоченному НКВД. Стал он к ней подъезжать и делать недвусмысленные предложения. Она ему сказала прямо: «Отвали и не приставай. У меня муж есть, и никто, кроме него, мне не нужен». На что этот уполномоченный язвительно ей ответил: «Ну, твой муж – это моя забота, с ним мы быстренько управимся, а после сама ко мне прибежишь». И той же ночью за дедушкой опять пришли. Допросили с пристрастием и дали десятку по 58-й статье. Затем отправили по этапу в Якутию – самое холодное место на этой планете.

Не в бабушкином характере было смириться с таким поворотом судьбы. Она подкараулила в подъезде того самого энкавэдэшника, своей железной рукой взяла его за горло, придавила к стене и в ухо прошипела: «Мужа моего в ад отправил, сам за ним и пойдешь!» Потом

сделала нечто, в те годы немислимое и смертельно опасное. Попросила соседей приглядеть за детьми, села на поезд и поехала в Москву на прием к «всесоюзному старосте» Калинину – с жалобой на НКВД. Записалась на прием и, на удивление, через несколько дней Калинин ее принял, выслушал и сказал, что разберутся. И что? Может, действительно «староста» помог, но вернее всего, удачно подоспели перемены и чистки, которые начал Берия после снятия Ежова. Негодяя-уполномоченного вскоре арестовали и расстреляли, а дедушку через полгода выпустили, так что оказался этот срок самым коротким в его лагерной биографии. Вернулся он домой из Якутии в начале 39-го совсем обмороженный, долго и тяжело болел.

Моя будущая мать Соня характером пошла в свою мать – такая же активная, смелая и волевая. В 1940 году она стала чемпионкой Белоруссии по стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Тогда это был популярный спорт – готовились к войне. А когда в 1941-м началась война с Германией, ее брат Абраша, которому как раз исполнилось 18 лет, в самые первые дни войны ушел на фронт и вскоре погиб.

В начале июля немцы подходили к Витебску и тогда всю девчачью стрелковую команду вызвали на сборный пункт и сказали, что их забросят за линию фронта на парашютах. Кто-то из девочек спросил: «А какое нам выдадут оружие?» Ответ был в духе того времени: «Никакого оружия у нас для вас нет. Когда приземлитесь, убьете немцев подручными средствами, завладеете их оружием и будете с этим оружием воевать. На сборы два часа». Соня прибежала домой и стала складывать вещевой мешок. Бабушка заподозрила неладное:

– Где ты пропадала? Немцы к городу подходят, собирайся скорее, последний поезд уходит. Надо бежать на вокзал.

– Нет, я в эвакуацию не еду, – сказала моя будущая мать, – нас с девочками забрасывают на парашютах к немцам в тыл воевать.

Бабушка не на шутку рассердилась:

– Ты эту дурь из головы выбрось! Я вот тебя сейчас заброшу в вагон, и тогда будет тебе наш тыл, а не немецкий!

Возник большой скандал. Бабушка сначала заперла Соню в комнату, чтобы проревелась, а потом они с дедушкой силой отволокли ее на вокзал и запихнули в последний поезд, уходящий на восток. Ехали долго, под бомбежками и обстрелами, но выжили. Так попали они в эвакуацию на Урал. А потом, уже после войны, моя мать узнала, что ее подружек, тех, которых забросили на парашютах за линию фронта, немцы еще в воздухе перестреляли, и никто живой даже не приземлился. Таким образом, благодаря бабушке у меня возник шанс появиться на свет.

Похоронку на сына бабушка получила уже на Урале, но

поделилась этой страшной новостью только с дочерью. Мужу решила пока ничего не говорить – знала, что он этого не переживет. Она и моя будущая мать хранили тайну все военные годы. Они даже изредка писали от имени Абраши поддельные письма, которые дедушке самому прочитывать было трудно из-за плохого зрения, и Соня читала ему вслух. Когда в последний месяц той войны родился я, моя мать хотела назвать меня именем своего погибшего брата, как это обычно принято в еврейских семьях, но бабушка воспротивилась: «Если вы ребенка так назовете, – сказала она, – Моисей сразу догадается, что Абраши уже нет в живых. Он этого не переживет». Поэтому они решили назвать меня в честь моего прадеда, бабушкиного свекра раввина Якова, тоже убитого немцами в самом начале войны. А когда пришла победа, бабушка придумала историю, будто вызвали ее в военкомат и сообщили, что сына не демобилизуют, а оставляют для дальнейшей службы в группе оккупационных войск в Германии. Дедушка, похоже, поверил. Впрочем, рано или поздно правда должна была всплыть. Спустя года полтора он нашел в комодке спрятанную похоронку, с трудом прочитал, и через несколько дней его не стало – истерзанное сердце старого зэка этого удара не вынесло. Так в свои 53 года бабушка стала вдовой.

Где-то лет через семь после войны, а может через десять, бабушка поехала в Белоруссию, чтобы разыскать могилу сына; и еще была у нее надежда узнать обстоятельства его гибели. Каким-то образом ей удалось выяснить название поселка, вблизи которого погиб в бою Абраша. Приехала она туда, стала показывать людям снимки сына, и местные крестьяне, муж с женой, привели ее за околицу к братской могиле, покрытой гранитной плитой, под которой лежали погибшие мальчишки. Среди других имен на плите значилось: «Угорец, Абрам Моисеевич 1923–1941».

Долго стояла она у могилы, гладила ладонью имя сына на плите, и слезы текли по ее щекам. За кладбищенской оградой собралась вся

Бабушка у могилы сына

деревня, люди молча за ней наблюдали, о чем-то шептались, долго не уходили. Крестьянка, что стояла у могилы рядом с бабушкой, взяла ее за руку и тихо заговорила:

– Я твоего сына хорошо помню. Он был единственным солдатом, кто еще живой

оставался после того боя, но раненый и ходить не мог. Его к себе в сарай забрал наш председатель сельсовета – вон, гляди, он там с краю стоит, за оградой. А когда через несколько дней в село зашли немцы и стали про евреев спрашивать, он их к сараю привел и твоего сына отдал. Один немец протянул ему пистолет и говорит: «Сам стреляй!». Председатель пистолет у немца взял и выстрелил мальчику в голову. Потом утащил тело и бросил вот сюда, в яму, к другим мертвым солдатам. Немцы ему за это пуд муки дали.

Ни слова не сказала бабушка, ушла за деревню в поле и там до ночи одна простояла. А когда стало совсем темно, подобрала у дороги тяжелый камень, спрятала за пазуху и пошла к избе того председателя. Но сделать то, что задумала, ей не дали. Неожиданно появились из темноты несколько местных мужиков – видимо, следили за ней, – камень отняли, руки скрутили, забросили в кузов полуторки и увезли на станцию. Когда подошел поезд, запихнули ее в вагон и сказали: «Уезжай, пока цела, и никогда больше в наших краях не появляйся».

* * *

– Что ж, пора мне, – говорю я и поднимаюсь с гранитной плиты, – здесь положено говорить: *riposare in pace*. Полагаю, за три десятка лет в этой земле ты научилась понимать по-итальянски? Чао, бабушка...

Я выхожу за ворота высокой кирпичной стены старого кладбища и пешком иду обратно к центру Рима, чтобы вновь влиться в нескончаемый круговорот жизни великого города...

Бен-Эф (Еся Коган) – родился и всю жизнь прожил в Москве, пока в 1992 году не переехал в Штаты. По образованию математик, кончил мехмат МГУ и позже защитил кандидатскую диссертацию. Приехав в Нью-Йорк, читал вводные курсы лекций по статистике в Курантовском институте, потом работал в Чикагском и Иллинойском университетах, а затем – статистиком в фармацевтических компаниях. Участвовал в девяти сборниках «Страницы Миллбурнского клуба».

Время, на-Зад!

Плач по русской культуре

По русской культуре
Еврейский плач:
– С Канатчиковых дач?
– О волке в овечьей шкуре?
Безутешно-безудержный
Доносится из зарубежья:
О любимом супе с котом,
О «нашем всём»,
Вперемешку и о Толстом.

А заодно и о сливочном пломбуре
В незабываемом вафельном стаканчике,
О горячих пирожках с повидлом или капустой,
Обжигавших детские пальчики...
Как тут не вспомнить и о дачном сортире,
Где стало так пусто?
На сердце так грустно...

О прежнем,
О Брежнем
И об ОВИРе...

По «Тарасу Бульбе», по школьной литературе:
– Развей ее наберешь на лаптоповой клавиатуре?
О женщинах в русских селеньях
На старой духмяной Руси... –
Сорокин *забил* и Пелевин –
И ты о ней не грусти,

Хоть без отчества – как без отчества,
И таблетками это не лечится.
Но не бейся челом ты о пни
Лукоморья – охолони!

Мойшеле, милый, не плачь!
Навеки с тобою саврасовский грач –
Дерни с ним с горя стаканчик виски –
И Мандельштама со Сталиным матч
В рифму по переписке...

Не вынуть из речки нам Танечкин мяч,
По экрану ерзая мышкой...

Кто он был, Гумилева палач?
За давностью лет уже не узнать –
Плонув в сердцах: «...ти их мать!» –
Одни наградные книжки...

Садовничий садовник

От лысенки до фоменки,
от лубянки до таганки
науки сад цветет –
садовничий садовник
его блюдет
недремным зраком
лет 30 уже с гаком
в садовниках сидит
и удобряет... мраком,
имея важный вид,
все сорняки жидовские
парторгом прополол –
доцентики не броские
желтеют – садик гол
с партийною наукою
из старых нужников,
сидит, как кот, мяукая,
блюдет, как сын, всех сов.

...Математики отдушина
в достославные времена...
Все задушено-передушено:
– Гой-еси ты, еврейская старина!

Мехмат. Картина на стене

Мехмат. 15-й этаж.
Картина на стене...
Названия не вспомнить мне –
теней безмолвный страж.
Наверно, «Гении на дне»
или «Вождя бандаж»?
Хоругвью сталинских времен
висит в багровой мгле...

С газетой «Правда» на столе, –
талантом защищен? –
Наш Колмогоров – свет,
с ним Александров – милый друг, –

Мехматовский весь цвет:
 Континуума присные сыны,
 Компакту партии верны?!
 ...от вдохновенья чуть бледны,
 пытаюсь скрыть испуг
 и страх
 (кругом партийные чины) –
о-малое (в глазах)...
 Гадают, в чем еще грешны,
 кто следующий из них
 и где то меньшее из лих
 в пространствах вероятностных?

Что там еще на полотне –
 соцреализма сказке –
 художник нам изобразил?
 Совсем забыл:
 ...Рояль в кустах! –
 где брал он эти краски?!

...Добрейший с виду дедушка
 с бородкою козлиной –
 большой любитель девушек,
 толкает речь Калинин
 и светочей смиренных поучает –
 несет пургу органчик заводной
 и, математику ни в зуб ногой,
 их большевицким Интегралом наставляет,
 в *гелтереров* без промаха стреляя,
 но на допросы сирых не тягая, –
 серпастому пределу как служить,
 Врагов разоблачая:
 Егорова в тюрьме стноить,
 науку Русскую любить,
 в оценках не виляя;
 ученикам как Лузина прищучить –
 всему их Староста «научить».

Науки русской цвет внимает:
 Чтоб выжить! – об одном мечтает.

...Вновь, как Ньютонова бином,
 ворота распахнул дурдом.

Невинная игра рассудка

Никто так быстро не стареет, как наука,
 моя старинная подруга:
 вчера девчонка, а теперь уже старуха –
 такая мука!

Виновники?
 Познания неуёмного паломники,
 ее высоколобые любовники –
 давным-давно уже покойники...
 Какой там свадебный обет –
 на ней живого места нет!

Невинная игра рассудка –
 жена, подруга, проститутка?
 Кто она им – мужьям седым,
 юнцам безусым,
 сорвавшим бусы
 и сорочку разорвавшим...
 у падшей?!

Их статистическая ложь
 тебя отправила под нож.

Все эти Марксы – Энгельсы
 и Ленины да Сталины,
 за ними

Гитлеры да Геббельсы –
 гробов прогалины
 подземных поисков – открытых
 в шарашках, в Колыме зарытых,
 в Освенциме задушенных, сожженных –
 наукою германской прокаженных,
 дымящей неполитпросветной,
 крестьянско-пролетарской
 Этной.

...На старости без видимой вины,
 бедняжка, стала ты расизмом белизны.
 Утратив всю свою харизму,
 ты пала жертвой *гендер-феминизма*,
 политкорректность запустив в свой дом:
 Стокгольмский тебя мучает синдром.

Браток Иванушка и сестрица Оленушка

(Несказка)

От ВЧК до ЧВК
 прошло почти 100 лет:
 ах, до чего же коротка
 была дорожка в полшажка
 под грай газет!

Красней, чем Ленинский завет,
 в чем для Ивана-дурака
 трех буковок секрет,
 что рисовал на всех заборах
 на безграничных Родины просторах?

Загадочная русская душа!
 Ой, до чего же хороша
 была Оленушка – сеструшка!
 (Кто говорит: хохлушка?)
 Ну, погоди! Браточек сымет стружку...

Со шукою наперевес,
 шпана шпаной с винтовкой,
 браток – совсем уже облез –
 Оленушку пугает красной кнопкой

...ей снится? Отгадай секрет,
мух сдунув с киевских котлет,
шпаны узнав геонауку, –
сон адов будет в руку.

Ведь для Ивана-дурака,
чтоб не зевать со скуки, –
была бы крепкая рука, –
всего важней найти Врага
внутри – кругом – снаружи:
пущай нам будет хуже!
Сермяжной сказочки секрет –
страшней его сегодня нет.

На свалку выкинув жену,
Иван-дурак влез на страну –
она идет под ним ко дну,
то бишь с войною на сестру –
Иванушка, савраска: –Тпру!

...Хвалился, идучи на рать,
на купола крестясь, как тать,
на луковки...
Братка давно пора послать
на три веселых буквы:
Иванушка, пора бы с рати
во дворец свой, в бункер,
на полати –
и русские чай гонять,
три буквы намазав клоковкой...

Время, на-Зад!

I

Евразийство
русских сфер
перешло в братоубийство
на прохановский манер
в-Зад даешь эСэСэСэР
меж лазурных полусфер!

II

Из гэбэшного угла,
где кашеева игла,
из бочара-склепа
выползала крыса-мгла –
праха скрепа,
катехонского козла
с урожаем новым зла,
у двуглавого орла
распустила перья
тьмы-имперья.

III

Обнуленная как царь,
Крыса Zла облеZла –
новый русский Государь –
вжик, на трон залезла.
Трон не хочет оставлять,
Время повернула вспять:
Рашку окружают! –
Черта лысого встречать,
Смерть, - чтоб уважали!

IV

Все из колоний уголовники,
надевши бронники,
рванули в патриоты,
а патриоты – в уголовники,
в мясные музыкантов роты.
В руках у них смычки-половники,
из украинского кровавого борща
черпают к родине любовь сообща,
войны паломники.

V

Крысиный русский пир,
изъеденный до дыр,
ГУЛАГа сталинский амфир –
бесплатный в мышеловке сыр,
духоподъемный дугина тротил –
Vзрывавай проханова клоZет
от V до Z!

